

**Санкт-Петербургский государственный университет
Государственный университет Шота Руставели**

**ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИЗЫСКАНИЯ**

VI



**Издательство „Универсал“
Санкт-Петербург 2010 Батуми**

**St.-Petersburg State University
Shota Rustaveli State University**

**HISTORICAL AND PHILOLOGICAL
RESEARCH**

VII



**Punlishing house
St.–Peterburg 2010 batumi**

სანკტ-პეტერბურგის სახელმწიფო უნივერსიტეტი
შოთა რუსთაველის სახელმწიფო უნივერსიტეტი

ისტორიულ-ფილოლოგიური კიეზანი

VII



გამომცემლობა „უნივერსალი“
სანკტ-პეტერბურგი 2010 ბათუმი

Главный редактор
Editor-in-chief
მთავარი რედაქტორი

Марине Арошидзе
Marine Aroshidze
მარინე აროშიძე

Редактор электронной версии
Editor of the electronic version
ელექტრონული ვერსიის რედაქტორი

Манучар Лория
Manuchar Loria
მანუჩარ ლორია

Редакторы

Нана Каджая
Кетеван Сванидзе
Асमत Ардзенадзе
Дали Доборджинидзе
Реваз Диасамидзе
Да вид Гоциридзе

Editors

Nana Kajaia
Ketevan Svanidze
Asmat Ardzenadze
Dali Doborjginidze
Revaz Diasamidze
David Gotsiridze

რედაქტორები

ნანა ქაჯაია
ქეთევან სვანიძე
ასმათ არძენაძე
დალი დობორჯგინიძე
რევაზ დიასამიძე
დავით გოცირიძე

Редакторская коллегия:

Анзор Абусеридзе (Грузия), Татьяна.Боборыкина (Россия), Марина Гиоргадзе (Грузия), Ирина Гошкетелиани (Грузия), Рафаэль Гузман Тирадо (Испания), Шота Мамуладзе (Грузия), Тамаз Путкарадзе (Грузия), Шорена Махачадзе (Грузия), Валерий Монахов (Россия), Мамия Пагава (Грузия), Марианна Пискова (Болгария), Индира Дзаганя (Грузия), Инга Киквидзе (Грузия), Жале Мамучадзе (Грузия), Марина Сиоридзе (Грузия).

Editorial board:

Anzor Abuseridze (Georgia), Tatyana Boborikina (Russia), Marina Giorgadze (Georgia), Irina Goshketeliani (Georgia), Rafael Guzman Tirado (Spain), Shota Mamuladze (Georgia), Tamaz Putkaradze (Georgia), Shorena Makhachadze (Georgia), Valiriy Monakhov (Russia), Mamia Pagava (Georgia), Marianna Piskova (Bulgaria), Indira Dzagania (Georgia), Inga Kikvidze (Georgia), Jale Mamutchadze (Georgia), Marina Sioridze (Georgia).

სარედაქციო კოლეგია:

ანზორ აბუსერძე (საქართველო), ტატيانა ბობორიკინა (რუსეთი), მარინა გიორგაძე (საქართველო), ირინა გოშკეტელიანი (საქართველო), რაფაელ გუზმან ტირადო (ესპანეთი), შოთა მამულაძე (საქართველო), თამაზ ფუტკარაძე (საქართველო), შორენა მახაჭაძე (საქართველო), ვალერი მონახოვი (რუსეთი), მამია ფაღავა (საქართველო), მარინა პისკოვა (ბულგარეთი), ინდირა ძაგანია (საქართველო), ინგა კიკვიძე (საქართველო), ჯალე მამუჭაძე (საქართველო), მარინა სიორიძე (საქართველო).

ISSN 1512-3162

გამომცემლობა „**უნივერსალი**“, 2010

თბილისი, 0179, ი. ჰაბივაძის გამზ. 19, ☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge

С о д е р ж а н и е

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Авалиани Т., Сичинава Н. К проблеме перевода реалий, пословиц и поговорок в свете межкультурной коммуникации	8
Агаджанова Л. Восприятие политического коллажа в межкультурном аспекте.	16
Арошидзе М. Интертекстуальность как критерий эстетической ценности текста.....	22
Брунджадзе И. Национальное коммуникативное сознание	30
Диасамидзе В. Словообразовательные модели имени существительного в современном французском и испанском языках	37
Диасамидзе Л. Лингвистический юмор в британских и американских анекдотах	44
Солопова О. Когнитивно-дискуссионная модель будущего	51
Хитрук О. Семиотический механизм создания квази-текста.....	60
Шамоглы С. Системный характер семантических полей	67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Давитадзе Т. Символы и метафоры в поэзии Шарля Бодлера	71
Доборджгинидзе Д. Тема трагической судьбы человека в тоталитарном государстве.....	79
Каджая Н. «Московские» повести Ю. Трифонова (система образов)	85

Майсурадзе Н.	
Феномен интертекстуальности в современной литературе.....	90
Махачадзе Ш.	
Грузинское литературоведение в постмодернистскую эпоху	95
Шаинидзе Ж.	
Аллюзии персонажей А. Чехова в романе М. Джавахишвили «Djakos khiznebi»	102
Шамилишвили И.	
Проявление национального характера в новеллах Р. Мишвеладзе	108
Шарадзе И.	
Грузинский этнолитературный портрет в русской литературе	114

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тавадзе С.	
Фильмы-притчи режиссера Эльдара Шенгелая	119
Кашия М.	
Принципы грузинской сценографии 70-80-х годов XX века в творчестве М. Швелидзе	125
Лория М.	
Визуальная антропология и документальный кинематограф.....	130

ИСТОРИЯ

Белгадзе И.	
История еврейского народа во Франкском государстве	136
Беридзе Б.	
Глобализация	143
Зосидзе Н.	
Из истории грузино-турецких отношений в 1917-1918 гг.	146
Мамуладзе Ш.	
Гонио-Апсарос в позднеантичную эпоху	161
Диасамидзе Х.	
Холодная война. Проблемы хронологии и причин войны.	175

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДОВАНИЯ

Геладзе Д. Информатизация учебного процесса	183
Ардзенадзе А. Роль изучения менталитета в преподавании иностранного языка	188

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Ахвледиани М. Грузинская лексика в языке русских поэтических переводов.....	194
Беридзе Х. О русском переводе произведения Важа-Пшавела „Горы высокие“	201
Зоидзе Т. Структура авторского мировосприятия.....	206
Сванидзе К. Культурологические лакуны в рамках модели межкультурного общения	213
Диасамидзе Т. Этикет невербального общения	219
Берадзе И. Речь как важнейший фактор социального статуса	225
Гогитидзе Л. Сложности, вызванные лингвистическими и историческими факторами при переводе библии.....	230
Родинадзе С. Вербальная и невербальная коммуникация в морской системе.....	235
Родинадзе Ш. Лингвокультурологические аномалии с точки зрения культур.....	240

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Т. Авалиани, Н. Сичинава (Грузия)

ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ, ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном мире всё более усиливаются интеграционные процессы, ведущие к созданию новых сообществ: в Западной Европе, например, налицо процесс формирования Европейского Сообщества с установлением европейского гражданства и со всеми вытекающими из этого последствиями. В этих условиях «самым напряжённым звеном оказывается актуализация культурного принципа и осмысление межкультурной коммуникации (МК), которая не может быть реализована лишь с принятием формального начала принципов кооперации» (Тхорик, Фанян 2006: 164).

Интеграционные процессы неизбежно ведут к мультикультурализму и мультилингвизму, порождающим всё новые проблемы в процессе МК. Так как Большая часть подобных проблем связана в основном с различиями в языковых картинах мира, всё актуальней становится рассмотрение в этом аспекте одного из видов МК - перевода.

Перевод – одна из форм взаимодействия культур. Как правильно указывают лингвисты, талантливые художественные переводы должны обладать минимальной «экзотичностью», они должны оцениваться как принадлежащие прежде всего той культуре и тому языку, на котором существует перевод. «Талантливый художественный перевод не опознаётся в качестве инокультурного» (Сорокин 1999: 137).

Как в этом аспекте решается проблема непереводимости? Ведь «единицей семиозиса следует считать не отдельный язык, а

всё присущее данной культуре семиотическое пространство» - полагает Ю. М. Лотман (Лотман 1996: 165).

В связи с вышесказанным, целью данной работы является проследить, как переводчики справляются с указанной проблемой при переводе художественных произведений, полных языковыми единицами из области непереводаемого. Это так называемые реалии - слова, называющие элементы чужого быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфические особенности другого народа, страны. А также пословицы, поговорки и т. д.

В качестве объекта анализа подобран русский перевод повести И. Чавчавадзе «Человек ли он?!», выполненный М. Бирюковой (Чавчавадзе 1987)¹.

В процессе перевода указанного произведения переводчица сталкивается с реалиями грузинского быта, являющимися наименованиями пищи, одежды, жилья, посуды, единиц меры, сельскохозяйственных построек и т. п. Для их перевода она пользуется, **в-первую очередь, приёмом транслитерации**: *mutaqa* - мутака, *čixrtma*-чихиртма, *bozbaši*-бозбаши, *lavaši*- лаваш, *čoxa* - чоха, *xurž* 'ini- хурджин и др. Значение части транслитерируемых слов истолковывается в прилагающемся к тексту пояснительном словаре, например: *чоха* – «грузинская национальная мужская одежда», *хурджин* – «переметная сумка» и др. О значении же других читатель легко догадывается по контексту: «*перед взором его воздвинулась крынка с дымящимся бозбаши, с накрошенным по самые края лавашом, всплыла положенная поверх него баранья нога*». (229).

Нередко значение безэквивалентной лексики может передаваться **с помощью развернутого описания**: *tarani*-«винный погреб», *p'icruli* – «дощатая каморка» и др.

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

При описательном переводе грузинских реалий в ряде случаев пришлось прибегнуть к образованию **контекстуальных неологизмов** за счет расширения значений русских слов. Например, *satone* переводится как *пекарня с печью, врытой в землю*. В русских толковых словарях слово "пекарня" зафиксировано со значением: "небольшое предприятие для выпечки хлеба". В рассматриваемом переводе это слово употреблено в новом, не свойственном ему значении: «небольшая постройка для выпечки хлеба».

При передаче реалий активно может использоваться также **приближенный перевод**, при котором в языке перевода подыскивается понятие, которое хоть и не совпадает с исходным понятием, но имеет с ним значительное семантическое сходство и способно раскрыть читателю суть реалии. Например: *c'aḡebi* («сапоги на каблуке с высоким голенищем») переводятся как *сапожки*, для передачи *adli* - грузинской меры длины, приблизительно равной одному метру, привлекается, слово *аршин* (русская мера длины равная 0, 71 метра), *tungi* (медный кувшин с узким горлышком) переводится как *кувшин* и т. д.

Нужно отметить, что поиски семантически сходных слов не всегда могут увенчиваться успехом. Так, на наш взгляд, нельзя отнести к числу переводческих удач передачу слова *čaluri* (наименование постройки, крытой соломой) словом *саманник*. Слово "саман" тюркского происхождения, оно обозначает необожженный кирпич из глины с примесью резаной соломы, а также солому, идущую на изготовление такого кирпича. Постройки из самана известны в безлесных районах и именуются там "саманками" (в рассматриваемом нами переводе - *саманник*). Как следует из значений слов *čaluri* и *саманник*, они не представляют собой равнозначных понятий, лишь частично совпадают по смыслу. Думается, что введение в текст перевода слова *саманник* не является удачным способом передачи грузинской реалии, так как оно является реалией

нерусского и негрузинского быта, понятно не каждому говорящему по-русски и само нуждается в толковании.

Аналогичные сомнения в адекватности передачи грузинской реалии возникают при рассмотрении значений слов *artala* и соответствующего ему в тексте перевода слова *голяшки*: „Добрые жирные **голяшки**, да еще сваренные, как наши Тедо варит, дай ему бог, да еще с чесночком... Целое царство отдал бы за них, как перед богом говорю!~ (227).

Слово *artala* в грузинском языке имеет следующие значения:

- 1) нижняя часть бедра туши коровы;
- 2) жидкое кушанье, приготовленное из этой части.

Привлеченное для перевода слово *голяшка* дается в толковых словарях с пометами «просторечное» и «областное» и обозначает то же, что и «голень» - «часть ноги от колена до стопы». Таким образом, слово *голяшки* не может служить наименованием жирной и сытной пищи, о которой мечтает герой рассказа «Человек ли он?!», кроме этого в сознании русского человека оно ассоциируется со словом «голый», что является дополнительным аргументом для признания данного перевода неудачным.

При переводе востребованным оказывается и **калькирование**. К этому способу переводчица прибегает при передаче значения реалии грузинского сельскохозяйственного быта - *sasiminde*. Этим словом в грузинском языке называют постройку для хранения кукурузы. В рассматриваемом переводе ему соответствует слово *кукурузник*, зафиксированное в русских толковых словарях в значениях: 1) кукурузное поле; 2) вид самолета. Как видим, переводчице пришлось расширить значение русского слова за счет образования семантической кальки. Оно легко вписалось в контекст и, поддержанное соседством с наименованиями других хозяйственных построек, не вызывает трудностей в восприятии текста русским читателем: *Довольно поодаль от нее стоит пекарня с печью,*

врытою в землю, за ней амбар, к коему жметя односрубок-кукурузник - создание жалкое и несчастное. (204).

Повесть И. Чавчавадзе «Человек ли он?!» изобилует **пословицами и поговорками**, которые, как известно, в «шкале непереводаемости» или «труднопереводимости» занимают одно из первых мест. Пословицы и поговорки относятся к устойчивым метафорическим сочетаниям. Основными приемами их передачи обычно являются:

1) калькирование, т. е. передача пословиц и поговорок с сохранением вещественно-образного значения слов оригинала;

2) приближенный перевод, при котором прибегают к видоизменению вещественного смысла отдельных смысловых частей пословицы или поговорки;

3) использование эквивалента (с тем же или с другим лексическим наполнением), т. е. пословиц и поговорок, действительно существующих в языке, на который делается перевод.

Калькирование позволяет сохранить национальный колорит и вещественно-образное значение переводимого словесного материала. Этим приемом передаётся смысл таких грузинских пословиц и поговорок, как:

tox'vares pirši u_z raxe, mters pirs ukanao - Друга брани в лицо, недруга - за спиной; xerxi s_z 'obia ġonesa, tu kaci moigonebsa - смекалкой и силу поборешь, только бы придумать; m_z 'obs m_z 'obni ar daelevao - лучше лучшего не переведется; xari xartan rom daaba, an znes iclis an fersao - припряги одного быка к другому, тотчас же или стать переймет, или нрав; mta da bari vis gausč'orebiao - гор с долинами не сровнять; krtami s_z 'o_z 'oxets anatebso. - взятка и ад освещает.

При использовании **приема приближенного перевода** становится возможным подобрать такое соответствие или внести такие изменения в состав переводимой пословицы, чтобы полученная единица напоминала пословицу и в переводе. Так, перевыражая грузинскую пословицу на русский язык, переводчица стремится сохранить прежде всего ее формальные

особенности - лаконичность, афористичность, рифму. Например: *x'veli puri da kai guli* - хлеб да сыр, да божий мир; *rogorc gi₃ 'irdes, ise giğirdeso* – прижмет, так плати; *bedi tomeci da sanagveze gadatagdeo* – привалила удача, хоть за ворота выбрасывай; *upatrono sax'dars ešmakebi daepatronebiano* - в покинутую церковь черти лезут.

В ряде случаев грузинские пословицы и поговорки переданы их **русскими эквивалентами**, которые гармонично вписываются в контекст и успешно участвуют в решении художественно-изобразительных задач. Например: *k'um fexi gamohx'o, da tec naxir-naxirao* - всякое лыко норовит в строку. *x'vela tavis kurkši iyoo.* - Все в своей шкуре помещались.

При переводе пословиц и поговорок **важно сохранить не только их вещественный смысл, но и присутствующий в их содержании подтекст**. Пословицы и поговорки в ряде случаев становятся стержневыми, они используются автором для решения разнообразных задач, например, для придания художественному изображению иронической окраски. Как известно, в ироническом высказывании комический эффект достигается тем, что истинный смысл высказывания замаскирован: говорится прямо противоположное тому, что подразумевается. Таким стержнем повествования в одном из эпизодов повести "Человек ли он?!" стала пословица "*p'eri p'ersao, madli ġmertsao*", на развертывании смысла которой строятся рассуждения автора, критикующего социальные и нравственные устои современного ему общества.

Поговорка "*p'eri p'ersao, madli ġmertsao*", передана в переводе русской поговоркой "*Муж и жена одна сатана*". Учитывая ту смысловую нагрузку, которую имеет грузинская поговорка в оригинале, трудно согласиться с выбором переводчицы, так как введенная в текст поговорка лишает повествование тонкой иронии автора, никак не связана со следующими за ней рассуждениями. Думается, что здесь уместнее было бы употребление другой русской поговорки:

"Стерпится - слюбится", тем более что далее в повествовании следуют рассуждения, вполне вытекающие их морали этой поговорки:

*Таким же способом и совершилась женитьба нашего Луарсаба. Однако же, хоть произошла она по принуждению, и хоть надули его, не давши ничего приданого, хоть и вместо писаной красавицы подсунули уродину, - так уж, верно, решил он, на роду мне написано, и, раз уж делать было вовсе уж нечего, негде печаль было утолить и тоску свою, и примирился, подчинился судьбинушке. В конце концов, как уже имел случай узнать любезный читатель, **слюбились** наши Луарсаб с Дареджан. Или уверились совершенно, что **любят** друг дружку. Сами уверились, а другие... не скажу, не знаю. "Муж и жена одна сатана", - сказано словно бы о них, и не в бровь, а в глаз. Достались один другому, да и прижились, **притерпелись**. Да разве немногие у нас, **притерпевшись**, увериваются вполне, что уж и **полюбили**? В этом отношении грузин, прямо надобно признаться читателю, куда как хорош: равно и счастью и несчастью покоряется. Ни ради одного не расшибет себе головы, ни от другого не примется отбиваться, - одинаково и тому и другому повинуется, и к тому и к другому безразличен и равнодушен" (248).*

Таким образом, языковые единицы из области непереводаемого - так называемые реалии, отражают практический опыт, традиции, культуру народа и особенности его национального мировосприятия. Умелое использование приемов перевода во всем их многообразии - важнейшее условие того, чтобы носитель этноментальности и языка перевода смог не только преодолеть лингвоэтнический барьер и полноценно воспринять переводной текст, но и чтобы для него перевод не опознавался в качестве инокультурного.

Литература:

1. *Влахов, Флорин 1980* - Влахов Сергей, Флорин Сидер. Непереводимое в переводе. М. 1980;
2. *Лотман 1996* - Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996;
3. *Рецкер 1974* - Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974;
4. *Сорокин 1999* – Сорокин Ю.А. Чего ждать переводчику – рая или ада? // Учёные записки РОСИ. Серия: лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. Вып. 2. Курск. 1999;
5. *Тхорик, Фанян 2006* – Тхорик В. И., Фанян Н. Ю. Лингвокультурология и Межкультурная коммуникация. М. 2006;
6. *Федоров А. В. 2006* - Федоров А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). М. 1968;
7. *Чавчавадзе 1987*- Чавчавадзе Илья. Стихи. Поэмы. Повести. Рассказы. Перевод с грузинского. Тбилиси. 1987.

Temur Avaliani, Neli Sichinava (Georgia)

ON PROBLEMS OF TRANSLATING REALIAS, PROVERBS AND SAYINGS ON THE BACKGROUND OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS

Summary

The process of translation, especially fiction translation is one of the most interesting phenomenon of the cross-cultural communication. The translation is valuable on the basis of which the bearer of translation language gets the knowledge of everyday life, culture and traditions in the realities of the people speaking in the original language.

The paper deals with the ways of translation of Georgian realities into Russian, which are used in the Russian translation of “Is man a human being?!” written by Ilia Chavchavadze. Depending on the various examples the authors assume that the different types of translation should serve the creation of conditions which will support to overcome the lingual barrier and Russian Ethno-mentality of Russian readers, as well as to get the information from the composition perfectly and to understand Georgian culture, traditions and existence.

Л. Агаджанова (Грузия)

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОЛЛАЖА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Проблема взаимодействия языка, мышления и культуры приобретает особую остроту в период расширения международных контактов, интенсивного информационного обмена между представителями разных национальных коллективов. В современной межкультурной коммуникации постоянно возрастает роль креолизованных текстов, где иконические средства, наряду с вербальными воспроизводят картину мира, шкалу ценностей, эстетические идеалы нации.

Значительный интерес в связи с этим представляет интерпретация политических коллажей в контексте межкультурной коиммуникации, т.к. посредством их восприятия иноязычным адресатом российской прессы происходит знакомство с чужой социальной политической и культурной жизнью, а порой и её адаптации в иной национальной среде.

Понимание креолизованных текстов политического содержания, определяемое как когнитивная деятельность, результатом которой является установление смысла сатирического текста, представляют собой сложный и многомерный процесс. Базу для понимания текста реципиентом составляет совпадение концептуальных систем автора и адресата, но полное совпадение таких систем невозможно, соответственно полного совпадения проекций текста у автора и адресата не может быть.

Проблема понимания смысла текста обусловлена также культурно-языковыми различиями, характеризующими межкультурную коммуникацию. Это объясняется тем, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система социальных стереотипов и когнитивных структур.

Коллажи, имеющие большую популярность у современного читателя, обладают большим потенциалом для исследования их способности отражать национально-культурную специфику.

Каждый национальный язык - это зеркало культуры своего народа, в котором отражается не только окружающий человека мир, но его видение мира, менталитет народа, его национальный характер, традиции, мораль, система ценностей.

Важнейшим инструментом познания языка другого народа, его культуры и менталитета является текст, это основная единица коммуникации, способ хранения и передачи информации, продукт определенной эпохи.

Долгое время язык и культура рассматривались как автономные образования, но в настоящее время они интенсивно изучаются во взаимосвязи, обусловленной их общей чертой - антропоцентричностью. Уникальна роль человека в контексте культуры: человек - творец истории и в то же время его объект, предмет; человек - автор-адресант и адресат текста одновременно. Антропоцентричность - существенная черта произведений культуры. Изучение художественного текста как феномена культуры позволило выявить много интересного, в частности, категорию интертекстуальности. Доказано, что текст представляет собой атрибут культуры, включается в нее как ее составляющая. Во-вторых, текст включает в себя опыт предшествующей и сосуществующей с ним культуры. И именно поэтому в процессе восприятия политической сатиры большую роль играет наличие у реципиента фоновых знаний и картины мира.

Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров были первыми учеными, которые научно обосновали объективность существования фоновых знаний. Огромная заслуга Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова состоит в том, что они вскрыли лингвистическую природу фоновых знаний. Они на множестве примеров показали что, семантика слова одним лексическим понятием не

исчерпывается. Слова эквивалентные в понятийной области, расходятся в другой сфере своей семантики. (Верещагин, Костомаров 1980:36).

Окончательно не решен вопрос об определении границ фоновых знаний, порой к ним относятся практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения. Т.Д.Томахин, предположив определенную градацию фоновых знаний, указал на то, что основным объектом страноведения являются знания, связанные с национальной культурой, присущие определенной этнической и языковой общности. Автор не считает возможным представить фоновые знания системно, так как они по сравнению, например, с научными, не упорядочены иерархически, а запоминаются и воспроизводятся по яркости впечатлений (Томахин 1998:82).

Картина мира — система интуитивных представлений о реальности. Картину мира можно выделить, описать или реконструировать у любой социопсихологической единицы - от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы или отдельной личности. Каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира. Картина мира древних индийцев не похожа на картину мира средневековых рыцарей, а картина мира рыцарей не похожа на картину мира их современников-монахов.

В то же время, можно выделить универсальную картину мира, свойственную всему человечеству, правда, она будет слишком абстрактна. Так, для всех людей, по-видимому, характерна бинарная оппозиция (основной инструмент при описании или реконструкции картины мира) белого и черного, но у одних групп белое будет соответствовать положительному началу — жизни, а черное — отрицательному началу — смерти, а у других, например, китайцев, наоборот. У любого народа будет

свое представление о добре и зле, о нормах и ценностях, но у каждого народа эти представления будут различными.

Картина мира опосредована тем культурным языком, на котором говорит данная группа (см. гипотеза лингвистической относительности). Термин - картина мира – был введен впервые Людвигом Витгенштейном в

«Логико-философском трактате», но в антропологию и семиотику он пришел из трудов немецкого ученого Лео Вайсгербера. Язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает, формирует ее, но и сам развивается в культуре.

При выяснении специфики понимания политической сатиры в межкультурном аспекте учитывалось, что понимание креолизованного текста в межкультурном аспекте отлично от понимания буквенного текста, что связано с актуализацией феноменологических когнитивных структур не только через языковую проекцию, но и через визуально-пространственные образы. Словесный ряд сатиры кодируется языком, а видеоряд кодируется визуальными кодами. Языковой и визуальной коды (технический, репрезентативный, иконический и иконографический) пересекаются с социальным, культурным, стилистическим и идеологическим кодами.

Трудности при интерпретации русских коллажей представителями других культур обусловлены тем, что авторы коллажей, будучи представителями определенной культуры, опираются на элементы, входящие в состав (как минимум в ядро) когнитивного пространства одной культуры, а соответственно малоизвестные, либо неизвестные представителям иных культур. Примерами служат аллюзии на прецедентные имена, прецедентные высказывания и идиоматические выражения, прецедентные политические имена и аббревиатуры, прецедентные политические ситуации, не имевшие мировой огласки, неофициальные символы страны. Так, без наличия фоновых знаний невозможно адекватно интерпретировать коллаж-сатиру на русского олигарха Березовского. Иконический код коллажа представляет собой изображение Кремля, где вместо курантов –

надпись «Мед» и множество Винни-пухов (самый крупный из которых - Березовский), вербальная часть «Не будите русского олигарха» связана с ней ассоциативно. (Не будите – иначе он активизируется в достижении цели). Кремль - мёд, символ благополучия, власти, Винни –Пухи, любители меда- все те кто жаждет её.

Непонимание текстов сатирического содержания обусловлено несовпадением системы ценностей и несовпадением когнитивных баз представителей разных культур. Понимание может быть достигнуто лишь в том случае, если сюжет карикатуры основан полностью на элементах, входящих в "универсальную" когнитивную базу, а именно на знании:

1) крупных политических деятелей, (президенты Б.Ельцин, М Горбачев, В Путин и т. д.)

2) реальных политических ситуаций (которые обсуждались мировой общественностью длительное время), (например, внешняя политика страны).

3) проблемных политических ситуаций (свойственных большинству стран в любое время), (например, коллажи, посвящённые выборам, реформам и т.)

4) официальной государственной символики, либо неофициальных, но хорошо известных всему миру символов государств, (например, двуглавый орёл - герб Российского государства и т.д.)

5) аллюзий на литературные, художественные и музыкальные произведения, входящие в мировую классику (например, коллажи, созданные по мотивам русских сказок («Здесь русский дух - министром пахнет»).

В основном, блокировка понимания происходит на уровне пересечения языкового и иконографического кодов с социальным, культурным и идеологическим кодами.

Особую трудность представляют для расшифровки вербальные надписи, отражающие детали конкретного исторического периода (например, для молодого поколения – коллажи,

включающие в свою структуру плакаты и лозунги эпохи Советского Союза (Напр. трансформация плаката «Вперёд к победе коммунизма» в коллаже «Вперёд к победе капитализма»).

Литература.

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. Москва. 2003.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. Москва. 1980.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Москва. 1994.

Lilia Agadjanova (Georgia)

PERCEPTION OF THE POLITICAL COLLAGE IN THE CROSS-CULTURAL ASPECT

Summary

The author analyses the adoption of Russian political collages with between-cultural aspect and concludes, that adequate understanding can be accepted only if the plot is based on the elements, entering the universal cognitive base approved by all cultures.'

Марине Арошидзе (Грузия)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ТЕКСТА

Стремление лингвистов и семиотиков глубже проникнуть в специфику текстовой информации привело к созданию теории интертекстуальности.

Теория интертекстуальности позволила посмотреть на *interteqstualobis* природу текста в общекультурной текстовой среде, так как интертекстуальность - это слагаемое широкого родового понятия, имеющего в виду, что смысл ХП полностью или частично формулируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или предшествующей литературе.

При подобном подходе наблюдается парадоксальное совмещение текста и культуры (текстов культуры): во-первых, текст представляет собой атрибут культуры, включается в нее как ее составляющая, во-вторых, текст включает в себя опыт предшествующей и сосуществующей с ним культуры. Это свойство любого текста в разных аспектах охарактеризовал Ю.М.Лотман. С позиции информативности интертекстуальность - это способность текста накапливать информацию не только за счет непосредственного опыта, но и опосредованно, извлекая ее из других текстов. В рамках семиотики интертекстуальность может быть сопоставлена с соссюровским понятием значимости, ценности. В семантическом плане интертекстуальность - это способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. В культурологическом плане, отмечает Ю.М. Лотман, интертекстуальность соотносима с понятием культурной традиции - семиотической памяти культуры (Лотман 1996:138).

Прочтение текста, - писал Ролан Барт, - соткано из цитат, отсылок, отзвуков, все эти языки культуры, проходя сквозь текст, создают его мощную стереофонию. Но интертекстуальность, предостерегал нас Барт, - не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение, текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат - из цитат без кавычек (Барт 1989: 34).

Всякий текст содержит в себе явные и скрытые цитаты, поскольку создается не на пустом месте, а в сформированной до него текстовой среде. Поэтому, - пишет Ю.Кристева, - всякий текст вбирает в себя другой текст. Именно эта французская исследовательница стала основателем теории интертекстуальности, согласно которой текст существует лишь как точка пересечения множества интертекстуальных (межтекстуальных) связей (Кристева 2004: 115).

Межтекстовая компетентность читателя оказывается решающей в декодировании (понимании) смысла данного текста. Ю.Кристева и У.Эко считают, что ни один текст не читается (точнее не понимается) вне читательского опыта (Эко 2006:92). У разных читателей эти интертекстуальные фреймы различны, отсюда - разное по глубине и точности понимание текста разными читателями. Поэтому при переводе необходимо ввести переводный текст после его прагматической адаптации в текстовый, культурный континуум народа-реципиента (в данном случае - англичан), либо же объяснить те интертекстуальные связи русского континуума, которые коммуникативно значимы при восприятии стихотворений Владимира Высоцкого.

Рассмотрение произведений В.Высоцкого в плане семиотики культуры позволило обнаружить, что текст, как минимум, закодирован дважды. В первом случае - задействован языковой код, а, во-вторых, художественный код. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в

нем. Язык не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создает особую реальность, в которой живет человек. В языковых единицах сохраняются отзвуки давно минувших лет, культурная самобытность народа отражается в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах.

Долгое время язык и культура рассматривались как автономные образования, но в настоящее время они интенсивно изучаются во взаимосвязи, обусловленной их общей чертой - антропоцентричностью. Уникальна роль человека в контексте культуры: человек - творец истории и в то же время его объект, предмет; человек - автор-адресант и адресат текста одновременно. Антропоцентричность - существенная черта произведений культуры. Изучение ХТ как феномена культуры позволило выявить много интересного, в частности, категорию интертекстуальности. Доказано, что текста представляет собой атрибут культуры, включается в нее как ее составляющая. Во-вторых же текст включает в себя опыт предшествующей и сосуществующей с ним культуры.

Язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает, формирует ее, но и сам развивается в культуре.

Представляя собой разновидность межкультурной коммуникации межъязыковой перевод художественных текстов характеризуется двумя принципиально разными подходами. Когда переводчик стихотворений Владимира Высоцкого Сергей Рой стремится познакомить английских читателей с особенностями русской души, с русским менталитетом, русским образом жизни, он почти в каждом поэтическом тексте приводит сноски, раскрывающие большой объем имплицитной информации, необходимой для понимания текста.

При переводе происходит не только сопоставление разных языковых систем, происходит сопоставление разных культур. Как правило, тексты, адресованные носителю исходного языка, целиком и полностью исходят из специфических черт его психологии, доступного ему объема информации, особенностей

окружающей его социально-культурной сферы. В процессе перевода текст переадресовывается иноязычному получателю, располагающим другим объемом фоновых знаний. Поэтому необходима прагматическая адаптация исходного текста, то есть внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального текста и текста перевода.

Язык художественной литературы, насыщенный большим количеством изобразительно-выразительных средств, весьма труден для перевода по сравнению с литературой технической или даже научной. Насколько сложнее понимание художественных текстов по сравнению с научными, настолько понимание поэтических произведений труднее по сравнению с прозаическими. Говорить прозой о поэзии очень трудно, потому что стихи воспринимаются сердцем, чувством. Еще труднее чувства и душу поэта раскладывать по полочкам, пытаюсь определить, что он имел в виду “в такой-то песне и в такой-то строчке”.

Перевод художественных тропов тем сложнее, что даже языковые, грамматические нюансы у Высоцкого обычно метафоризируются. Переводчику почти полностью приходится пропускать просторечные слова, диалектизмы, жаргонизмы, которые составляют очень яркий колорит анализируемых стихотворений. Например:

*Sosед орет, что он - народ,
Что основной закон блюдет... (с. 52)
The neighbour then kicked up a stink:
“I’m people – who are you, d’you think?”*

Доминантой поэтических текстов Высоцкого очень часто выступает просторечный глагол, не просто предикат, а предикат, обогащенный дополнительными смыслами, своеобразными коннотациями. С этой целью поэт часто прибегал к лексико-словообразовательным группам слов, получивших в русской лингвистике название способов глагольного действия. Но при

всей выразительности подобных слов, переводчик не смог перевести подобные формы: *ошивалась, отспорил, доистребить, приплачу - заплачу, подкармливать и пр.* ввиду преобладания в английском языке аналитических форм:

Потом пошли плясать в избе,

Потом дрались не по злобе –

И все хорошее в себе

Доистребили (с.52).

And then they danced till they would fall,

And then there was a free-for-all;

There might be good in them – that brawl

Was sure to kill it (с.53).

Я стал тогда из жалости подкармливать Фортуну...

(с.128).

Then out of pity I began to feed her juicy morsels... (с.129).

Разносистемный характер русского и английского языков объясняет перевод двух выразительных русских глагольных префиксальных форм одним английским словом:

Пойду к палачу, --

Пусть вздернет скорее,

А я приплачу.

Пойду к палачу, --

Пусть вздернет на рею,

Я заплачу (с. 128).

I should be strung up.

A job for the hangman –

I'll pay for the job.

I'm getting fed up.

I'd swing from the gallows –

And pay for the job (с. 129).

Язык поэзии Высоцкого особенно труден для перевода еще и потому, что поэт использует большое количество

народных русских идиом, пословиц и выражений, очень тонко отражающих русскую ментальность, русское мышление, русский образ жизни. Большинство из них не имеют даже приблизительных эквивалентов в английском языке и поэтому просто пропускаются Роем: *как будто ветром сдуло, сунуть голову в пекло, во весь размах.*

Часть идиом переведены очень приблизительно, лишь отдаленно воссоздают описываемую в подлиннике ситуацию:

Видал в гробу - he'd see in hell.

Развязал язык - the silence will not always last.

Гладить против шерсти - against the grain.

Иногда же переводчик просто дословно переводит фразеологизм, что искажает смысл текста: так вместо выражения *взять тепленьким с постели* в английском переводе мы читаем:

Чтоб не испытывал судьбу, --

Взять утром тепленьким с постели! (с.168).

Then he might no more tempt his fate –

Drag from the warm bed in the morning! (с.169).

Высокая степень конденсации смысла в произведениях поэта объясняется частым использованием ключевых слов, необычайной комбинаторикой лексем, эллиптическими конструкциями, выразительными заголовками, посвящениями, очень тонким обыгрыванием коннотативных значений слов, что делает необходимым восприятие поэтических откровений Высоцкого в общем контексте жизни.

В стихотворении «Люблю тебя сейчас» приводится пушкинская цитата - *Я вас любил: любовь еще, быть может...* - которая требует уточнения для инокультурного читателя, ибо авторское уточнение, что так говорил *поэт поэтов* ничего не говорит англичанину, поэтому Сергей Рой уточняет в сновке, что имеется ввиду Пушкин. Часто Высоцкий цитирует (скрыто или явно) шедевры словесного искусства, имеющие общечеловеческое значение, например: *Но нет пророков в Отечестве*

своем (фраза восходит к библейскому тексту - Евангелие от Матфея).

Таким образом, анализ всех выше приведенных трактовок интертекстуальности позволяет сделать вывод, что она является критерием эстетической ценности текста: если произведение не обладает этим свойством, оно не имеет шансов войти в литературу. История литературы - есть история художественных произведений, история поэтического языка - это история текстов, или, иначе говоря, история интертекста, а перевод литературных произведений - это соединение национально-культурологических интертекстов в один единый общечеловеческий интертекст.

Литература:

1. Барт Р. 1998: Миф сегодня // Семиотика. Поэтика. Избранные работы. М. Бахтин М.М. 1979: Эстетика словесного творчества. М.
2. Кристева Ю. 2005: Разрушение поэтики. Избранные труды. М.
3. Лотман Ю.М. 1996: Внутри мыслящих миров //Символ в системе культуры. М.
4. Эко У. 2006: Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.

Marine Aroshidze (Georgia)

**INTERTEXTUALITY AS A CRITERIA FOR THE ESTHETIC
VALUE OF A TEXT**

Summary

The article analyses understanding of the intertextuality as a textual category by coryphées of semiotics and text linguistics, studies depiction of this category in V.Visotsky's works, and delivers conclusion that the intertextuality is the criteria of the esthetic value of the text: if the text does not have this feature it has no chance to become a piece of literature. History of literature is the history of literary works, history of the poetic language is the history of texts, or in other words, history of inter-text, and translation of works of literature is the merge of the national cultural intertext in one unified universal intertext.

Ирине Брунджадзе (Грузия)

НАЦИОНАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ СОЗНАНИЕ

Для современной психолингвистики, а также коммуникативной и когнитивной лингвистики представляется актуальным исследование такой категории как коммуникативное сознание. Именно коммуникативное, антропоцентрическое направление в лингвистике стало доминирующим, и это произошло потому, что возник закономерный интерес к языку, функционирующему в реальной коммуникации, а не к мертвому, абстрагированному от носителя языка, отраженному в словарях и грамматиках. Это и привело к развитию исследований в области психических механизмов языка и коммуникации - ассоциативно-вербальных сетей (Караулов 1989:27), ассоциативных полей и др.

Таким образом, под языковым сознанием - предлагается понимать совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека. Этими проблемами занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика. Понятием сознания оперируют почти все гуманитарные науки, хотя это понятие относится к наиболее трудно определяемым понятиям современной науки. При этом в науке пока нет четкого разграничения терминов мышление и сознание. Эти понятия трактуются по-разному, иногда противопоставляются друг другу, иногда употребляются как синонимы. В нашем понимании термин сознание в принципе акцентирует статический аспект явления, а мышление – динамический. Сознание - это свойство мозга, мышление - это деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность). Именно в этом аспекте нам представляется

возможным разграничить мышление и сознание, раз уж существуют эти два термина. В данной статье мы попытаемся изучить сознание в национальном коммуникативном аспекте.

Под коммуникативным сознанием понимается совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность. Коммуникативное сознание может быть, гендерным, возрастным, профессиональным, национальным и др. В данной статье речь пойдет о национальном коммуникативном сознании.

Коммуникативное сознание представляет собой совокупность ментальных коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации. Под коммуникативными категориями понимаются самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые - о его речи. Так, для грузинского коммуникативного сознания могут быть выделены в качестве релевантных такие коммуникативные категории, как собственно категория общение, категории вежливость, грубость, коммуникабельность, коммуникативная неприкосновенность, эмоциональность, коммуникативная оценочность, коммуникативное доверие, коммуникативное давление, спор, конфликт, коммуникативная серьезность, коммуникативная эффективность, молчание, коммуникативный оптимизм-пессимизм, и др.

Коммуникативные категории, отражающие отношение человека к речи - родной язык, иностранный язык, языковой паспорт, стилистика и культура речи, хорошая речь и др. Та или иная категория становится наблюдаемой и вычленяется как таковая в коммуникативном сознании народа по её проявлениям в общении - именно из анализа практики общения выделяются категории и определяется их содержание.

Коммуникативные категории, как и любые мыслительные категории, тем или иным образом упорядочивают ментальные

представления нации о нормах и правилах коммуникации. Основное назначение коммуникативных категорий - не упорядочение сведений о нормах и правилах общения, а обеспечение, организация речевого общения индивида в обществе. Содержание коммуникативной категории представляет собой некоторую упорядоченную совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся языкового общения.

По-видимому, в рамках коммуникативных категорий образующая их информация (концепты, установки, правила) упорядочивается, структурируется по яркости, актуальности для сознания. Категория содержит определённое концептуальное знание о коммуникации (информационный аспект, информационная составляющая категории), а также "прескрипции", предписания по осуществлению коммуникативного процесса (правила общения). Некоторые из таких установок отражены в пословицах, поговорках и присловьях народа (SviliSvili bebias Zvel dros aswavidao -to teach one's grandmother to suck eggs, grZeli sityva mokled iTqmis-Bbravity is the soul of wit, swavlis Ziri mware aris kenweroSi gatkbildebis-all things are difficult before they're easy, vinc riskavs Sampanurs is svams-nothing venture, nothing have, mZinare kaci Tevzs ver daiWerso-he, who sleeps catches no fish, wiwilebs Semodgomaze daTvliano-don't count one's chickens before they are hatched, sabani rogorc gagwvdes, fexi ise gaWimeo-you must cut your coat according to your cloth, namdvili megobari isaa, vinc megobrobas gaWirvebaSi gagiwevs-a friend in need is a friend indeed, yvelaferi rac brwyinavs oqro rodia-all is not gold that glitters etc. (яйца курицу не учат, смех без причины - признак дурачины, коротко и ясно, брань на воротах не виснет и др.), другие выявляются только из анализа коммуникативной практики народа (Tuki gSia zaqaria civi mWadic Saqaria-hunger is the best relish, naCuqar cxens kbili ar gaesinjebao- don't look a gift horse in the mouth, foni gasavals daloceo-don't halloo until you are out of the wood, zogi Wiri margebelia-every cloud has a silver lining, qariz motanils qarive waiRebso-easy come, easy go, visac

safuleSi fuli aqvs naTeli guli aqvs- a heavy purse makes a light heart, axali cocxi kargad gvis-new broom sweeps well, janmrTeloba jobia simdidres-better health, then wealth etc. (через порог не разговаривают, прикосновение повышает убедительность, длительное совместное пребывание в одном месте с незнакомым человеком предполагает вступление с ним в общение, слабое рукопожатие свидетельствует о нерешительности, за столом надо участвовать в общем разговоре и др.).

Информационная и прескрипционная составляющие коммуникативной категории дополняют друг друга и существуют в неразрывном единстве, но в интересах систематического описания информационное и прескрипционное содержание коммуникативной категории могут быть вычленены и описаны по отдельности (Попова, Стернин 2001:67).

Некоторые коммуникативные категории могут быть лакунарными для того или иного этноса. Ср., к примеру коммуникативные категории англоязычного западного мира - small talk, privacy, tolerance, political correctness, японская коммуникативная категория sabi "уединённое молчание на природе, сопровождаемое слушанием какого-либо одного звука", категории "сохранение своего лица", "сохранение лица собеседника" японского и западного мышления - эти категории для русского коммуникативного сознания лакунальны; только формируется в настоящее время в русском коммуникативном сознании категория толерантности на базе заимствованного слова. Вместе с тем, присущи только одному языку такие грузинские коммуникативные категории, как общение, разговор по душам, выяснение отношений. Они отсутствуют в коммуникативном сознании других напр. европейских народов.

Для грузинского коммуникативного сознания свойственно сугубо национальное представление об ограниченном коммуникативном суверенитете личности: грузинское сознание считает допустимым коммуникативное вторжение в сферу любой личности, почти в любых условиях. У нас, грузин, есть не

совсем этичная привычка - каждый может в любое время войти в твою квартиру и заговорить с тобой!

Грузинское сознание не видит препятствий, чтобы заговорить с любым человеком. Но замечания, в отличие от русского сознания незнакомым людям делать нельзя, давать им советы, вмешиваться в беседу разговаривающих людей, чтобы задать одному из них вопрос, можно сваливать свои проблемы на других, обращаться с просьбами об одолжении к незнакомым людям, можно высказать свое мнение по поводу того, что обсуждают рядом незнакомые люди - поправить их, разъяснить им их ошибку, можно близко подходить к человеку, дотрагиваться до собеседника и т.д.

Описание категорий, установок и концептов может быть осуществлено на двух уровнях - рефлексивном и бытийном, для некоторых категорий возможен еще духовный уровень описания (Зинченко 1997:127). Рефлексивный анализ предполагает выявление структуры категории как элемента концептосферы, её связей с другими категориями и концептами в сознании человека.

Бытийный анализ предполагает изучение отношения национального сознания к концепту и реальной роли концепта в обусловленном данным концептом поведении людей. Концепт может содержательно присутствовать в концептосфере народа, но люди могут совсем не руководствоваться им в практическом поведении, хотя правильно его понимают и осознают необходимость его реализации на практике. Например, концепты равенство и демократия есть в грузинском сознании, но эти концепты практически не обуславливают поведение народа в таком духе в повседневной жизни.

Взаимодействие между людьми не может не строиться на общепризнанных в соответствующей культуре образцах, не может не протекать вне закономерностей социального восприятия (Гришаева, Цурикова 2006:153). Люди могут хорошо знать некоторые правила напр. этикета, но при этом знание этих

правил может совсем не сопровождаться их выполнением, что особенно характерно для грузинского менталитета. Бытийный уровень описания - это уровень практического исполнения правил и предписаний, уровень коммуникативной практики - не "как надо", а "как на самом деле делают".

Духовный уровень - это место категории в духовной культуре нации, степень "вписанности" категории в духовную культуру народа, важность категории для духовной культуры народа, принадлежность этой категории к национальным ценностям. К примеру, категория общения важна для грузинской духовной культуры, занимает в ней одно из центральных мест, является ценностью для грузинского человека, чего нельзя сказать о ценности таких категорий, как толерантность, вежливость.

Коммуникативные категории как элементы коммуникативного сознания практически не исследованы. Вместе с тем, их исследование и описание имеет как теоретическую, так и прикладную значимость. С теоретической точки зрения изучение коммуникативных категорий позволит понять как саму структуру коммуникативного сознания человека, так и механизм реализации коммуникативных категорий в процессе общения. При этом подчеркнём, что коммуникативное сознание может быть описано не только для определённого народа, этнического коллектива, но и для отдельных социальных, возрастных, гендерных групп, а также для отдельной личности.

Литература:

1. Гришаева, Цурикова 2006: Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.

2. Зинченко 1997: Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.

3. Караулов 1989: Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. М.

4. Попова, Стернин 2001: Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Irina Brundjadze (Georgia)

NATIONAL COMMUNICATIVE CONSCIOUSNESS

Summary

Communicative consciousness is one of the most essential researching theme not only in modern psycholinguistic but also in communicative and cognitive linguistic. Communicative, anthropocentric direction is just the main one for linguistic. And this is caused because of great interest in communication towards the real, functional language but not for the language fixed in dictionary.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИМЕНИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Современное романское языкознание отличается возросшим интересом к проблеме установления типологической общности и своеобразия близкородственных языков (Н.А.Катагощина, М.С.Гурычева, Е.М.Вольф, Г.В.Степанов и др.). В большой степени определению общероманского структурного типа на всех языковых уровнях способствует сопоставление структурных черт в области словообразования языков галло- и иберо-романской подгрупп.

Суффиксальное словопроизводство является очень живым, постоянно развивающимся явлением, имеющим важное значение для обогащения словаря французского и испанского языков. Существует много работ по словообразованию этих языков (Н.А.Катагощина, Ю.С.Степанов, Г.С.Чинчлей, Н.М.Штейнберг; А.Алонсо, Н.Д.Арутюнова, М.Вагнер, М.Пидаль и др.). Вместе с тем, словообразование французского и испанского языков в сравнительно-сопоставительном плане остается недостаточно изученным. Таким образом, актуальность настоящей работы определяется теоретическим интересом к поиску «типологических романизмов» в целом и, в частности, на материале словообразования. Совершенно очевидными представляются ведущая роль суффиксального словопроизводства в именном образовании обоих языков и необходимость теоретической разработки сравнительно-сопоставительных исследований романских языков на уровне словообразования.

Установление структурного сходства языков на системном уровне составляет научную задачу качественной типологии. В области словообразования эта задача состоит в определении степени изоморфизма словообразовательных моделей (СМ),

исследовании реализации семантики производящих основ в производных. При этом под СМ понимается схема построения слова, вычленяемая из словообразовательного типа, - ряда производных с однотипной словообразовательной структурой, характеризуемого лексико-грамматической общностью производящей основы, единым аффиксом, категориальной и грамматической общностью производных. Открытый, незамкнутый ряд слов, способный к пополнению новообразованиями, свидетельствует о продуктивном характере СМ. Непосредственно наблюдаемые и поддающиеся исчислению речевые реализации СМ на нормативном уровне характеризуют расхождение между языками и составляют объект исследования количественной типологии. Так, недостаточно будет установить существование в обоих языках сходных моделей $V + \text{-ation} = N \text{ actionis}$, $V + \text{-aci}jn = N \text{ actionis}$, их структурно-функциональный изоморфизм. Следующим этапом качественного типологического сопоставления будет установление семантического объема глагольных производящих основ. Количественный анализ реализаций этих моделей в речи может быть разноплановым и зависеть от дедуктивной и индуктивной характеристики моделей, способных вычлняться из ряда однотипных образований и по аналогии с ними служить образцом построения новых слов. Предметом количественной типологии может быть изучение этих единиц 1) по объему существующих в языке аффиксальных образований со сходным формантом, 2) степени продуктивности СМ, как количественного проявления потенциальной способности моделей к словопроизводству, 3) частоте употребления производных, созданных согласно исследуемым моделям, 4) степени регулярности семантических и формальных связей между производящей и производной основами.

Вопросы лексической типологии тесно смыкаются с типологическими словообразовательными исследованиями, поскольку СМ, являясь важнейшей единицей системы словообразования, служит схемой построения новых производных. Являясь

продуктом различных процессов развития словаря, лексические единицы, содержащие живой аффикс, воспринимаются носителем языка как производные, аналогией с которыми он пользуется при необходимости номинации нового явления действительности.

Анализ конкретного материала в лексикографических источниках выявил значительное сходство суффиксированных лексических составов обоих языков (Largieue 1980; Denis 1995). Так, в подавляющем большинстве случаев французскому деривату в испанском языке соответствует также производное слово: *chevelure* – *cabellera*, *folie* - *locura*, *daleur* – *solador*, *indexation* – *graduaci3jn*. При этом французский язык находит в испанском языке 60% лексических соответствий с аналогичными основами и аффиксами (6635 случаев из 10975 исследованных словарных соответствий, например, *coquetterie* – *coquetería*, *grossiste* – *grossista*).

Значительно реже встречаются случаи, когда французскому деривату в испанском языке соответствует производное слово если не с тождественной основой, то с суффиксальным коррелятом: подобные словарные соответствия составляют 15% общей массы. Так, французский дериват *comploteur* находит разноосн3вное соответствие в испанском языке *conspirador*, как и суффиксальные эквиваленты *allocation* – *asignaci3jn*, *déballage* – *desembalaje*.

Среди семантически соотнесенных пар дериватов встречаются разносуффиксальные: *alternement* – *alternancia*, *ambiance* – *ambiente*. Такого рода словарные соответствия составляют меньшинство, т.е. всего 9% (965 случаев из общего числа 10975 пар). При этом наблюдается корреляция французских формантов с испанскими, выполняющими единую системную функцию: *dureté* – *dureza*, *archiviste* – *archivero*, *fantaisiste* – *fantaseador*.

Число словарных соответствий с нетождественными корневыми и суффиксальными морфемами составляет 16% от

всей массы соответствий: caviste – bodeguero, déclivité – inclinacijn, gagiste – evantual.

Очевидно, что высокий процент структурно-материальных схождений явился причиной функционирования сходных моделей словопроизводства в обоих языках. Возникла парадоксальная ситуация, при которой лексика, неустойчивый критерий в сравнительно-сопоставительных исследованиях, способствовала сохранению общероманского структурного типа в области словообразования.

Специфика словообразовательной системы (СС) каждого конкретного периода развития языка состоит в характере сочетаемости ее элементов, структуре их отношений, зафиксированной в моделях. В СС входят как ее основные единицы – СМ, так и составляющие их элементы – производящие основы и форманты. В деривационных моделях, как макроэлементах СС, зафиксирована структура, способ взаимодействия основ и словообразующих формантов. В производном основа и аффикс взаимосвязаны и выполняют взаимоопределяющие функции: основа способствует актуализации в лексической единице суффикса, являясь базой лексического значения производного. Суффиксы же объединяют серии образованной под знаком полного грамматического тождества в пределах заданных лексико-грамматических категорий.

При определении СМ обычно не задаются вопросом о соотношении синтагматики и парадигматики: между тем, так же, как существуют синтагматические и парадигматические отношения между единицами на уровне речи, отношения синтагматики и парадигматики свойственны и элементам СС. Если рассматривать словообразующие элементы как парадигмы оснѳвные и аффиксальные, то синтагматическое «пересечение» таких парадигматических осей дает образование определенной СМ. Это пересечение зависит от определенных закономерностей, обусловленных внутренней семантической валентностью модели. Представление синтагматических связей между

составляющими элементами деривационных систем позволяет не только установить виды соотношений элементов внутри каждого языка, но и меру сходства и различия в сочетаемости с основами исследуемых формантов, восходящих, как правило, к единому латинскому этимону.

Лексическая и словообразовательная системы находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, соприкасаясь своим ядром и периферией. Как показало исследование, наиболее представленные в лексическом составе модели являются, как правило, наиболее употребительными и характеризуются максимальной словообразовательной потенцией. То, что в их числе оказались сообразные латыни модели, является следствием мощного процесса релатинизации лексики обоих языков.

Исследуемый материал показал, что не существует взаимного тяготения между формативами книжными и исконными, поэтому нет основания принимать разграничение систем словообразования, включающих исконные аффиксальные элементы и книжные, возникшие на базе греко-латинских формантов.

Обращение к понятиям употребительности и частотности на материале близкородственных языков Западной Романии позволило получить новые данные в области количественной типологии, свидетельствующие о значительном перевесе суффицированных словоупотреблений в испанских текстах в сравнении с французскими. Так, количественные сопоставления суффиксальных производных, проведенные на основе анализа частотных словарей А.Жюяна показали, что в активном словаре испанского языка используется вдвое больше производных единиц, чем во французском (Juilland 1990, 1993). Анализируемые производные отбирались на основе словообразовательного анализа, позволяющего вычлениить исследуемые форманты производных обоих языков. По количеству встреченных словарных производных испанских в три раза больше, чем французских в числе первых 500 наиболее

частотных существительных первой частотной зоны словарей. В два раза больше их содержится во второй зоне. Менее существенны различия, однако с преобладанием суффиксальных образований в испанском языке, - в третьей и четвертой зонах частотных словарей. При этом во французском языке преобладают по частотности существительные – имена действия и его результата, а в испанском, наряду с последними, велико употребление имен качества и свойства.

Анализируемые суффиксальные образования имеют суммарную частоту употреблений во французских текстах 5195 и в испанских – 8172, что составляет 52% и, соответственно, 87% всех словоупотреблений в выборках, равных 10000 словоупотреблений.

Результаты исследования, таким образом, свидетельствуют о том, что как словарный, так и текстовый синтетизм в испанском языке выше в сравнении с французским. Следовательно, при изоморфизме качественном наблюдается несходство по количественным параметрам, а именно – частоте употребления сходных моделей.

Литература:

1. Denis S., Maraval M. Dictionnaire français-espagnol. Paris. Hachette, 1995.
2. Juilland A. Frequency dictionary of French words. The Hague – Paris. Mouton, 1990.
3. Juilland A. Frequency dictionary of Spanish words. London – The Hague – Paris. Mouton, 1993.
4. Larrieu R. Dictionnaire espagnol-français, français-espagnol. Paris. Garnier-Flammarion, 1980.

V. DIASAMIDZE (Georgia)

**NOUN WORDFORMATION MODELS IN PRESENT
DAY FRENCH AND SPANISH**

Summary

The article deals with the system of wordformation of present day French and Spanish languages. This field has to be researched thoroughly in the area of «typological romanisms». The research proved the correlation of maximum wordbuilding model activity in both languages with the frequency of their usage and fixation in the dictionaries.

The received results in the field of quantitative and qualitative typology proved that lexical and textual synthesisism is higher in Spanish than French. In conditions of qualitative isomorphism the difference in frequency of the usage of models derived from latin etymons can be easily observed.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЮМОР В БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АНЕКДОТАХ

Лингвистические средства, которыми достигается комический эффект в жанре анекдотов, являются предметом особого исследования, которое предполагает решение следующих конкретных задач:

1. Разграничение лингвистических средств и логических приемов создания комического в британских и американских коротких фольклорных юмористических текстах. 2. Квантитативный и качественный анализ лингвистических средств юмора: а) **фонологический юмор** (спунеризмы, манипуляции с гласными и согласными внутри слова); б) **морфологический юмор** (отклонение от правил нормативной грамматики, непреднамеренное или произвольное рассогласование местоимения и глагольной формы и др.); в) **лексический юмор** (многозначность, омофоны, паронимы, синонимы, антонимы, вульгаризмы, использование специальной терминологии и др.); г) **синтаксический юмор** (фразеологическая контаминация; двусмысленный и иронический характер фразеологических единиц; так называемые *dangling participle constructions* (DPC) или в приеме, известном, как *Tom Swifities* (TS), конструкции типа *doing it* и др.); д) **речевой юмор** в интерактивных шутках-анекдотах типа *knock-knock*, а также в *jokes*, использующих *wh-question* структуры (*what, why, where*) и др.

Распространенное отношение к лингвистическому анализу шуток и анекдотов демонстрирует Кембриджская энциклопедия языка Д. Кристэла, автор которой полагает, что «ничто так не может убить хорошую шутку, как её лингвистический анализ»

(Crystal 1998: 62). Схожее чувство, хотя в иной сфере, испытывал английский поэт Д. Китс по отношению к открытию Ньютоном причины радуги, полагая, что тот, сняв покров таинственности, уничтожит очарование прекрасного явления. Тем не менее, известный исследователь природы комического А.Н. Лук справедливо полагает, что «остроумие не перестает доставлять человеку удовольствие оттого, что он поймет его природу» (Лук 1968: 82).

Дальнейшие попытки создания схем комических приемов, предпринятые еще в античности, касались причин смеха. Лишь З. Фрейдом была предложена формальная классификация остроумия, как свойства психики. При этом он выделил три основных приема, включающих различные модификации, а именно: 1. **сгущение**; 2. **употребление одного и того же материала** и 3. **двусмысленность**. Каждый из этих приемов включал также смешение собственно лингвистического приема с логическими трансформациями. Так, выделялось «сгущение» со смешанным словообразованием и модификацией: один и тот же материал употреблялся в целом и по частям, с перестановкой или небольшой модификацией. Сюда же входили полисемичные слова, употребленные в ином смысле. Двусмысленность, т.е. употребление слова в его прямом и переносном значениях, согласно З. Фрейду, включала обозначение имени собственного и вещи, метафорического и первоначального значения слова, игру слов, т.е. каламбур, двоякое толкование и, наконец, двусмысленность с намеком.

Подход А.Н. Лука противоположен фрейдовскому, в нем за основу взято словесно-речевое поведение человека, изученное на материале творчества писателей-сатириков и юмористов. Ученый в своей классификации исходит прежде всего из «анализа логического хода мысли» (Лук 1968: 86). Сведенные воедино, в своеобразный «синтаксис остроумия», 12 правил составляют, согласно А.Н. Луку, «алгоритмы остроумия», изучать закономерности которых весьма поучительно. При этом

важно подчеркнуть вслед за автором, что приемы остроумия и анекдот - разнопорядковые явления, поэтому анекдот не может быть включен в классификацию приемов остроумия. Это литературный жанр, в котором любой из приемов может быть использован (там же: 147-148). Двенадцать приемов остроумия Лука включают также смешение логического и лингвистического планов техники создания комического эффекта. Это ложные противопоставление и усиление (1-2), доведение до абсурда с помощью гиперболы, литоты или эвфемизма (3), остроумие нелепости, когда соединяются логически несовместимые высказывания (4), смешение стилей, их несоответствие содержанию и обстановке, перенос терминологии и псевдоглубокомыслие (5-й прием остроумия). Затем следуют намек (6), двойное истолкование (7), ирония (8), обратное сравнение и буквализация метафоры (9), сравнение по признаку (10), повтор с изменением грамматической конструкции или смысла (11) и, наконец, парадокс (12) (там же: 115-116).

Нетрудно заметить, что данная классификация приемов остроумия содержит либо логические приемы несоответствия, либо приемы стилистические, поскольку эта классификация, как и предыдущая, были созданы выдающимися психологами. Именно работой З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905г.) открывается история изучения анекдота методами психоанализа и социальной психологии (Фрейд 1983). Анализ зарубежных исследований XX века об анекдоте (см. подробно об этом Архипова 2003) позволяет перечислить основные принципы классификации анекдотов, включающие классификации по тематике, внешней форме, либо сходному зачину. В некоторых исследованиях отмечается структурная близость анекдотов к загадкам или прослеживается зависимость между сюжетом и внешней структурой анекдота. Что же касается тематической классификации, то наиболее подробно изучено лишь несколько типов. Они обозначены в англоязычной научной литературе специальными терминами:

1. Shaggy Dog Story, в основу классификации которых положен мотивно-сюжетный принцип Аарне-Томпсона; 2. Elephant joke cycle, полагаемый многими исследователями преемником предыдущего цикла; 3. Numskull tale, blason populaire /ethnic slurs, термин, используемый при исследовании «этнических» анекдотов; 4. Dirty jokes – коллекция анекдотов на «запретные» темы.

Список приведенных типов или тематических разновидностей анекдотов нельзя считать полным, не включив в него реестр специальных терминов, встреченных нами в англоязычной литературе. Сведенные воедино, они могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Английское наименование анекдотов	Их общая характеристика
1. The Elephant jokes	Несообразные, неконгруэнтные, детские шуточки, буквально «о слонах»
2. Dry sense of humour	Ироничные
3. Banana skin sense of humour	Примитивные шутки
4. Shaggy – dog story	«Долгоиграющая» шутка
5. Dark humour	Черный юмор
6. Colonial humour	Колониальный юмор
7. Rollicking humour	«Разухабистый» юмор»
8. Dangling participle constructions	Синтаксический юмор

9. Tom Swifties	Адвербиальные типы юмора
10. "Do it" – humour	Юмор «сделай это»
11. Spoonerisms	Спунеризмы
12. Knock-knock joke	«Тук-тук» - шутки
13. Cliché – humour	Клише-юмор
14. Ethnic humour	Этнический юмор
15. Dirty jokes	Гендерные и «садистические» циклы
16. Sick jokes cycle	
17. Cruel jokes cycle	

Эта терминология включает в себя как **тему** joke (The Elephant jokes, ethnic slurs и др.), **так и ее характер** (примитивный Banana Skin, мрачный Dark humour, или жестокий Cruel joke cycle и др.) и, что особенно для нас важно, в том числе **лингвистические способы** создания комического эффекта.

Отметим, что этот способ создания комического является наименее исследованной разновидностью юмора, о которой упоминают с перечислением приемов создания комического эффекта энциклопедическое издание Crystal (Crystal 1989). В справочном издании представлено различное понимание лингвистического юмора. Так, его крайнее проявление, - каламбуры, считают грубыми шутками, их популярность зависит от свойств темперамента и варьируется в разных языках.

Существует мнение о том, что вербальные (языковые) шутки более популярны в Британии, чем в Америке, что вполне соответствует нашим наблюдениям. Так, по количеству встреченного фактического материала (1000 британских и 1000

американских текстов), создание комического эффекта за счет игры слов зафиксировано в 1,5 раза больше в анекдотах британского происхождения (2 % и 3 %, соответственно, в американских текстах). С другой стороны, заметим, что словесные игры, т.е. чисто лингвистические приемы, являясь уделом избранных, а порой и результатом патологии мышления, не рассчитаны на массовое восприятие, а скорее, на любителей вербальных изысков. Поэтому такие анекдоты зачастую малоуспешны в создании комического эффекта. В большинстве своем они построены на логических приемах несоответствия и разрушении ожиданий слушателя. Иногда словесная игра служит маркером солидарности, указывая на принадлежность к определенной социальной или профессиональной среде. При этом во всех случаях, независимо от конечного результата, задействован принцип отклонения от языковой нормы.

Таким образом, определим лингвистический юмор, как способ создания комического в анекдотах, своего рода языковую игру, в которой происходит намеренное искажение языковой нормы на всех уровнях - фонологическом, морфологическом, синтаксическом с целью создания комического эффекта в процессе неформального общения. Соответственно, анекдоты, в которых происходят подобные лингвистические отклонения, могут именоваться языковыми или лингвистическими.

Литература:

1. Архипова А.С. Анекдот в зарубежных исследованиях XX века// Живая старина. М., ГРЦРФ, 2001, № 1.
2. Лук А. Н. О чувстве юмора и остроумии. – М.: Искусство, 1968.
3. CRYSTAL D. The Cambridge Encyclopedia of language. New York. Melburn. Cambr. Univ. Press, 1989.

L. DIASAMIDZE (Georgia)

**LINGUISTIC HUMOUR IN BRITISH
AND AMERICAN JOKES**

Summary

It is important to distinguish logical and linguistic methods of creating comic effect in British and American humorous texts. Linguistic methods are based on phonological, morphological, lexical and syntactic humour. A joke is a literary genre which can use one of the mentioned above methods. However, linguistic method of creating comic effect is the least researched. The research results proved that linguistic jokes are more popular in British than American English.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО

В современных условиях обеспечение ускоренного роста и развития страны во многом связано с выработкой соответствующей стратегии государственного управления. Чтобы успешно развиваться, государству необходима перспектива, видение будущего. Поэтому отнюдь не случаен активный интерес ученых к изучению будущего, становление прогностики, которая представляет собой достаточно новую и перспективную область исследования для отечественной науки и практики, а также появление новых разработок, ориентированных на анализ будущего развития страны путем сравнения различных альтернатив и сценариев.

Решение проблемы воздействия на будущее, стремление найти и понять движущие силы грядущего, научиться ими разумно распоряжаться и предвидеть результаты предпринимаемых действий — непреходящая составляющая политического дискурса. Политические тексты в частности и средства массовой коммуникации в целом действуют в сознании человека как первопричина, наделяющая действительность своими свойствами. Адресат видит политический мир опосредованно — через призму СМИ, их язык и логику. СМИ «фильтруют» поступающую информацию таким образом, что предписанное ими восприятие существующей реальности определяет и видение будущего, формирует структуру содержания прогноза. Подобный «фильтр» отсекает многие возможные варианты будущего, происходит своеобразное конструирование или моделирование реальности.

Настоящая статья нацелена на конструирование модели будущего в рамках когнитивно-дискурсивного прогнозирования — нового направления в исследовании политического дискурса.

Основные положения когнитивно-дискурсивного прогнозирования вкратце сводятся к следующему:

- *Философия, прогностика, политология, политическая лингвистика имеют общий вектор — они направлены в будущее и оперируют прогнозами, что дает возможность объединить их в междисциплинарное направление — когнитивно-дискурсивное прогнозирование. В рамках парадигмы когнитивно-дискурсивного прогнозирования предлагается рассматривать прогностику с философской точки зрения как одну из форм политической социально-исторической практики, системно объединяющей методы и инструментарии прогностики и когнитивной лингвистики, позволяющие снижать неопределенность в знании о будущем. Данный подход «обеспечит лингвистике выход за пределы чистой феноменологии» [Кретов 2006: 6] и предоставит возможность предсказания вероятных сценариев и моделей развития общественно-политической ситуации на основе дискурсивно-когнитивного анализа образа будущего (Солопова 2009: 130).*

- *Время неотделимо от человека: оно моделирует человека как социальное существо, а человек в свою очередь моделирует время. Мы творим будущее, и будущее творит нас. Следовательно «будущее можно и должно познавать не простым предугадыванием событий, а путем выявления проблем, целей, возможных решений и их последствий» (Бестужев-Лада 2006: 6-7). Поскольку каждый момент времени предлагает огромный спектр альтернатив, будущее может сложиться именно так, как мы ожидаем. Следует признать «неизбежность влияния образа или модели будущего на функционирование системы и траекторию ее совершенствования» (Кармин 1983: 6-7). Все что мы узнаем об ожидающих нас грядущих изменениях, неизбежно влияет и на наше*

поведение в настоящем, следовательно, модель будущего выступает своеобразной долгосрочной программой практических преобразующих действий, обуславливая их направленность.

- *Образ будущего, видение перспективы необходимы обществу в целом и отдельному индивиду в частности. Потребность в прогнозировании у человека связана с тем, что сознание позволяет человеку не только оценивать пройденный этап и современность, но и перспективы собственной эволюции: сознание обладает способностью к опережающему отражению действительности, что находит отражение в целенаправленной деятельности, в нормах поведения, в отношении индивида к собственному бытию (Солопова 2009: 133).*

- *Моделирование ситуации грядущего часто осуществляется за счет создания образов определенного пласта реальности. «Не будучи способными “знать” будущее, мы можем его вообразить и обрести через это устойчивость в настоящем. Во многом такая устойчивость дается через понимание логики и парадоксов истории» [Агеев 2004: 5]. Настоящее удерживает прошлое и будущее. С одной стороны, современность занимается тем, что актуализирует будущее, превращая его в настоящее. С другой — взгляд, ориентированный в будущее, всякий раз направляется из настоящего в прошлое, которое как предыстория связано с современностью цепью общей сквозной судьбы.*

- *Предсказание сквозь призму закономерностей — важная особенность научного знания. Именно на этой основе выстраивается научное прогнозирование. Будущее открыто, неоднозначно и разнопланово, но «возможен и реализуется отнюдь не любой произвольный путь, а только локальный набор путей» (Князева 2007:103). Следовательно, задача моделирования и прогнозирования является, в сущности, задачей определения возможных путей эволюции сложных систем. «Стремление заглянуть в будущее, экстраполируя на него всю совокупность*

современных знаний, учитывая тенденции развития планетарной материи в прошлом и настоящем, вполне оправдано» (Витол 2002: 235). Поскольку будущее рождается сегодня и напрямую зависит от прошлого, анализ настоящего и минувшего, их особенностей, тенденций и противоречий позволяет предсказать те масштабные преобразования, которые ожидают нас в дальнейшем.

Таким образом, когнитивно-дискурсивное прогнозирование обеспечивает как выявление исторических ретроспектив в политическом дискурсе, так и формулирование прогнозов на единой методологической основе. По сути — это экстраполяция, полученная как следствие эмпирических обобщений, опирающаяся на формализованное знание предыдущих тенденций в моделировании будущего.

Данный вид прогнозирования основан на построении и изучении моделей с целью получения новых знаний и совершенствования характеристик объектов исследований, на одновременном использовании знаковой модели и функционально-декомпозиционного представления объекта прогнозирования. В рамках когнитивно-дискурсивного прогнозирования модель будущего не нацелена на точный прогноз, поскольку исследователь анализирует лингвистическое воплощение грядущего, его когнитивно-дискурсивные характеристики, корреляции созданного образа и объективной реальности. В нашем случае модель должна и может использоваться в качестве инструмента, позволяющего получить представление о возможных вариантах будущего развития общества, помогающего лучше понять движущие силы, его формирующие. Такая модель не дает конкретного прогноза (в строгом и точном понимании этого термина), она, скорее, указывает, в каком направлении должен идти процесс реалистичных творческих размышлений о будущем.

Помимо этого когнитивно-дискурсивные модели учитывают не только конкретные исторические, политические,

экономические факты, но и более широкие общие понятия — религиозные верования, идеологические убеждения и предрассудки, этические ценности, моральные нормы, традиции и т.д. Кроме того, «если стремиться к глубокому проникновению в суть явлений (что необходимо для рационального анализа будущего), то, кроме всех известных фактов и данных, нужно мобилизовать мощные средства разума — логическое мышление и интуицию» (Пестель 1988:260). Когнитивно-дискурсивное прогнозирование анализирует модели и концепции будущего в воображаемых сценариях, которые экстраполируются из выявляемых ключевых тенденций современности и минувших лет. Эти сценарии не являются реальными прогнозами. Они — описание тех возможных миров, в которые может/могла вступить Россия в зависимости от развития и переплетения отдельных тенденций, превалирующих в настоящем того или иного исторического этапа развития страны. «Контур» будущего, очерченные политиками и СМИ, иллюстрируют лишь некоторые из вероятных путей развития событий, путей, не являющихся взаимоисключающими.

Процесс моделирования начинается с создания метамодел, определяющей структуру системы. Преимуществом когнитивного подхода является возможность выяснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного исследования особенностей мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также позволяют строить предсказывающие модели в политологии (Базылев 2007: 19).

Когнитивно-дискурсивная метамодел концентрирует внимание на базовых, общих параметрах, факторах и обстоятельствах, определяющих развитие событий в будущем, она ориентирована на моделирование когнитивных структур самого общего уровня категоризации мира политики. В качестве

метамодели в данном направлении предлагается матрица — методология прогнозирования и ретроспективных моделей, которая охватывает динамику различных параметров социально-политической системы. Когнитивно-дискурсивная метамодель строится на исследовании ключевых факторов, формирующих потенциал развития государства. Следует отметить, что метамодель в когнитивно-дискурсивном прогнозировании (как и любая другая модель в ином направлении исследования) — упрощенное подобие реального объекта изучения, отображающее лишь наиболее характерные, доминирующие составляющие, которые в подавляющей степени определяют основные свойства объекта. Изучение одних сторон будущего осуществляется ценой отказа от отражения других. Поэтому когнитивно-дискурсивная метамодель будущего замещает оригинал — общество будущего — в строго ограниченном смысле. Тем не менее, на наш взгляд, ошибочно полагать, что от большого количества параметров модели зависти ее адекватность, так как излишняя громоздкость затрудняет процесс исследования.

Поскольку когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует образ будущего в преломлении *политического текста* СМИ в качестве основных параметров, от которых зависит грядущий день мира политического, выступают внутренняя и внешняя политика. Внутренняя политика охватывает основные направления деятельности государства, его структур и органов по регулированию взаимодействия людей внутри страны. Внешняя политика есть деятельность государства на международной арене, регулирующая его отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности: государствами, зарубежными партиями, иными общественными объединениями, международными организациями. Каждое государство, независимо от его географического положения, политического режима, экономического и научного потенциала является частью системы международных отношений. Эти отношения обусловлены как геополитическими факторами отдельных

государств, так и различного рода хозяйственно-экономическими, энергетическими, сырьевыми, технологическими, научными и иными взаимосвязями. Прогнозируя возможные изменения внешней политики государства, как правило, учитывается социально-экономическая и политическая ситуация, тенденции ее развития, социально-психологический климат анализируемого объекта, поскольку история всех времен и народов подтверждает диалектическую взаимосвязь и взаимозависимость политики внутренней и внешней. Эти базовые параметры в свою очередь могут быть разбиты на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего). Параметр «внутренняя политика» включает в себя политическую власть, народонаселение, территорию и природные ресурсы, военные силы. Параметр «внешняя политика» — отношения с США, отношения со странами Европы, отношения со странами ближнего зарубежья, отношения со странами Азии.

На основе набора общих характеристик объекта можно путем различных сочетаний выработать вероятностные характеристики будущего, которые не существуют, но могут существовать. Главная стратегическая роль и ценность такой метамоделли — служить основой для создания частных моделей, привязанных к текущему состоянию общественно-политической системы, особым условиям места и времени, специфике картины мира той или иной лингвокультуры.

Частные модели подразделяются на статические и динамические. Статические матрицы, которые дают лишь застывшую «фотографию» объекта исследования в каждый момент времени (определенный исторический период), используются для сопоставительного исследования образов будущего в российском и британо-американском политическом дискурсе в синхронном срезе. Динамические матрицы, описывающие процессы изменения и развития изменения объекта

во времени, нацелены на изучение динамики образа будущего в рамках одной лингвокультуры в диахроническом аспекте.

Таким образом, задача исследователя заключается в попытке поставить на службу обществу анализ закономерностей моделирования *образа будущего*, его динамики и «эволюции», связанных с изменением политической ситуации, который, на наш взгляд, необходим для оптимизации человеческой деятельности в *обществе будущего*.

Литература:

1. Агеев, А. *Энергия будущего* / А. Агеев // *Экономические стратегии*, 2004. — №8. — С. 5.

2. Базылев, В.Н. Методы исследования языка российской общественно-политической мысли российского политического дискурса (традиции и новации) / В.Н. Базылев. — Политический дискурс в России — 10: мат-лы X действ. всерос. семинара / под ред. В.Н. Базылева. — М.: Инф.-уч. центр Гос. ин-та рус. языка им. А.С. Пушкина, 2007. — С. 7—25.

3. Витол, Э.А. *Планетарная эволюция: прошлое, настоящее, будущее* / Э.А. Витол. — Ростов-на-Дону: РГСУ, 2002. — 359с.

4. Кармин, А.С. *Научное мышление и интуиция: эйнштейновская постановка проблемы* / А.С. Кармин // *Научная картина мира (логико-гносеологический аспект)* / Отв. ред. Л.С. Дышлевый. — Киев: Наук. думка, 1983.

5. Князева, Е.Н. *Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее* / Е.Н. Князева, С.П. Крудюмов. — М.: КомКнига, 2007. — 232 с.

6. Кретов, А.А. *Основы лексико-семантической прогностики* / А.А. Кретов. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. — 390 с.

7. Малая российская энциклопедия прогностики / И.В. Бестужев-Лада (гл. редактор), А.И. Агеев и др. — М.: Институт экономической стратегий, 2007. — 328 с.

8. Пестель, Э. За пределами роста: Глобальные проблемы современности и деятельность международной организации Римский Клуб / Э. Пестель. / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступит. ст. Д.М. Гвишиани. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1988. — 278 с.

9. *Солопова О.А. Предпосылки формирования когнитивно-дискурсивного прогнозирования — нового направления в исследовании политического дискурса / О.А. Солопова // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. — Выпуск 39. Филология. Искусствоведение. — С. 129 — 134.*

O.A. Solopova (Russia)

COGNITIVE-DISCURSIVE MODEL OF FUTURE

Summary

The present paper briefly recalls preconditions for forming a model of future within a new approach in the political discourse research — cognitive-discursive future studies. The discussed approach is supposed to be a systemic junction of theories and conceptions of future suggested in philosophy, future studies, political science and political linguistics.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ КВАЗИ-ТЕКСТА

В аспекте интертекстуальности каждый новый текст рассматривается, как некая реакция на уже существующие тексты, а существующие могут использоваться как элементы художественной структуры новых текстов. Основными маркерами, т.е. языковыми способами реализации, категории интертекстуальности в любом тексте могут служить цитаты, аллюзии, афоризмы, иностилевые вкрапления.

Цитаты могут быть дословными, в этом случае маркируются графическими средствами, что может также подчеркиваться вводящим цитату высказыванием, которое служит исходным пунктом для дальнейшего рассуждения персонажа. Цитаты могут включаться в текст также и без графической маркировки. Для описания событийной ситуации используется не только цитата, но и ассоциации, связанные с ней.

Существуют маркированные цитаты, преобразованные в такой степени, что они воспринимаются как пародия на цитату. Очень часто в заглавии художественного произведения можно встретить так называемое «чужое слово» (термин М.М.Бахтина). «Наличие «чужого слова» в заглавии – сильной позиции художественного произведения – еще в большей степени подчеркивает интенцию автора выйти на уровень интертекстуального диалога, внести свою лепту в разработку общечеловеческих проблем. При этом цитируемый текст выступает в качестве интерпретирующей системы по отношению к тому, в заглавии которого он цитируется».

Довольно распространенным, способом языкового проявления интертекстуальности является аллюзия. Значение самого термина «аллюзия» неоднозначно и допускает целый ряд самых разнообразных толкований. В немецком литературном

предметном словаре определение аллюзии трактуется следующим образом: «Аллюзия – это скрытый в речи или при письме намек на какого-либо человека, событие или ситуацию, которые предположительно заведомо известны читателю» (Wilpert 1969:29). Используя аллюзии, автор пытается блеснуть собственной эрудицией, хочет объединить себя и читательскую публику указанием на общий объем знаний (тезаурус), а также стремится включить собственное произведение в контекст устойчивых литературных традиций. Само слово «аллюзия» в переводе с латинского «allusio» обозначают «шутку, намек» (ЛЭС 1990:414).

Важным способом языковой реализации категории интертекстуальности в тексте являются иностилевые вкрапления. В их основе лежат стилистически окрашенные слова – это «слова, в лексическом значении которых имеются коннотации, указывающие на их принадлежность к тому или иному стилю» (Фомичева 2002:82). По мнению Ж.Е.Фомичевой, «при смешении регистров и стилей происходит основанное на интертекстуальности противопоставление кодов двух произведений. В этом случае имеет место деформация старого кода и перераспределение некоторых элементов... старый код приспособляется к выполнению нового коммуникативного задания» (Фомичева 2002:85).

Как очевидно, категория интертекстуальности может реализоваться в художественном тексте в самых разнообразных формах, важнейшие из которых и были рассмотрены выше. Однако в связи с объектом нашего исследования, наибольший интерес представляет для нас тот факт, что интертекстуальность может проявить себя и во вторичных литературных жанрах таких, как пародия, бурлеск и травести.

В своих ранних работах Тынянов предпринимает попытку концептуализировать феномен литературной пародии как один из важнейших моментов развития литературы. В статье “О пародии”, вышедшей в 1929 г., но задуманной и начатой

десятью годами ранее, он писал: “История пародии самым тесным образом связана с эволюцией литературы” (Тынянов 1998:239). При этом пародия мыслилась Тыняновым чрезвычайно широко, покрывая значительную область явлений, возникающих в переходные (т.е. исторические по преимуществу) литературные эпохи. Кроме собственно пародии к явлениям, осуществляющим эволюционную функцию, Тынянов причислял также стилизацию и даже цитацию вообще. Признаком, позволившим ему свести эти, принадлежащие к совершенно различным уровням, явления в одну группу, была их общая семантическая структура. И жанр литературной пародии, и художественные приемы стилизации и цитации принадлежат к феноменам второго порядка, они замкнуты внутри литературного пространства, отсылая не к внелитературной реальности, а прежде всего к другим произведениям. Они говорят о том, как сделаны другие тексты. Они “живут двойной жизнью” и существуют за счет напряжения, которое возникает между ними и пародируемыми, стилизованными или процитированными произведениями. Как пишет Тынянов в 1921 г.: “Суть пародии (равно как и стилизации — разница между ними сводится исключительно к прагматике) — в механизации определенного приема; эта механизация ощутима, конечно, только в том случае, если известен прием, который механизуется; таким образом, пародия осуществляет двойную задачу: 1) механизацию определенного приема, 2) организацию нового материала, причем этим новым материалом и будет механизированный старый прием” (Тынянов 1998:240).

Эволюционная роль пародии и смежных с ней явлений заключена, таким образом, в ее металитературной природе: то, что было планом выражения в пародируемом произведении, становится планом содержания в пародирующем. Механизируя определенные художественные приемы, пародия, во-первых, указывает на “слабые места” литературной системы, на то в ней,

что уже приобрело тенденцию к автоматизации и потому перестало выполнять эстетическую функцию, и, во-вторых, обнажает условный характер приема, разоблачает его как таковой, делая материалом для следующего, нового приема. Новое появляется не из ничего, а как диалектическое отрицание наличного бытия (как сказал бы Гегель) или как реконтекстуализация старого (как сказали бы формалисты). “Эволюция литературы совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции”.

Эта формула — “применение старой формы в новой функции” — и обнажает двухуровневую ироничную структуру пародии. Именно ирония является тропом, образующим смысловое ядро пародии, в котором одновременно присутствуют элемент пародируемого текста и отрицание его как неадекватного способа выражения. Ирония по сути своей диалектична, так как совмещает в своей структуре утверждение и отрицание, причем таким образом, что их абсолютного синтеза не происходит. Сохраняя динамическое равновесие между пародируемым текстом и пародирующим контекстом, ирония балансирует на грани их синтеза. Однако осуществление этого синтеза привело бы к исчезновению самой пародийности; ирония же не допускает идеального снятия прежней формы в новом содержании, трансцендируя саму возможность такой сублимации, а вместе с ней и претензию как любого дискурса, так и языка вообще адекватно отражать и познавать реальность. Хотя каждая пародия отсылает к какому-то конкретному произведению (или группе произведений), порождающая ее структура иронии проблематизирует природу самого языка.

Многочисленные исследования позволяют говорить о двухплановой природе жанра пародии как о соотношении внешнего и внутреннего восприятия. Имитационный принцип лежит в основе данного жанра. Но это не просто подражание, а подражание, комически мотивированное. Однако, как считает

В.Новиков, ни первый план пародии, ни ставший нам известным второй план её, ещё не дают нам художественного смысла. Пародия не просто «двусмысленность», она обладает и сложным, многозначным и конкретным третьим планом, представляющим соотношение первого и второго планов как целого с целым. Третий план – это мера того неповторимого смысла, который передаётся только пародией и непередаваем никакими другими средствами. Наше прочтение третьего плана – это сопоставление в сознании планов первого и второго. В нём – глубинное измерение пародии, её потенциальная многозначность, богатство смысловых оттенков.

Таким образом, все виды пародии объединяют три чрезвычайно важных момента:

- 1) двуплановость восприятия (всякая пародия вторична: должно существовать нечто первичное, самостоятельное для того, чтобы могло осуществляться подражание ему);
- 2) имитационность (использование различных приёмов имитации, например стилизации);
- 3) насмешливое, ироническое отношение к имитируемому, представление текста пародируемого автора в гротескном виде.

Литературная пародия осмеивает уже не саму действительность, а её изображение в литературном произведении или в литературной традиции, причем в тех же формах и теми же средствами, которыми оно осуществлено.

По М. Бахтину, пародия должна быть пародийной стилизацией, т.е. «должна воссоздать пародируемый язык как существенное целое, обладающее своей внутренней логикой и раскрывающее неразрывно связь с пародируемым языком». На основании концепции М. Бахтина мы можем сделать следующий вывод: стилизация может быть пародийной и подражательной. Очевидно, что простое подражание не есть пародия, которая всегда доводит стилистические особенности пародируемого текста до абсурда, до противоположности,

акцентируя, «выпячивая» пародируемые черты исходного текста (прототипа).

Необходимым свойством жанра пародии является имитационность, вторичность текста, его «стилистическая несамостоятельность» (Новиков 1998:8). Это обстоятельство позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что основным стилиобразующим фактором для пародии выступает такой конструктивный принцип ЯИ, как имитация, который предполагает отталкивание от конкретного образца и реализуется в языке как явление вторичное.

Следует отметить, что пародия ничего не повторяет пассивно. Вл. Новиков (Новиков 1998:45) замечает, что ни один из элементов её (пародии) первого плана не тождественен объекту – даже когда отдельные слова, выражения и обширные фрагменты внешне совпадают. В то же время в структурной основе пародии нет и не может быть элементов, не имеющих никакого отношения к объекту, не служащих задаче создания комического образа объекта. Процесс пародирования нельзя вычислить арифметически, здесь нужен широкий и системный взгляд, нужно оперировать обобщенными и в то же время конкретными величинами. Пародист не просто «правит» текст объектов, что-то вычёркивая в нём и что-то вписывая. Он, переписывает его заново и если повторяет какие-то моменты этого текста, то лишь потому, что такое повторение оказалось в свете его целей равноценным изменению. Это явление можно определить как закон единства воспроизведения и трансформации в процессе создания пародии.

Литература:

1. Бабенко Л.Г. 2003: Лингвистический анализ художественного текста. М.
2. Бахтин М.М. 1979: Эстетика словесного творчества. М.
3. ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. М.
4. Новиков Л.А. 1988: Художественный текст и его анализ. М.
5. Фомичева Ж.Е., Андреев В.Н. 2006: Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы. Кострома.

O.Khitruk (Georgia)

SEMIOTIC MECHANISM OF CREATING A QUASI TEXT

Summary

In the aspect of the intersexuality each new text is considered as some reaction to already existing texts, and already existing ones may be used as elements of literary structure of new texts. Major markers, i.e. linguistic means of realization, intersexuality categories may be served by quotes, allusions, aphorisms, other style inclusions. Multiple researches enable to speak of the bi-dimensional nature of the genre of the parody as external and internal perception. Principle of imitation is the core of this genre. However, this is not purely imitation, but a comically motivated imitation.

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Лексико-семантическое поле – это термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) лексико-семантическим признаком; иными словами – имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения. Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня – слова; позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения (Кузнецов 1989: 34).

Современная интерпретация лексико-семантического поля опирается на синтагматические и парадигматические свойства единиц поля. Поэтому целесообразно, особенно учитывая коммуникативный характер языка, говорить о парадигматическом и синтагматическом измерении, где существенно не только положение слова-понятия в парадигме, но и его синтагматические (сочетаемостные) свойства. Такая сложная система систем, как язык, может функционировать только на основе внутренней согласованности и синхронизации ее элементов.

Рассмотрение языка с точки зрения лексико-семантических полей имеет не только теоретическое, но и практическое значение, т.к. такой подход соответствует естественным условиям речевого общения. Можно утверждать, что специфика языковых и культурных картина мира у разных народов, обусловлено различными условиями жизни, историей, различиями в развитии сознания народности, а эти различия, в свою очередь, отражаются в структуре и лексическом наполнении лексико-семантических полей. Таким образом, лексические парадигмы слов, синтагматические ряды, слова-ассоциации - это не просто названия предметов или явлений действительности,

но и частицы мира, окружающего человека, которые, преломляясь в сознании человека, приобретают специфические черты, присущие данному народу, обусловленные культурой этого народа.

Полевой подход к описанию явлений языка получил в современной лингвистике широкое распространение. Зародившись в семасиологии и связываемый с именами И.Трира, И.В.Порцига, этот подход распространился на широкий круг явлений - лексические группы или парадигмы, парадигматические поля (Трир, Гуденаф, Лаунсбери, Косериу), синтаксические поля (Порциг, Вейсгербер), грамматические поля (Адмони), грамматико-лексические поля (Гулыга, Шендельс), функционально-семантические поля (Бондарко) и др. В современной лингвистике интенсивно исследуются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом. Проводимые исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер.

Поле, представляя собой определенную семантическую структуру, отражает иерархию его основных классов слов (реалем) и соотносительных языковых средств. Такая структура может быть описана с помощью родо-видовых отношений, отражающих предметно-понятийную классификацию элементов.

В структуре семантического поля выделяются ядро (лексическая единица или несколько единиц, семантически наиболее простые и содержащие общее значение семантического поля в его «чистом» виде ('цвет' в наименованиях цветообозначения и периферия (вторичные наименования, входящие своими первичными значениями в смежные семантические поля и реализующие семантику данного поля в специфических контекстуальных условиях (шоколадный загар, т. е. коричневый)).

В семантическом поле могут синтезироваться все типы категориальных семантических отношений единиц, которые способны входить, если этому не противоречит их природа, в отношения синонимии (давать - вручать), антонимии (давать - забрать), конверсии (вручать - принимать), полисемии (передавать книгу и передавать сообщение по радио).

Семантическое поле многомерно; его единицы входят в три вида отношений: парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные; такие отношения, особенно последние из них, могут выходить за пределы данного семантического, указывая на его связи с другими семантическими полями. Парадигматическая близость единиц данного семантического поля и сходство их значений нередко отражаются синтагматически в наличии у них общей формулы употребления (схемы предложения), которая конкретизируется по мере усложнения и спецификации семантики (Никитин 1988:184). Исследование языка по методу семантических полей находит применение в лексикологии, лексикографии, грамматике, науке о языке художественной литературы и других областях языкознания. Лексикографическое описание семантических полей даётся в специальных словарях: идеографических (тезаурусах) и тематических.

Полевой принцип исследования языковых явлений является весьма актуальным как при сравнительно-историческом изучении родственных языков, так и при сопоставительном изучении неродственных, ибо группировка лексем и фразем, объединённых общим инвариантом, позволяет наглядно сопоставить имеющиеся в языке и используемые в речи единицы единой системы.

Литература:

1. *Кузнецов А.М. 1989: Структурно-семантические параметры в лексике. Москва.*
2. *Никитин М.В. 1988: Лексическое значение слова. Москва.*

S.Shamoghli (Georgia)

SYSTEMATIC NATURE OF LEXICAL AND SEMANTIC FIELD.

Summary

Semantic/lexical field – is the term that is used in linguistics more often to define the scope of the language signs united by one common (integral) lexical/semantic feature; in other words – possessing the common non-trivial component of the meaning. Initially, lexical level units – words – have been considered as these lexical units; later, linguistic works started describing the semantic fields, including word combinations and sentences.

Contemporary interpretation of the lexical/semantic field is based on the syntagmatic and paradigmatic features of the field units. Consequently, especially, considering communicative nature of the language, it makes sense to consider paradigmatic and syntagmatic space, where the position of the word-notion in the paradigm is important, as well as its syntagmatic (compatible) features. Such a complicated system of systems like language may function only on the basis of the internal consistency and synchronization of its elements.

Approach to the language in the light of the lexical/semantic field has theoretical, as well as practical meaning, i.e. such approach complies with the natural conditions of the communication.

It may be said, that specific nature of the linguistic and cultural world images in different nations, is preconditioned by different life conditions, history, differences in the mentality, and these differences, on the other side, are reflected in the structure and lexical filling of the lexical/semantic fields. Thus, lexical paradigms of the words, syntagmatic chains, word-associations – are not simply the nomination of the things or events of the reality, but also the particles of the world, surrounding the people, which are interpreted in the human mentality, acquire specific features peculiar to the specific nation, preconditioned by the culture of this nation.

Литературоведение

Т. Давитадзе (Грузия)

СИМВОЛЫ И МЕТАФОРЫ В ПОЭЗИИ ШАРЛЯ БОДЛЕРА

Шарль Бодлер в своем творчестве поэтически отразил как кризис национального французского сознания после крушения империи Наполеона I, так и кризис изменения в сознании европейских народов в период между реальным бонапартизмом и революцией 1848 г. («Весны народов») и Парижской коммуной.

Жизнь Ш. Бодлера пришлась на эпоху крушения одних идеалов и рождения других; в это время одни люди в европейских странах искали смысл жизни и выход из ситуаций в общественной жизни и в общественной борьбе. Другие уходили в личную жизнь, в эгоцентризм. Но, конечно, наиболее сильно и остро чувствующие жизнь люди искусства и литературы соединяли в своих судьбах и в своем творчестве и общественные катаклизмы века, и личные драмы. Скорее всего, к таким творческим натурам относился и выдающийся французский поэт Ш. Бодлер.

Драматичность его судьбы отразилась в поэзии образными «заострениями», определенной художественной экзальтацией, нагнетениями эмоций. Все это выразилось в повышенной символизации и метафоризации его текстов.

Понятие «символ» используется очень давно в различных научных контекстах и в довольно широком семантическом диапазоне. Символ нельзя смешивать с метафорой и метонимией, хотя следует помнить, что по происхождению символ может быть метафорическим и метонимическим (Купер 1995: 98).

В 1857 году вышла книга Бодлера «Цветы зла», вызвавшая неоднозначную реакцию в обществе. Она была подвергнута судебному преследованию. Автора книги и ее издателей оштрафовали, а из самой книги суд постановил изъять шесть наиболее аморальных, по его мнению, стихотворений. В 1861 г. вышло второе издание «Цветов зла», переработанное и расширенное автором (Засурский 1982: 103) .

В своем цикле «Цветы Зла» автор использовал различные по значению символы и метафоры, представленные разнообразными типами, контекстуальной средой и степенью эксплицитности.

*Безумье, скарденность и алчность и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, улаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.
«Вступление» (пер. Элліса)*

С первых строк цикла «Цветы Зла», бросая вызов умильным самообольщениям, Бодлер приглашает всякого, кто возьмет в руки его книгу, честно узнать себя в ее нелицеприятном зеркале и делает намеренный крен в сторону саморазоблачения.

Сам Дьявол нас влечет сетями преступления.

Это функциональная метафора; сеть олицетворяет ловушку, затруднительное положение. В христианстве сеть – это двойственный символ: она обозначает и неразрушимую сеть церкви, и, в то же время, силки Дьявола.

*Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызет
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод.*

Здесь мы видим функциональное сравнение: звериное любопытство человека сравнивается с сексуальным инстинктом.

Как по канве, по дням бессилья и позора,

Наши дух растлением до сей поры объят!

Канва – это ткань, применяемая как основа или трафарет; здесь при помощи функционального сравнения выражена мысль, что дни – это признаки различности, границ.

То – Скука! – облаком своей ноука одета

Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.

Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник,

Ты знал чудовище утонченное это?

Здесь проявляется отрицательный параллелизм, то есть отрицательное сравнение: Скука не напоминает рыкающих, лающих, свистящих чудищ; Бодлер же сравнивает ее с обезьянами, пантерами и другими животными. Но она – признак эшафота. Для него Скука – многозначное понятие, в котором сплавлены и уныние, и романтическая тоска, и «мировая скорбь», и болезненный упадок духа или сплин.

В стихотворении «Флаконе» (Бодлер 1993: 94) (пер. В. Рождественского) развитие образа протекает скачкообразно: без всякой подготовки актуализируется образ, который с полным правом следует назвать составным (сложным) компаративным образом, так как его метафорический результат «призраки минувшего» в свою очередь базируется на неожиданно введенных понятиях «гусениц» и «бабочек». Воспоминания сравниваются с призраками, а призраки в свою очередь – с бабочками. Но следует отметить, что на этом участке текста «гусеницы» введены совершенно без опоры на предшествующие образы. Можно сказать, что самый общий компаративный образ выстроен Бодлером эклектично: частные образы фактически не вытекают, не выводятся друг из друга. Но, конечно, это художественная эклектика. Здесь проявилась «размашистая» ассоциативность его художественного мышления. Из эклектичного набора частных метафорических образов автор выбирает для поэтического финала образ «флаконе» – разрушенного, мутнеющего. Возможно, в этом стихотворении создан символ, который «вырос» из «флаконе», «стекла»:

трагедия человека эпохи Бодлера заключается в невозможности душевного уединения и духовного самосохранения. Возможно также, что данный символ был актуализирован во второй половине XX века, когда современный французский писатель Луи де Мерль посвятил проблемам современной молодежи знаменитый роман, названный им «За стеклом». Но в этом произведении возможный символ, введенный Бодлером в литературную традицию, был переосмыслен: молодежные и студенческие бунты (1968 г.) остались внутренним делом европейской молодежи, не переросли в общенациональные, значимые для народов варианты развития. Трагедия «флакона» и «стекла» эпохи Бодлера – в их неспособности сохранить мир личности. Видимо, стекло во французской литературной традиции – невидимая преграда между людьми.

Общий метафорический образ на первый взгляд имеет простой качественный характер, который можно уточнить как обонятельный. Но, возможно, данная простота скрывает намек на очень важное для Бодлера состояние и проявление жизни: ипостаси жизни, ее лица сменяют друг друга, проникают друг в друга – стеклянные преграды не останавливают перетекания друг в друга жизненных форм, словно вездесущих запахов.

В стихотворении «Отрава» (Бодлер 1993:102) (пер. В. Левика) поэт использовал следующее сравнение: «И все ж сильней всего отрава глаз зеленых, твоих отрава глаз». Зеленые глаза в романтической литературе – символ тайны и жестокого очарования; это также – важная часть символа ревности, получившая волей поэта относительную самостоятельность, но и у В. Шекспира ревность – «чудовище с зелеными глазами». Возможно, здесь мы видим пересечение целостного символа и «парцелл» двух других символов. Здесь проявляется символическая насыщенность, которая основана на контаминации символов и их частей.

Для Бодлера образ кошки теснейшим образом связан с образом женщины, на что указывают два стихотворения

сборника «Цветы зла»: «Кот» и «Кошки». В «Кошках» прослеживается мотив колебания между мужским и женским началом.

Мишель Бютор справедливо отметил, что у Бодлера «эти два аспекта – женственность и сверхмужественность – отнюдь не исключают друг друга, но, напротив, объединяются» (Косикова 1985: 231). Все персонажи сонета – мужского рода, но кошки и их alter ego – огромные сфинксы, обладают двуполой природой. Таким образом, «кошки» у Бодлера – символ красоты, творчества, таинственности.

В стихотворении «Благословение» (Бодлер 1998: 49) (пер. В. Левика) описывается божественное призвание поэта и его проклятость, обреченность на страдальческий удел. Это была распространенная тема романтической литературы. Как и его предшественники, Бодлер каждой своей клеточкой испытывает гнет неладно устроенной жизни, где он сам – носитель редкого дара – обречен на отщепенство в семье, в пошлой толпе, в потоке истории. Он истолковывает свою напасть как крещение в избраннической купели:

*Я сердце вылушу, дрожащее как птица
В руке охотника...*

Здесь автор использует функциональное зоонимическое сравнение.

*Когда ж наскучит мне весь этот фарс нелепый,
Я руку наложу покорному на грудь,
И эти ноги вмиг, покорны и свирепы,
Когтями гарпии проложат к сердцу путь*

В образовании данной метафоры участвует мифоним. Видимо, обращение к мифонимам уместно, так как речь идет о душевных терзаниях, о нравственном выборе.

Поэтические аллюзии Бодлера часто базируются на внешне однозначных и простых качественных переносах. Их визуальность очевидна: «Есть желтая змея одна...» и «Руки

нежные твои – В кольца цепкие змеи». Но обратим внимание на то, что внешняя простота сопрягает нечто глубоко противоположное: нежные руки уподобляются зловещим и опасным змеям. Для Бодлера зло и добро почти всегда неразрывно сопряжены, переплетены. Возможно, в его поэтическом мире внешнее добро содержит скрытую угрозу, опасность. И этой опасности подвержены даже наиболее достойные:

*Надейся, иль ропщи от муки –
Всю жизнь ты слышишь каждый миг
Остерегающий язык
Невыносимо злой Гадюки.*

(«Предостерегатель», пер. Л. Остроумова)

«Поэт «Цветов Зла», — пишет Теофиль Готье, — любил то, что ошибочно называется стилем декаданса и есть не что иное, как искусство, достигшее той степени крайней зрелости, которая находит свое выражение в косых лучах заката дряхлеющих цивилизаций: стиль усиливающийся передать мысль в самых ее неуловимых оттенках, а формы в самых неуловимых очертаниях: он чутко внимает тончайшим откровениям невроза, признаниям стареющей и извращенной страсти, причудливым галлюцинациям навязчивой идеи, переходящей в безумие. Этот «стиль декаданса» — последнее слово языка, которому дано все выразить и которое доходит до крайности преувеличения» (Дрыжакова 1995:59) .

В стихотворении «Солнце» (пер. Эллиса) заключается что-то вроде безмолвно оправдания поэта в его бесцельных странствованиях. Веселый луч блестит над грязным городом, автор выходит из дому и бродит по отвратительным переулкам, по улицам, в которых закрытые ставни скрывают, подчеркивая их, тайны сладострастия, по всему этому лабиринту мрачных, серых и грязных старых улиц с кривыми зараженными домами. Поэт, подобно солнцу, входит всюду – в больницу и во дворец, в притон и в церковь – всегда чистый, лучезарный, божественный.

Ты жизнь обвеяла волною,

Как соли едкий аромат.

«Гимн» (пер. Эллиса)

Здесь автор использовал функционально-вкусовое сравнение. Можно предположить, что при помощи этого сравнения поэт хотел показать эффект обманутого ожидания. Функциональный перенос здесь переходит в конкретную образность: вкусовой модус (конкретный режим мышления и восприятия).

Повышенная символизация и метафоризация поэтических текстов Бодлера объясняется драматичностью его судьбы. Автор рассматривал внутренний мир человека как “волнение духа во зле” и уничтожил границу между красотой и уродством.

Литература:

1. Бодлер Ш. Стихотворения. Проза // Сост. вступ. ст. Г. Мосешвили. М., Рипол Классик, 1997.
2. Бодлер Ш. Цветы Зла: Стихотворения. Статьи об искусстве. М., Эксмо- Пресс, 1998.
3. Бодлер Ш.. Цветы Зла. Стихотворения в прозе // Сост., вступ. ст. Г.К.Косикова. М., 1993.
4. Дрыжакова Е.Н. В волшебном мире поэзии. М., 1995.
5. Засурский Я.Н., Гураева С.В. История зарубежной литературы IX века. М., Просвещение, 1982.
6. Косикова Г.К. «Кошки» Шарля Бодлера. М., Прогресс, 1985.
8. Купер Дж. Энциклопедия символов, серия «Символы», книга IV. М., Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995.

T. Davitadze (Georgia)

Symbols and Metaphors in Charles Baudelaire's Poetry

Summary

Charles Baudelaire's volume of poems "Les Fleurs du mal" (The Flowers of Evil) shows the poet's final esthetic belief: The evil is a master of the life and this tragic fact should be reflected in an art too. Baudelaire many times underlined that "The Flowers of Evil" is not a collection of random poems. This is a "book" of single conception.

"The Flowers of Evil" is composed in a concept of contrasts and shows the idea: Life versus death. Baudelaire is very sensitive to the ugliness of a modern society and even in time when he can't find solution, he keeps staying as a truthful and uncompromising person. Character of his art skills is unlike of any others and mainly is reflected in his symbols and metaphors, the matter of our researches.

ТЕМА ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕКА В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Тема трагической судьбы русского человека в тоталитарном государстве возникает в русской литературе XX века уже в 1920-х годах, когда само становление тоталитарного государства еще только намечалось. Оно было предугадано писателем Е.Замятым в романе "Мы", в образе Единого Государства, в котором человек с его индивидуальностью почти уничтожен, сведен к "номеру", где все одеты в одинаковые одежды и обязаны быть счастливыми, хотя они того или нет. Роман Е.Замятина прозвучал предупреждением, которое не дошло до советского читателя. Государство вскоре начало активно вмешиваться в его жизнь, в чем-то воплощая в жизнь мрачную фантазию Е.Замятина, в чем-то' далеко от нее отступая. Общим было одно - отношение к личности как к строительному материалу, обесценивание человека, его жизни. Особенно трагический оборот все это приобретало в годы, когда шло массовое истребление целых слоев населения по различным признакам - уничтожали дворян, организовывали расказачивание, раскулачивание или "ликвидацию кулачества как класса", наконец, 1937-1938 годы - пик "большого террора", страшные годы ежовщины, которые сменились долгими десятилетиями бериевщины. В русской литературе все эти трагические события долгие годы были абсолютно темой. До читателя так и не дошло в свое время написанное еще в 30-х годах стихотворение О.Мандельштама, разоблачающее Сталина, стихотворения о трагедии матерей, которые растили детей "для плахи, для застенка и тюрьмы", А.Ахматовой и ее поэма "Реквием", повесть Л.Чуковской "Софья Петровна" и многие другие произведения, которые только в последние десятилетия возвращены нам. Попыткой нарушить вынужденный заговор

молчания, сказать читателю запретной правду о страшных годах террора, о трагедии личности стало творчество писателей, таких как Юрий Домбровский, автор романа "Хранитель древностей" и его продолжения - романа "Факультет ненужных вещей". К этой теме обращается писатель Варлам Шаламов, человек трагической судьбы, долгие годы проведенный в страшных колымских лагерях. Писатель стал автором потрясающих по силе психологического воздействия произведений, своеобразного колымского эпоса, показавшего беспощадную правду о жизни людей в лагерях. Человек в нечеловеческих условиях - так можно обозначить сквозную тему "Колымских рассказов" В.Шаламова. Попадая в лагерь, человек как бы теряет все, что связывает его с нормальной человеческой средой обитания, с прежним опытом, который теперь неприменим. Так у В.Шаламова появляются понятия "первая жизнь" (долагерная) и вторая жизнь - жизнь в лагере. Писатель не щадит читателя, в его рассказах появляются страшные подробности, которые невозможно понять без душевной боли - холод и голод, порой лишающие человека рассудка, гнойные язвы на ногах, жестокий беспредел уголовников, считавшихся в лагерях "друзьями народа" в отличие от политических заключенных, прежде всего интеллигентов, которых называли "врагами народа" и которые были отданы в полную власть уголовникам. В своих рассказах В.Шаламов показывает то, что было страшнее холода, голода и болезней - человеческое унижение, низводившее людей до уровня животных. Оно просто погружает их в состояние небытия, когда из человека уходят все чувства и мысли, когда жизнь замещена "полусознанием, существованием".

“Колымские рассказы” - сборник рассказов, вошедший в колымскую эпопею Варлама Шаламова. Автор сам прошел через этот “самый ледяной” ад сталинских лагерей, поэтому каждый его рассказ абсолютно достоверен. В “Колымских рассказах” отражена проблема противостояния личности и

государственной машины, трагедии человека в тоталитарном государстве. Причем показана последняя стадия этого конфликта - человек, находящийся в лагере. И не просто в лагере, а в самом страшном из лагерей, воздвигнутом самой бесчеловечной из систем. Это максимальное подавление государством человеческой личности. В рассказе “Сухим пайком” Шаламов пишет: “нас ничто уже не волновало “нам жить было легко во власти чужой воли. Мы не заботились даже о том, чтобы сохранить жизнь, и если и спали, то тоже подчиняясь приказу, распорядку лагерного дня... Мы давно стали фаталистами, мы не рассчитывали на нашу жизнь далее, как на день вперед... Всякое вмешательство в судьбу, в волю Богов было неприличным”. Точнее, чем автор, не скажешь, и самое страшное, что воля государства полностью подавляет и растворяет в себе волю человека. Она же лишает его всех человеческих чувств, стирает грань между жизнью и смертью. Постепенно убивая человека физически, убивают и его душу. Голод и холод делают с людьми такое, что становится страшно. “Все человеческие чувства - любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность - шли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего голодания. В том незначительном мышечном слое, который еще оставался на наших костях... различалась только злоба - самое долговечное человеческое чувство” (Воробьева Л.59: 1998). Ради того, чтобы поесть и согреться, люди готовы на все, и если они не совершают предательства, то это подсознательно, машинально, так как само понятие предательства, как и многое другое, стерлось, ушло, исчезло. “Мы научились смирению, мы разучились удивляться. У нас не было гордости, себялюбия, самолюбия, а ревность и старость казались нам марсианскими понятиями и притом пустяками... Мы понимали, что смерть нисколько не хуже чем жизнь”. Нужно только представить себе жизнь, которая кажется не хуже смерти.

В человеке исчезает все человеческое. Государственная воля подавляет все, остается только жажда жизни, великая выживаемость: “Голодный и злой, я знал, что ничто в мире не заставит меня покончить с собой... и я понял самое главное, что стал человеком не потому, что он божье создание, а потому, что он был физически крепче, выносливее всех животных, а позднее потому, что заставил духовное начало успешно служить началу физическому” (Ячменева Т.19: 1996). Вот так, вопреки всем теориям о происхождении человека. Все-таки человек как высшее существо и в таких адских условиях, под таким тяжким гнетом не научился думать. В рассказе “Шерри-бренди ” описывается смерть поэта в лагере. Ему “приятно было сознавать, что он еще может думать”. У этого поэта в рассказе нет даже имени, но есть другое: перед смертью ему открывается истина, он понимает всю свою прожитую жизнь.

И что же такое жизнь поэта? “Стихи были той животворящей силой, которой он жил. Именно так. Он не жил ради стихов, он жил стихами. Сейчас было так наглядно, так ощутимо ясно, что вдохновение и было жизнью: перед смертью ему дано было узнать, что жизнь была вдохновением, именно вдохновением. И он радовался, что ему дано было узнать эту последнюю правду”. Если в рассказе “Шерри-бренди” Шаламов пишет о жизни поэта, о ее смысле, то в первом рассказе, который называется “По снегу”, Шаламов говорит о назначении и роли писателей, сравнивая ее с тем, как протаптывают дорогу по снежной целине. Писатели - именно те, кто протаптывает ее. Есть первый, кому тяжелее всех, но если идти только по его следам, получится, лишь узкая тропинка. За ним идут другие, и протаптывают ту широкую дорогу, по которой ездят читатели. “И каждый из них, даже самый маленький, самый слабый, должен ступить на кусочек снежной целины, а не в чужой след. А на тракторах и лошадях ездят не писатели, а читатели” (Федоров 2002:35). И Шаламов не идет по протоптанной дороге, он наступает на “снежную целину”. Писательский и

человеческий подвиг Шаламова - в том, что он не только вынес 17 лет лагерей, сохранил живой свою душу, но и нашел в себе силы вернуться мыслью и чувством в страшные годы, высечь из самого долговечного материала - Слова - Мемориал в память погибших, в назидание потомкам.

В рассказе "Сентенция" автор с почти научной точностью анализирует состояние человека в этой нечеловеческой жизни, когда единственным его чувством остается злоба. Когда смерть отступает, а к человеку возвращается сознание, он с радостью замечает, что его мозг начинает работать, из глубин памяти всплывает давно забытое научное слово "сентенция".

В рассказе "Тифозный карантин" В.Шаламов показывает другую грань человеческого унижения: готовность служить главарям воровского мира, стать их лакеями и холопами. Этих главарей окружает "толпа служающих", готовых на что угодно, лишь бы им отломали корочку хлеба или налили супчику. И когда в этой толпе герой рассказа видит знакомое лицо, капитана Шнайдера, немецкого коммуниста, знатока Гете, образованного человека, который прежде поддерживал дух товарищей, а в лагере исполняет унижительную роль "чесальщика пяток" у вора Сенечки, ему не хочется жить. Автор описывает переживания Андреева, героя рассказа: "Хотя это было небольшое и нестрашное событие по сравнению с тем, что он видел и что ему предстояло увидеть, он запомнил капитана Шнайдера навек"(Старкова 2004:35). Рассказы В.Шаламова не просто художественный документ. Это целостная картина мира, скорее антимира, абсурда, в который брошен человек страшным монстром террора, переламывающего миллионы людей. В этом антимире все перевернуто. Человек мечтает из лагеря попасть не на свободу, а в тюрьму. В рассказе "Надгробное слово" так и сказано: "Тюрьма-это свобода. Это единственное место, которое я знаю, где люди, не боясь, говорили все, что думали. Где они отдыхали душой" (Васильев 2000:134). Творчество Шаламова стало и историческим документом, и фактом философского

осмысления целой эпохи. В целом русская литература XX века раскрыла судьбу человека в тоталитарном государстве с позиций гуманизма, в традициях русской классической литературы.

Литература

1. Васильев В. «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова // Русская литература XX века. СПб.: РГПУ,
2. Волков О. Незаурядный талант // Литература в школе. 1994. № 1.
3. Воробьева Л. Эхо в веках // Литература. 1998. № 29.
4. Ерёмкина Т. Мастерские по литературе. 11-й класс. СПб., 2004.
5. Крупина Н., Соснина Н. Сопричастность времени.– М., 1992.
6. Старкова В. Изучение творчества Варлама Шаламова в школе // Литература. 2004. № 35.
7. Федоров С. Человек в эпоху сталинизма. В. Шаламов // Литература. Русский язык. СПб.: РГПУ, 2002.
8. Ячменева Т. Лагерная проза в русской литературе (А.И. Солженицын и В.Т. Шаламов) // Литература. – 1996. – № 3.

DALI DOBORJGINIDZE (Georgia)

TRAGICAL FATE OF THE PERSON IN THE TOTALITARIAN WORLD

SAMMARY

Dobordjginidze's article deals with the theme of tragical fate of the person in the totalitarian world , the power of the world destroys everything, that is described in "the most icy" hell of Stalin's camps which are the historical document, and the fact of philosophical influence of the whole epoch.

Нана Каджая (Грузия)

**«МОСКОВСКИЕ» ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА
(СИСТЕМА ОБРАЗОВ)**

Принципиально новым этапом в творчестве Трифонова стали повести т.н. «московского цикла», в которых осмыслялась жизнь столичных интеллигентов, в них речь шла о сохранении человеческого достоинства в засасывающей повседневности. Городская проза Трифонова отразила основные тенденции литературы второй половины XX века, а именно, возврат «к изображению сложного неординарного героя, разнообразных проявлений его внутреннего мира. Тогда же стал складываться и иной тип героя, рефлексирующего интеллигента» (Русская проза... 2005: 6). Персонажей «московского» цикла критика с самого начала относила именно к подобному типу героя. Именно интеллигентной профессией героев городского цикла во многом обусловлена их склонность к рефлексивности.

Характер изобразительных средств в «московских» повестях, тип героев, на которых в основном сосредоточено внимание автора, тип нравственного конфликта, в ходе развития которого раскрываются герои, психологический анализ, - все это служит раскрытию главного пафоса творчества писателя в его постоянной борьбе с эгоизмом. Эгоизм, по мнению писателя, разрушает человеческую личность.

Писателя интересует психологическая, а не событийная основа жизни. Поэтому интерес к сюжету у Трифонова ослаблен, а острота нравственных коллизий – усилена. Именно в остроте нравственных коллизий и есть единство повестей Ю.Трифопова. «Московские» повести Трифонова держатся на «внутреннем» сюжете, на раскрытии связей и отношений, обнажающих нравственную суть изображаемых характеров. У Ю. Трифонова эти характеры проверяются бытом, современным

бытом, о котором он говорит часто как об обеспеченном, спокойном, удобном существовании. В то же время писатель подчеркивает, что быт является великим испытанием. Не нужно говорить о нем презрительно, как о жизненной стороне человеческой жизни, недостойной литературы. Ведь быт – это обыкновенная жизнь, где проявляется и появляется новая, сегодняшняя нравственность.

Трифонова особенно интересует тема - нравственная свобода человека перед лицом обстоятельств. В «московских повестях» в качестве таких обстоятельств выступают мелочи быта, что роднит Ю. Трифонова с А. Чеховым. Чеховский сюжет незаметной деградации личности получает в героях Ю. Трифонова несколько иное звучание.

Именно ослабленный интерес писателя к сюжетному развитию определяет особенности трифоновского повествования в московских повестях. «Повествование сосредоточивается не столько на поступках, сколько на мыслях героя, на обдумывании им мотивов собственного поведения. Быт превращается в мощный фактор коррекции духовного поиска. «Кто я» остается главной темой героя, но к ней приходится буквально прорываться через гору житейских мелочей, так что сама возможность прорыва становится проблемой, не очевидной ни для героя, ни для автора, ни для читателя» (Саморукова 2005: 232-238).

Название повести «Обмен» многозначно: в произведении рисуется духовно-психологическая ситуация: обмен квартиры умирающей от болезни матери Дмитриева, на этом настаивает его жена. В конце концов, обмен квартиры перерастает в обмен нравственных норм и убеждений. Человеческие отношения вытесняются мнимыми ценностями, мать Дмитриева говорит ему: *«Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел... Это было очень давно»*. Решение разменять квартиру перерастает в проблему: Дмитриев совестлив, внутренние запреты в нем не абсолютны, но сильны, и обмен заканчивается для него, в конце

концов, больницей. Он мягок – ему трудно не уступить своей энергичной жене Лене.

«Рвутся нити», соединяющие Дмитриева с матерью, сестрой, дедом, и это ощущает сам герой. Отношения вырываются из рук человека, уже не он властен над обменом, а точнее, обменивают его самого и все вокруг, даже природу. Сидя на берегу реки, Дмитриев думает о том, что здесь все изменилось: когда-то были луг, деревья, а теперь *«устроили громадный пляж с балаганами, ларьками...»*. Меняется качество самой жизни – и писателю нестерпимо больно от того, что *«из жизни уходят доброта и человечность»*. Драма героя в том, что он совершает подмену этих принципов. В противоборстве духовного и практического начал побеждает последнее.

В повестях Трифонова с ослабленным сюжетным развитием чувствуется тяготение к метафорической насыщенности и усложненности. По признанию Ю. Трифонова, он стремился в «Обмене» к густоте письма, к тому, «чтобы как можно более полно изобразить сложность обстоятельств, в которых живет человек», сложность отношений. Оттого и насыщена повесть подтекстами, иносказаниями. Каждый поступок, каждая реплика функциональны.

В повести «Предварительные итоги» писатель выводит переводчика Геннадия Сергеевича, которого поражает та же болезнь, что и других персонажей этого цикла. Стремление найти выход из духовного тупика потребительских интересов, разорвать замкнутый круг одиночества заставляет его напряженно анализировать свои поступки и отношения с близкими людьми (Просвирнова 1974:12). Геннадий Сергеевич – человек умный, тонко чувствующий, однако замкнувшийся в своем индивидуалистическом мире. Писатель показывает его на промежуточном нравственном рубеже, после которого его жизнь должна коренным образом измениться. Герой сделал выбор - в житейском отношении стал вполне благополучен, но утратил

способность к внутреннему совершенствованию. По сути, его жизнь свелась к поддержанию физического существования.

Завершением «московского цикла» стал роман Дом на набережной (1976). Его публикация стала событием литературной и общественной жизни. На примере судьбы одного из жильцов знаменитого московского дома, в котором жили семьи партийных работников (в т.ч. и семья Трифонова во времена его детства), писатель показал механизм формирования конформистского общественного сознания. История преуспевающего критика Глебова, не вступившегося когда-то за своего учителя-профессора, стала в романе историей психологического самооправдания предательства. В отличие от героя, автор отказывался оправдывать предательство жестокими историческими обстоятельствами 1930–1940-х годов.

В «Московских» повестях Трифонова с особой силой проявилось единство социально-психологического и духовно-нравственного поиска писателя, выявилось его умение соотносить вопросы злободневные, касающиеся советской жизни 70-х годов, с общефилософскими проблемами, с традиционными вопросами русской литературы.

Литература:

1. Просвирнова А.Н. проблемы жанра и стиля в советской повести второй половины 60-х-начала 70-х годов. АКД, М., 1974.
2. Русская проза XX века. Под редакцией Т.М.Колядич. М., 2005.
3. Саморукова И. В. Быт и бытие: репрезентация повседневности в советской литературе 70-х годов: от Ю. Трифонова к В. Макаину // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 232-238.

Nana Kajaia (Georgia)

**“Muscovite” Short Stories by I. Trifonov
(System of Images)**

Summary

“The “Muscovite” cycle of short stories by I. Trifonov is seen as a substantially new turn in the author’s creative work. The major tendencies in the Russian literary life in the late XX century found themselves reflected in the urban prose of the writer. It is particularly true to his approach to an uncommon, abstruse hero, where the author’s interest lies in untangling it to unfold his personality. This turn marks with an emergence on the scene of an intellectual, characterized with a self-reflexive nature. The paper analyzes images of intellectual heroes in respect of the cycle.

Нино Майсурадзе (Грузия)

ФЕНОМЕН ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Объединение в памяти фрагментов истории, не имеющих между собой никакой связи, означает «соединение начала и конца». По существу любой текст несет в себе эти фрагменты, иногда очевидные, иногда скрытые, и выстраивает их согласно логике рассказа.

Среди пророков, которым боги сохранили память после смерти, выделяется Тиресий. Будучи юношей, он случайно увидел купающуюся в ключе Иппокрены богиню Афину и из-за этого был ослеплен, но одновременно наделен и даром провидения. Позже бродя по склонам Килленской горы, он случайно увидел спаривающихся змей и на годы превратился в женщину. Этот двуполоый слепец был выбран богами, чтобы нести в себе неугасающую память.

Память культуры, память Тиресия должна быть подключена к тексту, чтобы произошло искомое «соединение начала и конца», чтобы возникла история.

Метафорическая слепота становится условием чтения, прозрения. Двуполоый слепец Тиресий пришел из античности в наши дни. Он появляется в процессии бессмертных провидцев в «Гниющем колдуне».

Элиот отмечал: «Тиресий, будучи простым зрителем, а не подлинным «персонажем», все же остается самым важным персонажем поэмы, объединяющей все остальное» (www.dnevkin.ru/library_yampolsky-tiresiy_ogl.html). Это весьма существенное замечание. Оно подчеркивает тот факт, что только зритель, читатель может объединить, унифицировать текст своей культурной памятью. Двуполоый Тиресий – идеальный читатель любого текста: «Все люди, хотя и сохраняют индивидуальность, - это один человек; все женщины

– одна женщина; мужчина и женщина встречаются в Тиресие, слепом поводеыре, который одновременно является простым зрителем и «самым важным персонажем», в одно и то же время - центральным и периферийным» (www.dnevkinoru/library_yampolsky-tiresiy_ogl.html).

Полнота смысла всякого текста возникает именно в результате его соотнесения с текстами-предшественниками, а иногда и последователями. Письменность возникает как хранитель памяти. То же самое можно сказать и других формах долговременной фиксации текстов.

Современная культура, умножая формы фиксации текста, одновременно постоянно ищет новизны. Новое и традиционное входят в динамический сплав, который в значительной степени оказывается ответственным за производство новых смыслов. По сути дела производство смысла заключено в этой борьбе памяти и ее преодоления. История вводится в структуру текста как смыслообразующий элемент.

Элиот утверждал, что поэтический текст приобретает смысл только в сопоставлении с художниками прошлого. Таким образом, творчество состоит в непрерывном погашении творцом своей индивидуальности: «по сути, поэт постоянно отказывается от самого себя – каковым он является в каждый данный отрезок времени – во имя чего-то более значительного» (www.dnevkinoru.ru/library_yampolsky-tiresiy_ogl.html). Движение художника – это непрерывное самопожертвование, непрерывное погашение в себе индивидуального начала. Поэт раньше, чем теоретики, сознательно включает история культуры в синхронный срез. Художественный текст для Элиота – это место единовременного существования культурных слоев, относящихся совершенно к разным эпохам, это диалог сотен и тысяч творцов, которые не были современниками.

Барт в работе «От произведения к тексту» провел различие «текста» и «произведения»: «различие здесь вот в чем: произведение есть вещественный фрагмент, занимающий

определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а текст – поле методологических операций. Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе» (Барт 1994: 415).

Но поскольку текст возникает в процессе чтения, то он не может быть отгорожен от того потока ассоциаций, который неизбежно в него проникает. Далее Барт продолжает, «текст можно читать, не принимая в расчет волю его отца... призрак Автора может, конечно, явиться в тексте... но уже только на правах гостя» (Барт 1994: 420).

Когда Барт изгоняет автора из текста, он не просто отдает дань парадоксализму, он описывает ту всем нам знакомую реальность, которую мы просто часто не хотим замечать. Читая книгу, мы считаем, что дешифруем авторские намерения, получаем авторские сообщения. В действительности же мы производим работу по пониманию текста (конечно, детерминированную его структурами), используя при этом весь объем нашего жизненного опыта и культурного багажа. Другой формы контакта с текстом попросту не существует.

Интертекстуальность работает как логизирующий механизм только там, где обнаруживается сходство между текстами – там, где такого сходства нет, интертекстуальность оказывается неэффективной.

Авангардистский текст выступает как «новый», беспрецедентный, как тотальное отрицание всей предшествующей традиции – и это чрезвычайно существенно для ситуации, в которой он функционирует. Речь автора уподобляется речи Адама, не имеющего предшественников. Таким образом, авангардистский текст, по своему характеру ориентирующий читателя на интертекстуальные интерпретации, одновременно декларативно блокирует обращение к интертексту.

Понятие автора как уникального производителя текста все чаще становится под сомнение современной наукой. Во всяком

случае, оно становится все более «хрупким». Текст строится как бесконечная цепочка предшествований.

Каждое произведение, выстраивая свое интертекстуальное поле, создает собственную историю культуры, преобразует весь предшествующий культурный фонд. Именно поэтому можно утверждать, что теория интертекстуальности – это путь к обновлению нашего понимания истории, которая может быть включена в структуру текста в динамическом, постоянно меняющемся состоянии. Интертекстуальный подход позволяет нам также обновить представления и художественной эволюции, куда включаются не только непосредственный предшественники, но и самые разнородные явления культуры, некоторые из которых могут быть отдалены от интересующего нас текста столетиями. Речь идет, по существу, о генезисе новых явлений из всей предшествующей культуры, а не только из ее активной актуальности. Или, вернее, представление об активной актуальности распространяется на всю культуру в целом.

Интертекстуальность, особенно активно действующая на словах наррации, на местах нарушения линейной логики рассказа, придает языку некоторую телесность.

Будучи теорией чтения (но и теорией языка, теорией эволюции, понятых сквозь призму чтения), теория интертекстуальности, конечно, не может претендовать на универсальность. Она ни в коей мере не стремится подменить собой иные подходы и даже оставляет вне поля зрения такие фундаментальные явления, как, например, наррация. Ее задача скромнее – дат сквозь перспективу чтения новый импульс для понимания функционирования текста.

Литература:

1. www.dnevkino.ru/library_vampolsky-tiresiy_ogl.html
2. Барт Ролан. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Nino Maisuradze (Georgia)

Intertextuality in modern Literature

Summary

The main task of the given article is to discuss the phenomenon of intertextuality in modern literature. We want to show that traditional way of reading is broken up in modern literature. Thanks to intertext, we have different, not traditional way of reading which excogitates dialogue between new and old text. I ve tried to demonstrate the appearance of intertextuality nearly in majority spheres of art especially in Literature and in films.

ГРУЗИНСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ПОСТМОДЕРНИСТСКУЮ ЭПОХУ

В постмодернистскую эпоху перед грузинским литературоведением наметились новые, весьма значительные проблемы. С необыкновенной быстротой происходит процесс переоценки ценностей. Многие произведения заново перечитываются, трактуются по-новому. А имена многих незаслуженно прославившихся писателей постепенно отдается забвению.

XX век часто называют «потерянным веком», так как это была эпоха великих социально-политических катаклизмов, когда удивительно быстро начали рушиться складывавшиеся тысячелетиями морально-этические нормы. Однако, несмотря на удручающую, удушливую атмосферу, на страх репрессий, в эту эпоху были созданы художественные произведения эпохального значения: «Хизаны Джако» М. Джавахишвили, «Похищение луны» К. Гамсахурдия, «Дата Туташхиа» Ч. Амiredжиби, «Шел по дороге один человек» О. Чиладзе... Эти произведения явились прекраснейшим проявлением неукротимого духа грузинской прозы. Акакий Бакрадзе свою книгу, посвященную деятельности грузинских писателей советского периода, назвал так - «Укрощение литературы», однако из самой книги видно, что укротить настоящий талант просто невозможно. А бездарность, «эрзацлитература» всегда существовала и, наверное, будет существовать.

А. Бакрадзе при характеристике истинно великого писателя использует метафору, сравнив К. Гамсахурдия с человеком, который несет домой хлеб, а за ним бежит оскаливший пес. И чтобы донести до дома хотя бы часть хлеба, он бросает псу маленькие кусочки хлеба (Бакрадзе 1990: 133). Поэтому, когда идет речь об очистке «авгиевых конюшен»

грузинской литературы XX века, следует соблюдать такт и осторожность, чтобы из-за этих «маленьких кусочков хлеба» невольно не погрязло достоинство многострадальных грузинских писателей, которые в эпоху господства «соцреализма» смогли следовать магистральной линии развития мировой литературы и создать шедевры, которые стали сильнейшим оружием против «лжецивилизации», т.н. «глобализации», нивелировки, нигилизма.

Нужно признать, что в постмодернистскую эпоху под нависшей угрозой находится не только жизнь и самостоятельность отдельных индивидов, но и судьба целых наций, особенно малочисленных. Создается множество социо-психологических концепций, в которых исчезают понятия «нация», «национальность», зато вводится, например, понятие «мирового общества» (как тут не вспомнить пресловутый «единый советский народ»!), ссылаясь на то, что современное мировое общество обуславливается возможностями глобальной коммуникации «психических систем» (так определяется человек известным социологом Никласом Луманом) в мире.

Коммуникационная революция, особенно развитие телевидения и компьютерных сетей превратила нашу планету в некоторую «огромную деревню», создался «общий сиюминутный мир», как отмечает канадский ученый М. Маклюен (цитируется по Хализеву 2000: 104). Телевидение обрело идеологическое воздействие необыкновенной силы, соответственно, обесценилось самосознание личности, человек вернулся к стадии «коллективного несознания».

И все таки, насколько парадоксально бы не звучало, этот «коллективный зверь», член «мирового общества» одинок в этом абсурдном, дисгармоничном мире, более того, общению с себе подобными «психическими системами» он предпочитает контакт с бездушной техникой.

Вместе с этим, чудеса НТР действительно не произвели такой фундаментальный переворот в психике человека и его

этическом мире, другими словами, нравственное кредо и психологический портрет той или иной нации довольно устойчив и менее изменяем. А разговор о нравственном прогрессе может довести нас до абсурда, так как это означает, что человек каждой последующей эпохи должен быть более нравственен, чем его предшественник. К сожалению, это не так. Во все времена существовали нравственные и безнравственные, добрые и злые, душевно чистые и низкие люди.

Нравственность нации складывается по тем писанным или неписанным законам, основательная ревизия-редактирование которых равняется разрушению национальных традиций, потере национальной самобытности. А это, в свою очередь, равно вырождению. Национальная литература является хранителем и выразителем нравственного облика, традиций и духа народа.

Именно поэтому считаем, что и в постмодернистскую эпоху главной задачей грузинских гуманитариев остается способствовать ознакомить мировое культурное общество с шедеврами, созданными в «культурном концлагере» (не зря сравнил Михаил Джавахишвили грузинскую литературу с крестом Голгофы!), на основе новейших достижений литературоведения исследование тех произведений, в которых наиболее полно отразились основные тенденции мирового искусства: возвращение к мифу, углубленный историзм, поиски корней и духа нации, взаимоотношения человека со средой, показ одиночества и трагизма отчуждения человека и др.

Ушли те времена, когда большинство литературоведов бывшего Советского Союза отождествляло методологию с идеологией. И это неудивительно, так как общественное сознание любого авторитарного общества идеологизировано.

Крах Советского Союза и вместе с ним «универсального метода» «социалистического реализма», пестрота теорий, хлынувших в постсоветское пространство, убедило нас в том, что универсального метода, как такового, не существует.

Известный русский теоретик В.Хализев подчеркивает, что единой, универсальной для всех времен теории литературы не существует (Хализев 2000:12). Эта мысль тем более актуальна сегодня, так как в отличие от советской эпохи, мы имеем доступ к разного рода теориям, разработанным школами и течениями зарубежного литературоведения.

Литературоведение постмодернистской эпохи характеризуется обилием идей теорий, которые порой удивляют своей парадоксальностью, виртуозной манерой передачи, высоким уровнем аналитического мышления.

Диалог методологий, различных научных парадигм во многом определяет успешное развитие гуманитарных наук. Интересно, что отмеченный диалог происходит не только в трудах разных ученых, но и в рамках конкретного исследования одного ученого. Более того, многообразие теоретических основ считается не недостатком подобных исследований, а наоборот – достоинством. Возможно потому, что это позволяет интерпретировать текст в различных ракурсах, в режиме внутреннего диалога или, назовем так, в режиме «самодиалога». Вместе с тем, подобное многообразие теоретических основ представляет весь спектр методологий, показывает их реальные возможности и недостатки.

И все-таки, откуда следует начинать отсчет постмодернистской эпохи?

Часть исследователей считает, что рождение постмодернизма связано с появлением «Поминок Финеганов» Джеймса Джойса, полагают, что это произведение появилось параллельно с модернизмом. По мнению Яна Ленсена, постмодернистское течение в Европе существует с 1975 года, а в Германии оно упоминается с 1917 года. При этом постмодернизм не следует понимать как противостояние модернизму (хотя термин на это и указывает) (Ленсен 2001:21). Наоборот, постмодернизм использует и развивает утвердившиеся модернизмом новации. Это

плюралистическое мировоззрение, он направлен против деспотизма и унифицирования.

А автор «Словаря культуры XX века» В. Руднев, наоборот, считает, что постмодернизм противопоставлен модернизму (Руднев 1997: 105).

У. Эко, И. Гассан, Д. Лоцци полагают, что постмодернизм периодически появляется в кризисные периоды человечества. А кризис, по постмодернистской терминологии, это «эпистологическое усомнение» или, другими словами, специфическое видение мира, в котором нарушена причинно-следственная связь и потеряны ценностные ориентиры, мира, который «децентрализован», хаотичен и представлен в виде беспорядочных иерархических элементов сознания. Это уже «постмодернистская чувствительность», вызывающая в человеке теоретические рефлексии. Именно в них проявляется эмоциональное отношение личности к современности. Это выражение ее мировосприятия, особенное видение картины мира, логический финал процесса «дегуманизации». Неслучайно, что сверхчеловек Ницше, в некотором роде, подобен человеку эпохи постмодернизма, сумевшему преодолеть декаданс и нигилизм.

Постмодернистскую эпоху характеризует «поэтическое мышление», возможно, писатели (Алан Роб-Гриэ, Умберто Эко) потому и анализируют собственные произведения с помощью саморефлексии.

Достаточно перечислить основные понятия постмодернизма, чтобы понять, с течением какой эпохи и какого стиля имеем дело: «Мир как хаос», «Кризис авторитетов», «эпистологическое усомнение», «Маска автора», «Пародийный модус повествования», «Принцип нонселекции», «Дискретность, фрагментарность», «Теория катастроф», «Виртуальная реальность» и др.

Очевидно, что в пору завершения утопических идиллий – христианской и социалистической идеологий – человек основывает новый мифологический мир. Возрождение мифа и

мировосприятие круговорота подразумевает конец идеи исторического прогресса (Ленсен 2001:21).

Действительно, когда завершается одна эпоха, а контуры будущего довольно смутны, когда в мире столь нестабильно и велико ожидание катастрофы, «...тем более абстрактным становится искусство, тогда как счастливый мир создает реалистическое искусство».

Как отметили, в постмодернистскую эпоху исследователи находятся перед широким выбором разных литературоведческих теорий, что таит определенную опасность утонуть в них и не узреть истинное слово писателя. Литературоведение новой эпохи сможет избежать этого, помня мудрые слова Декарта: «На свете много вещей, которых пытаемся определить, однако мы делаем их еще более непонятными» (Декарт 1914: 116).

Литература:

1. Бакрадзе А. Укрощение литературы. Тбилиси, 1990 (на грузинском языке).
2. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2000.
3. Ленсен Я. Постмодерн. // «Критерий», №2, 2001 (на грузинском языке).
4. Руднев В. Словарь культуры XX века. М., 1997.
5. Декарт Р. Собрание сочинений. Т. I. Казань, 1914.

Shorena Makhachadze (Georgia)

**The way of history of Georgian literature
In post-modernism epoch**

Summary

The history of Georgian literature in post-modernism epoch has not any lack of ideas and theories. It is one those scientific disciplines that does its bit in the work of world's perception. The post-modernism epoch is distinguished with eclecticism and has wide range of choice as well.

The developing way of modern and humanitarian sciences goes through pluralism. The determinant of its success is a dialogue of different scientific paradigms and methodologies. Interesting fact is also that this dialogue takes place not only in different scientists' researches, also in one researcher's works. This conflict, variety of theoretical basis, is not considered as a fault, but as a favor. This gives opportunity of texts' interpretation from different points, through inner or "self dialogue" regime. It also exposes specters of methodologies and reveals their opportunities and weaknesses in synchronisms.

Жужуна Шаинидзе (Грузия)

**АЛЛЮЗИИ ПЕРСОНАЖЕЙ А. ЧЕХОВА
В РОМАНЕ М. ДЖАВАХИШВИЛИ «DĴAKOS
KHINEBI»**

Интертекстуальное поле романа М. Джавахишвили «DĴakos khiznebi» (в русском переводе «Обвал») довольно обширно. В его создании активное участие принимают различные аллюзии, создающие новые лица, новую структуру.

Писатель в процессе творческого поиска расширяет своё поле воображения, сопоставляет индивидуальное с общечеловеческим и создает новую художественную реальность, где гораздо сильнее чувствуется «ревизионистское уклонение» (Теория литературы 2000: 250).

В романе «Хизаны Джако» М. Джавахишвили неоднократно появляются аллюзии из произведений Чехова. Персонажи Чехова и М. Джавахишвили настолько похожи, что их можно назвать «литературными родственниками».

Литературное родство гораздо сложное явление, чем простое влияние или аллюзия. Оно обусловлено мировоззрением субъекта. Джавахишвили своими творческими «союзниками» считал Сервантесса, Лопе де Вегу и других, что указывало на то, что его мировоззрение берёт начало с эстетики гротескного реализма. Неудивительно, что ему близок и чеховский юмор, ведь Чехов борется с уродливыми проявлениями жизни при помощи народного карнавального смеха, а иногда и «разрушительной сатиры».

Объектом исследования послужили следующие рассказы Чехова: «Бесхребетный интеллигент», «Маска», «Последний из могикан» и др.

В «Хизаны Джако» особенно чувствуется аллюзия «Бесхребетного интеллигента»; два антагониста этого рассказа -

судья Петька Шестикрылов и его друг барин Помоев - создают такую же гротескную пару, как Теймураз и Джако.

Помоев, наподобие Джако, персонаж карнавальной природы - любитель поест и времяпрепровождения. Для него не существует закон, запрет; чужие интересы. Для него приемлемо то, что ему нужно, Он не может даже представить как может друг, судья «приглашать» его в суд или как может подать иск в суд слуга, которого он физически оскорбил.

Помоев - типичный барин и гуляка: когда шурин разъясняет ему «не в гости он зовёт, а в суд, как обвиняемого, тебя будут судить», он надменно отвечает: «- *Меня?,, (чтоб ему худо было) не дожждётся, пока он меня осудит.. Шутит наверное...*» (Чехов 1982: 54).

В финале рассказа мы видим, что бедному судье придется самому заплатить штраф за Помоева, а после, на кутеже в палатах судьи Помоев с претензией обратился к судье:

- *Скажем, приговорили к десяти рублям, а в тюрьму на сколько посадил?*

Судья с удивлением спросил:

- А зачем посадить?

- Не будет больше жаловаться - ответил разгневанный Помоев (Чехов 1982: 58).

Когда Помоев с Шурином шёл домой, он сказал:

- Как не говори, Петька образованный, добрый мужик, но в судьи не годится, не может справиться с делами, на выборах мы его провалим (Чехов 1982: 58).

Ирония писателя по отношению к обоим протагонистом ясна. Вот и гротескная пара на лицо: Помоев - барин по натуре, а Шестикрылов, наоборот, с мягким характером - бесхребетный интеллигент.

Читатель, само собой, заметит сходство между Помоевым и Джако, Теймуразом и судьёй. Но надо заметить, что Джако и Теймураз создают более гротескную пару.

Персонаж рассказа «Последний из могикиан», Досифей Андреич последний потомок своего рода как Теймураз, даже похож чем-то на него: *«Маленький, бритый человечек»*.

Бедный Досифей без приказа жены не может даже молиться, эта покорность «старого оленя» (Иобашвили 1983: 11).

Досифей, так же как Теймураз по отношению к Джако, признателен жене. Так как жена, отмечает он, доброжелательно относится к мужу и любит его. Но трагикомедия Досифея ещё впереди: жена собирается подать иск.

«Он ничего плохого не делает, только не уважает свою семью, не уважает себя! Посмотри, как нищий сидит, как будто просит милостыню, дворянин так никогда не сядет - садись прямо! Кому я говорю!!!» (Чехов 1982: 46).

Досифей испуганно посмотрит на свою жену.

На этом писатель не останавливается, он до конца показывает инертность Досифея.

После обеда, когда жена Досифея, Олимпиада, заснёт, шурин (который недолюбливает свою сестру) обратится к Досифею:

«- Брат, какой ты несчастный человек!»

- Да, у неё суровый характер, но я молюсь за неё, кроме любви ничего вспомнить не могу» - отвечает Досифей (Чехов 1982:48).

Вспомним Теймураза: *«Спасибо, Джако, спасибо. отблагодарю вдвойне...»* (Джавахишвили 2006: 87).

«-Твое дело кончено, брат! - махнул рукой Докукин - в прошлом ты достойно выступал на собраниях, собирался даже выдумать новый посев, обломил тебя она - баба - яга!» (Чехов 1982: 49).

В это время Олимпиада из другой комнаты позовёт: *«Приди ко мне, мухи мешают!! - Досифей Андреич на цыпочках побежал отбивать мух.*

«Фу» - крикнул Докукин (Чехов 1982:49).

После этой сцены вспоминается дореволюционная активность Теймураза. А потом его диалог с бывшим попом Иваном на арбе. Иван так же обращается к старшине ущелья, как Докукин.

В особенно комической ситуации оказалась часть интеллигенции в произведении Чехова «Маска». Карнавальное настроение - это фон, через который писатель пытается показать порочность человека при помощи маски.

Сюжет рассказа развивается на фоне благотворительного бал-маскарада: человек в маске, вместе с торжествующими женщинами входит в читальный зал, где сидит интеллигенция, не участвующая в карнавале. Женщины в масках предлагают им выпивку, но они напомнили, что это читальный зал, а не буфет. Тогда человек в маске начинает рвать газеты.

Интеллигенты за помощью обращаются к полиции, в читальне собирается полицейская бригада и начинает составлять протокол, но в это время насильник снимает маску, садится в кресло и начинает хохотать.

Впечатление было удивительное: насильником оказался миллионер, почётный гражданин Пятигоров. Он славился хулиганством, благотворительностью и был поклонником просвещения. Интеллигенты как преступники бродили по залам клуба и шептались, как будто ожидали что-то ужасное.

Когда их жёны и дочери узнали, что Пятигорова обидели и рассердили, замолчали и отправились по домам, танцы остановились. Когда проводили Пятигорова, интеллигенты развеселились, почувствовали свободу, но причиной веселья была что-то другое. Например, Жестяков, которому человек в маске разорвал газету, был рад, что фабрикант, уходя, пожал ему руку. (Вспомним слова Теймураза: *«Нет, Джако, не буду сердить тебя»*) (Джавахишвили 2006: 87).

Идентичны настроения и стили Теймураза и Жестякова; напр; когда разорвали газету на куски, Жестяков заикался: *"...удивительно прямо, не... неестественно!"* (Чехов 1982: 35).

От Теймураза тоже слышны такие слова: "уди...удивительно!" Косноязычность обоих героев представляется как знак психологической подавленности.

В другом рассказе («Нервы») один интеллигент настолько подавлен, что боится привидений, не может спать в одиночестве. Он попадает в такую ситуацию, комизм которой даже автор не в силах передать: «*Что подумала жена или какое умное лицо было у мужа при пробуждении, пусть представит читатель, а я не могу это описать и откладываю перо*» (Чехов 1982:53). Такой финал рассказа ещё больше обостряет ироничность текста.

Дело в том, что после разговоров о привидениях и душах, оставаясь дома один, архитектор Ваксин не может уснуть, вызывает гувернантку, но стыдясь настоящей причины страха, отдает ей приказания на завтра. Хотя просит её присесть на кровать. Гувернантка, отнекиваясь, уходит. Через некоторое время, изнеможенный Ваксин опять звонит, но никто не отзывается, Тогда возмущенный Ваксин в трусах забегает к гувернантке, но не сможет разбудить и присядет на плетёный сундук. Утром, когда жена Ваксина вернётся с церкви и мужа не застанет дома, зайдет к гувернантке, просить мелочи для ямщика, и увидит бедного спящего архитектора. Вспомним Теймураза, вернувшегося в полночь домой из духана. Его запугает собака. Джако из окна Марго спрашивает: «*Почему пришёл?*», а Теймураз отговаривается, что хочет взять расчёску и зеркальце, но подняться в квартиру не осмеливается.

Таких трагикомических эпизодов в романе достаточно.

Несмотря на аллюзии, на несомненную схожесть образов и ситуаций, все персонажи этого романа самостоятельные, индивидуальные. Как говорит Бахтин, «Образ всегда и шире и глубже, он связан с традицией, у него своя, независимая от аллюзий художественная логика» (Бахтин 1965: 88). Смех Чехова характеризуется более свободным, смелый, мягким юмором. А ирония Джавахишвили резка и самокритична.

Литература:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса М., 1965.
2. Джавахишвили М. «Хизаны Джако», Тбилиси, 2006.
3. Чехов А. П. Рассказы. Тбилиси, 1982.
4. Иобашвили Д. Сатира и юмор в современных грузинских романах. Тбилиси, 1983.
5. Теория литературы, Основные литературные концепции и течения. Сборник, Тбилиси, 2000.

Jujuna Shainidze (Georgia)

**ALLUZIONI OF CHEKHOV S YEROES IN “JAKOS
KHIZNEBI” (REFUEGES OF JAKO)
MIKHEIL JAVAKHISHVILI**

Summary

Relations of characters of Anton chekhov and Mikheil Javakhishvili is not casual phenomenon. Javakhishvili regarded servantes, lope de vega and others as his "allies", which indicates that his disposition takes it's origins from the carnivalish laugh. Hense, Chekhov's humour is important as well. Both writers are guided by aesthetical principle of grotesque realism and with the help of folk carnivalish laugh, and sometimes with "destructive" *satire* are fighting with ugly sides of life.

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В НОВЕЛЛАХ Р. МИШВЕЛАДЗЕ

Реваз Мишвеладзе является представителем той плеяды современных писателей, творческая деятельность которых охватывает и застойный период, и постсоветский период. Одно верно, что для писателя, носящего сильный национальный заряд, оба периода являются ярким свидетельством верности собственному кредо и идеологии: он никогда не изменял своей вере, всегда верно служил своему народу.

Р. Мишвеладзе своими новеллами, созданными еще при коммунистическом режиме, стремился показать пороки общества. Писатель так боролся за усиление национального резонанса, выражая волю народа быть свободным, самостоятельным государством.

Коммунистический период был заменен новой эпохой – эпохой гласности и перестройки, разбудившей самосознание наций. Хотя, и тогда существовали люди, которые умели приспособиться к существующему положению и следовали за течением. Им чужд дух бунтарства. К счастью, рядом с ними были и такие, которые своим образом жизни, борьбой против закостенелого бытия не дают успокоиться, постоянно будоражат нам душу. Они всегда находятся в поисках чего-то нового, всегда в движении. Именно это и проповедовал Илья Чавчавадзе, ибо знал, что лишь активным действием и постоянным поиском можно построить новое. Правда, знаменосцев мало, однако именно они выражают дух нации, ее стремление, именно они пробуждают в обществе желание действовать.

Все это не прошло мимо зоркого глаза Мишвеладзе. Он, как современник, хорошо видел растущее противостояние

между застоем и желанием бунта, зажегшим в людях искры борьбы за свободу и независимость.

Именно проблеме «пробуждающейся нации» Р. Мишвеладзе посвятил новеллы, из которых хотелось бы отметить две – «Цепь» и «Удила моей тоски». Р. Энукишвили, говоря «о кратких и в то же время удивительно емких заглавиях новелл Мишвеладзе», в качестве примера приводит заглавие новеллы «Цепь». Он отмечает, что «в это слово вплетено глубокая мысль, заложенная между строками новеллы, и это рядовое слово нашего лексикона получает символическое значение. Писатель заглавию придает большое значение, более того, лаконичность и емкость заглавия, несомненно, нужно считать одним из характерных черт его стиля» (Энукишвили 1987: 49).

Суть новеллы такова: в одном поселке у входа в гостиницу Агатанг Гоголашвили вместо ворот увидел цепь на рельсах, запертую замком. Незнакомец спилил замок, повесил цепь на рельсы и остановил машину прямо у входа в гостиницу. Возмущенный этим фактом полицейский, который специально был выделен охранять цепь, потребовал повесить новый замок, хотя правозащитник здесь же добавил, что он долго думал о поступке тех, кто повесил цепь, и пришел к выводу, что это не совсем нормально.

На второй день цепь вновь была заперта, жилец гостиницы поступил точно так же, как вчера, чем сильнее разозлил полицейского. Сразу же прошел слух о человеке, среди бела дня пилившего цепь у гостиницы. Всем порядком надоела эта цепь, однако заявления и анонимки не дали никакого результата. Многие даже не поверили в «подвиг» Гоголашвили... Все били в грудь кулаком и громко утверждали, цепь не нужна. Однако никто не решался снять и выбросить ее.

Когда Агатанг Гоголашвили и в третий раз начал пилить замок, полицейский вновь начал укорять его. Вокруг собрались

люди. Гость во всеуслышание заявил, что сколько раз повесят цепь, столько же раз и распилит ее.

Полицейского отстранили от работы, и это весьма ответственное дело доверили другому. А вечером отстраненный от работы правозащитник с бутылкой шампанского пришел в гости к Агатангу и выпил за его мужество.

Утром Агатанг покинул гостиницу. А на цепь повесили новый замок и приставили нового охранника. Странный приезд Агатанга не прошел бесследно. В течение месяца кто-то три раза распилит замок. Правда, ночью, втихаря, когда охранник спал. «Но ведь все-таки распилит» - так заканчивает писатель свой рассказ об этом, с первого взгляда незначительном случае.

Свободолюбивые личности так меняют бессмысленный образ жизни. Заразителен их поступок, и подражателей у них довольно много. Л. Сордия новеллу «Цепь» называет апологией человеку, который способен разорвать сковывающие людей сплетения, придуманные умом невежды (Сордия 2001: 410).

«Писателя интересуют не единичные моменты нашего общества, не конкретные преступники, а главное - чем же вызвано падение человека, кто же обвел нашу жизнь той цепью, которую нельзя ни выбросить, ни распилить» - так оценивает основную мысль произведения А. Цанава (Цанава 1987: 6).

В новелле «Удила моей тоски» писатель выводит лошадь, тоскующую по старой счастливой жизни. Верный друг человека тщетно ищет причину перемены хозяина, однако готова до конца тянуть лямку за него. Всю жизнь она работала, не жалела себя, лишь бы заслужить хотя бы одно ласковое слово хозяина. Самым горестным днем в ее жизни был тот день, когда ее выезжали, когда ее, свободную, счастливую, били кнутом, а потом запихнули ей в рот удила и оседлали. Кончились ее беззаботные дни. Началась новая жизнь. Тот день навсегда остался в ее памяти и даже часто снился ей. А, проснувшись, она утешала себя тем, что все это лишь сон и тот страшный сон никогда не повторится.

Терпение лошади лопнула, когда хозяин вновь оседлал ее и потребовал разгуливать детей за определенную мзду. Вечером, когда хозяин ее выпустил во двор освежиться, в ней проснулось стремление к свободе, и в знак протеста она сбежала в лес. Лошадь предпочла умереть, чем жить в таких унижительных условиях. Однако темнота и одиночество опять вызвали в ней пессимизм. Лошадь решила, что не для свободы она рождена, и решила вернуться к старой жизни, чтобы спокойно прожить оставшиеся дни. В концовке произведения лошадь признается, что не осталось сил начать новую жизнь. Остается лишь горевать по тем временам, когда ее предок впервые подставил человеку свою спину.

Действительно не легок путь к свободе, не все могут пройти его до конца. Однако нужно приветствовать и хотя бы мимолетное пробуждение в человеке чувства стремления к лучшему, протеста против несправедливости. Именно такого пафоса аллегорический рассказ Р. Мишвеладзе «Удила моей тоски», про который критики писали, что основным в рассказе является проблема свободы. Писатель считает, что не каждый может осознать и оценить свободу. Более того, не все рождены для того, чтобы бороться за свободу. Лошадь смирилась со своей судьбой так же, как и определенная часть людей смириться со своей участью. Однако народ никогда не смирился с потерей свободы (Николейшвили, Бибилейшвили 2001: 87).

В стремлении лошади к свободе, пусть даже в эпизодическом, несколько чувствуется влияние бараташвилевского «Мерани». Правда, в этом стремлении она терпит неудачу, смиряется со своей участью, однако даже этим одним своим рывком к свободе вселяется в нас надежду, что хотя бы другой на этом пути достигнет своего и будет до конца бороться за лучшее будущее.

Человек, почувствовавший силу свободы, никогда не смирится с рабством. Он всегда будет стремиться к желаемой цели – к личной свободе и самостоятельности родины.

Внутренний протест, переросший в активное действие, и является основным лейтмотивом рассмотренных новелл Р. Мишвеладзе. Этот основной признак грузинского феномена является той силой, благодаря которой сильна грузинская государственность. Именно в этом признаке видит писатель спасение страны, именно это вселяет надежду на будущее.

Литература:

1. Бибилейшвили Ю., Николейшвили А. В водовороте жизни. Батуми, 2001(на грузинском языке);
2. Мишвеладзе Р. Избранные новеллы. Тбилиси, 2001 (на грузинском языке);
3. Мишвеладзе Р. Цепь (новеллы). Тбилиси, 1985(на грузинском языке);
4. Сордия Л. В мире новелл Реваза Мишвеладзе. Тбилиси, 2001(на грузинском языке);
5. Цанава А. Грани юмора // газета «Литературная Грузия», 13 ноября 1987 года, №46(на грузинском языке);
6. Энукишвили Р. Несколько размышлений по поводу языка новелл Реваза Мишвеладзе // Журнал «Критика», 1987, №2 (163) (на грузинском языке).

Inga Shamilishvili (Georgia)

BETTER THAN ANY KIND OF EARNINGS

Summary

Revaz Mishveladze is the representative of those modern pleiad, whose writing work covers the motionless time and the postsoviet period at the same time. He tried to awake people during the soviet period with his novels, by showing those fallaciousness, which based in the consiousness of society so strongly. By their denudation writer was fighting for strengthening the national consiosness, showed the will of nation – to be independent, distinctive state.

To the problem of the “awaken nation” he dedicated one part of the novels, two of which (“chain” and “bridle of my sorrow”) are discussed in the article, the main sign of the Georgian phenomena is the struggle for independence, the power which brought Georgian state until present. Exactly in this sign the writer sees the deliverance of the nation and in this exact novels he points out this issue.

Ирма Шарадзе (Грузия)

ГРУЗИНСКИЙ ЭТНОЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Русско-грузинские взаимоотношения, имеются в виду как политические, так и культурные, всегда были актуальной темой в общественных науках, публицистике, художественной литературе. Перемены, изменения в политической жизни двух стран актуализируют эту тему и в литературной среде. Этнокультурные проблемы и развитие национального самосознания в настоящее время приобретают особую значимость и глубину социально-философского осмысления. Это связано с теми социально-экономическими, общественно-политическими и историко-культурными процессами, которые происходят сейчас в обществе.

На современном этапе общественного развития происходят глобальные преобразования, переоценка ценностей, возникает необходимость объективной оценки достижений художественной литературы. Старые традиционные темы и вопросы трактуются по-новому.

Сказанное приобретает особое значение при анализе литературных аспектов русско-грузинских взаимоотношений, особенно на фоне обострившихся до предела взаимоотношений с Россией. За последние десятилетия углубилась культурно-идеологическая несовместимость, в ряде случаев выражающаяся в довольно резком политическом противостоянии. Кроме этого, активизация процесса глобализации, подразумевающей тесную связь разных культур, их взаимопроникновение и взаимообогащение, сделала более актуальным вопрос о функционировании грузинского этноса в чужой культуре. Возникает необходимость всей полнотой охарактеризовать реалистическую картину грузинского этноса и менталитета, созданную

русской литературой. Необходимо современное, объективное, свободное от догматизма осмысление этого вопроса.

Близость русской и грузинской литератур, моменты проявления ментальной общности двух великих литератур всегда привлекали внимание литературоведов. Наша цель заключается в показе некоторых моментов исторической динамики грузинского этнолитературного портрета в русском литературном процессе. Мы попытались отметить несколько произведений, грузинские персонажи которых приносят в русскую литературу своеобразный грузинский колорит, грузинский привкус.

Можно говорить о двойном подходе к Грузии и грузинскому этносу как на уровне государственной политики, так и на уровне неполитическом, научно-культурном. С одной стороны, положительное отношение русских интеллектуалов и государственных деятелей к Грузии. Для них Грузия была чем-то вроде волшебной страны свободы, гостеприимства, душевной теплоты и доброго юмора - всего того, что так противоречило репрессивному российскому режиму.

Начало этой традиции романтического восприятия Кавказа как оазиса свободы в реакционной Российской империи положили Пушкин, Лермонтов и другие классические поэты XIX столетия. Именно в русской классической литературе был представлен наиболее ярко романтический образ страстного кавказца, основными качествами которого были свобода, честь, достоинство, благородство, рыцарство. Для русских романтиков «прекрасная Грузия» была «краем света», где царствует «дикая свобода» (Пушкин), «где люди вольны, как орлы» (Лермонтов). Чем же привлекал русских XIX века Кавказ, и в частности, Грузия? Кавказ манил возможностью слома рутинной прежней жизни, своей обостренностью жизни под вечной угрозой войны, подлинностью чувств, надеждой обрести себя, свой идеал.

Для русской интеллигенции грузинская культура была не чужой, а альтернативной по отношению к репрессивной российской традиции. Добрая Россия была представлена такими лю-

дми, как князь Воронцов, царский наместник на Кавказе. Он покровительствовал искусствам и, в известной мере, местной культуре и состоял в прекрасных отношениях с грузинской интеллигенцией. Другой пример - Баратынский. Именно он сказал одному из русских министров о миссии России на Кавказе: "Мы должны сделать для Кавказа то, что Запад сделал для нас" (www.svoboda.org). Как отмечает М. Гиголашвили, «без Грузии не было бы русского романтизма, не было бы таких великих творений Толстого, как «Казачьи рассказы», «Хаджи-Мурат», да и весь XX век русской поэзии выглядел бы по-иному. Грузия манила русских поэтов своеобычностью, непохожестью на то, что они видели у себя дома. Почитайте записки каждого из них. Их строки проникнуты любовью к Грузии, к ее пленительной природе, бесподобной музыке, к благородным и щедрым жителям этой страны древнейшей культуры, 16-векового христианства. Вот почему Грузия в частности и Кавказ в целом занимают ключевые позиции как в раннем, так и в позднем - советском - периоде русской литературы» (Гиголашвили. www.2000.net.ua).

С другой стороны, негативное отношение, обусловленное традиционным определением России как центра культуры и государственности по отношению к Кавказу как центру естества и хаоса. Эта самоидентификация по традиции ведет к идеологии цивилизационной миссии России. Часть государственных деятелей и литераторов, разделявших такую точку зрения, считала кавказцев дикими и неподдающимися приручению, поэтому их следовало подавлять и запугивать.

Лучшие традиции литературы XIX века были продолжены большинством русских писателей, работавших над грузинской темой в XX веке. Однако следует отметить, что еще в начале столетия появляются произведения с явно необъективным отношением к Грузии, грузинскому народу. С этого момента можно говорить о появлении тенденциозности в «грузинских» произведениях и формировании образов-героев, которые позже будут

обозначены как «лица кавказской национальности» (Адеишвили 2000:27).

Максим Горький, чье творческое рождение произошло именно в Грузии, никогда не скрывал своего восхищения «величественной природой страны и романтической мягкостью ее народа». Хотя нужно сказать и о том, что мимо зоркого глаза писателя не прошли и некоторые отрицательные стороны национального характера, вспомним его рассказ «Мой спутник», где не очень-то лицеприятно изображен грузин. Для определенной части русских писателей первой трети XX века (например, Тэффи) изображение грузин сопровождается такими определениями, как «черномазые», «туземцы», «грязные»... В этом, возможно, следует искать отголоски той идеологии цивилизационной миссии России, о которой мы говорили выше.

Более близкое знакомство русских литераторов последующего периода с Грузией, ее историей и богатой культурой во многом обусловило изменение основных характеристик персонажа-грузина. П. Павленко, О. Мандельштам, К. Паустовский старались правдиво изобразить особенности национального характера, его сильные и слабые стороны, отметить природную культуру и дарование грузинского народа, показать образ грузина-воина. Однако нужно отметить, что и среди этих писателей наблюдается неоднозначное отношение к грузинам. В «Железном потоке» Серафимовича явно чувствуется недовольство писателя тем, что грузины оказались по ту сторону баррикад, политический момент определил отрицательное отношение писателя к грузинам, защищавшим независимость своей страны.

Особо следует отметить созданные русскими писателями образы грузинских воинов, причем хронологические рамки довольно широки – изображаются как герои современности (П. Павленко), так и исторические деятели.

Главным персонажем романа С. Голубова «Багратион» является грузинский полководец. Писатель показывает его как генерала, которого любят и ценят, он не является лишь

пассивным и точным исполнителем чужих приказов. Багратион у Голубова сильная, волевая натура, он, прежде всего, умный и талантливый руководитель, в характере которого сочетается солдатская отвага и человечность. Именно эти свойства обусловили его популярность и авторитет в русской армии. Автор с тонким психологизмом раскрывает противоречия в душе пылкого, экспансивного защитника родины, вынужденного подчиниться военной стратегии.

Как видим, этноментальный портрет грузина в русской литературе характеризуется неоднозначно. Созданный русской литературой на разных этапах своего развития портрет грузина констатирует некоторые особенности национального характера, (такие, как экспансивность, пылкость, вспыльчивость) как основные, узловые. Классовые интересы, государственная идеология, в ряде случаев плохое знание русскими литераторами грузинской культуры и истории, и, что весьма важно, грузинского менталитета определили не совсем адекватное изображение грузинского народа в произведениях русской литературы.

Литература:

1. Гиголашвили М.. О России и Грузии, о юности в Тбилиси и знаменитом венгерском предке, о деде и Шеварднадзе. <http://www.2000.net.ua>.
2. Адеишвили И. Русская проза о Грузии. Кутаиси, 2000.
3. www.svoboda.org.

Irma Sharadze (Georgia)

THE ETHNO-LITERARY IMAGE OF GEORGIAN MAN IN RUSSIAN LITERATURE

Summary

The ethno-literary image of Georgian man in Russian literature is characterized in homogeneously. Basically, the peculiarities of Georgian character are generalized.

Культурология

София Тавадзе (Грузия)

ФИЛЬМЫ-ПРИТЧИ РЕЖИССЕРА ЭЛЬДАРА ШЕНГЕЛАЯ

Эльдар Шенгелая относится к поколению режиссеров, которые вошли в грузинский кинематограф под именем «шестидесятников». К их числу относятся также режиссеры: Отар Иоселиани, Георгий Шенгелая, Мераб Кокочашвили, Лана Гогоберидзе, Михаил Кобахидзе... Каждый из них отличался индивидуальным почерком. Молодые кинематографисты внесли новые темы, изобразили отличающийся мир, утвердили новые художественные формы.

Каждый режиссер, пришедший в 60-е годы, приносил с собой новый мир и новые образы, сферы интересов и самобытный творческий почерк. В их произведениях художественными символами показаны те изменения, которые выражались их воображением.

Для грузинского кинематографа 60-х годов, характерны не только тематические многообразия, но и обозначения условностей между экранной и жизненной правдивости. Режиссеры ищут новые формы и новые средства выражения для диалога с зрителями. С этим периодом связано обоснование притчи, которая развивается по отношению с другими художественными средствами. Характерными знаками кинопритчи являются: дидактика, стремление к обобщенности, парадоксальность, лаконизм, парабольный характер сюжетного действия. Из кинопрактики ясно, что притча выявляет свой характер в фильмах различных жанров: в драмах, бытовых и лирических комедиях, трагикомедиях. Поэтому, более правильно, когда она обозначена как жанровая форма.

Эльдар Шенгелая самобытным кинематографическим языком рассказывает мудрость притчи, которая охватывает множество тематических мотивов и знаков ирреального мира. При взаимном сотрудничестве режиссера Эльдара Шенгелая и кинодраматурга Резо Габриадзе, грузинское кино приобрело не только этапные фильмы, но и нашло новое средство условного рассказа.

«Необыкновенная выставка» (1968) – ироническая трагикомедия о перевоплощении художника в мастера, а критическое отношение к жизненному компромиссу героя, авторы передали с юмором. Главный герой фильма – скульптор Агули Эристави (актер Гурам Лорткипанидзе). Главная обязанность художника – это его ответственность перед искусством. Но Агули легко соглашается на компромисс и в конце пожинает плоды своей деятельности. «Вернисаж», устроенный на кладбище, воспроизводится как метафора неодолеваемого искусства. Данный эпизод фильма одновременно рождает как комический, так и трагический настрой.

В кинотематике 60-70-х годов комедийный характер, развивающийся в драматической ситуации, способствовал новому интонационному звучанию драматических и комических элементов. Их взаимоотношение прибавляло разнообразие сюжетной структуре и вместе с этим – создавало мысленный, эмоциональный и ритмический контраст. В такой конструкции большое значение уделяется финалу фильма: комедийный сюжет иногда заканчивается драматическим финалом и наоборот. Хотя, возможно и двусмыслие комедийного, т.н. «счастливого» финала, когда зритель сам определяет, насколько «счастливым» может быть то или иное явление для героя фильма.

Эльдар Шенгелая заканчивает фильм двусмысленным финалом: Последний кадр фильма – прыгнувший вверх ученик Агули на фоне поросского мрамора. А сказанные им слова, заставляют задуматься о том, что именно с этого момента он

ставит себе цель. Прыжком «остановленное время» является одновременно и надеждой и своеобразной боязнью. С одной стороны, это говорит о вечности и будущем для художника, с другой же - об иллюзорности жизни.

«Необыкновенная выставка» явилась новым словом в грузинском кинематографе благодаря своей формы, темы, своеобразию художественного решения проблемы. Эльдар Шенгелая неожиданным углом режиссерского мышления показал в фильме образ художника, его судьбу, взаимоотношение времени и творца. А главная идея фильма состоит в том, как художник уничтожает сам себя как творца.

В 60-70-е годы, при разработке серьезных актуальных тем, грузинский кинематограф часто обращался к комедийному жанру. В данном периоде, при употреблении комических элементов, режиссеры маскировали свой критический пафос, что и обусловило аллегоричность кинофильмов. Режиссеры умудрялись показать, что возникший в фильме конфликт был вполне реальным и, в то же время, широко обобщенным.

В грузинском кинематографе 60-70-х годов, большим явлением стало появление кинодраматурга Резо Габриадзе. С его именем связано новое осмысление жанровой природы кинокомедии. Драматург новым взглядом осмыслил и изобразил национальный характер. В 1973 году при творческом сотрудничестве режиссера Эльдара Шенгелая и кинодраматурга Резо Габриадзе был создан фильм «Чудаки». Фильм вырастает на грани реального и выдуманного. Несмотря на внешнюю простоту, его изобразительная сторона многоречива.

Исходя из специфики притчи, в «Чудаках» игнорировано единство места и времени; в ней игнорирована и дидактика, но мораль сформулирована однозначно: большой верой, преданностью идей и неутомимым трудом – невозможное станет возможным. Жизнь «чудаков» обыкновенная история, где друг другу сопоставляются доброта и зло, гармония и насилие, стремление к свободе и убогое желание восстать против той же

свободы. Авторами фильма все это показано комически и передано языком юмора. Они создают мир, который не подчиняется никаким временным законам и рамкам конкретики. Сюжет, скрытый в сказочной оболочке, в то же время является носителем жизненной правды.

«Чудаки» – фильм-притча, замаскированная комическими элементами о стремлении человека к свободе. В итоге, «чудаки» достигают цели – они создают летающий аппарат, который воспринимается как символ превращения фантастической мечты в реальность. Герои проламывают дверь «тюрьмы» вселенной, поднимаются в небо, любуются природой и красотой величественных соборов. С высоты этой мечты хорошо видна истинная красота. Это сказачное путешествие по бескрайнему свету, где нет ни запретов, ни ограничения, похожее не на действительность, а на сон и иллюзию, после чего, существующая действительность представляется еще более противным. Финал фильма воспринимается как освобождение от всего земного и как символ вечной свободы.

Даже в трудных жизненных условиях идеал всемогущ – эта оптимистическая мысль сопровождает кинопроизведение, символические герои которого авторами фильма наделены необычно теплым юмором. Герои фильма характеризуются не искусственным, а естественным комизмом. В них легко читаются признаки, присущие фольклорной условности. Вместе с тем, авторы украшают своих героев такими подходящими деталями и бытовыми нюансами, что несмотря на свои однообразные поверхностные характеры, они не воспринимаются как однозначные личности. Надо отметить, что даже самые отрицательные герои фильмов Эльдара Шенгелая не вызывают отрицательной реакции. Это объясняется своеобразностью комедии.

Оживление художественного слова на экране связано с некоторыми сложностями и борьба с этой проблемой является важнейшей в творчестве режиссера и сценариста. Экранная

жизнь персонажей имеет определенную и своеобразную структуру. Эльдар Шенгелая и Резо Габриадзе ищут особенности этих структур и в речи действующих лиц. Стилистика авторов отражается в индивидуальном, самобытном словесном материале. Звучность слов их персонажей, является своеобразным и, что самое главное, – не теряется функция визуальной части.

«Чудаки» – фильм комедийного жанра, но настолько многообразный, что он не помещается в рамках определенного жанра. Фильм интересен художественно-идейным замыслом, выразительными средствами, глубоким мышлением, четким юмором, метафорами и аллегориями, поэтической обобщенностью, масштабностью характеров. Счастливый конец и иллюзия возможности остановки счастливого мига – это прерогатива комедийного жанра. Единственная возможность избежать жестокую реальность, это мечта и путешествие на крыльях иллюзии – так считают авторы фильма, которые искусно ухитряются легко, смело и иронически повествовать о существующих социально-нравственных проблемах.

Человек и его назначение являются главной темой творчества Эльдара Шенгелая. В то же время, его фильмы представляют собой не вариацию одной идеи, а предстают перед нами независимыми художественными творениями, с характерной для них тематикой, художественными образами и кинематографическими способами.

Библиография:

1. Власов М. 1976: Виды и жанры киноискусства. «Радуга». Москва.
2. Ждан В. 1982: Об условности в киноискусстве. «Знание». Москва.

**FILM DIRECTOR ELДАР SHENGELAIAS FILM-
ALLEGORIES**

Summary

The conditional connector between filming and live reality is the characteristic feature of Georgian cinema in 60s-70s. The producers look for the new artistic forms to conduct dialogue with the audience. Inculcated formation of allegory in this period, in its turn develops through the connection of other artistic means.

Eldar Shengelaia, one of the representatives of “The Sixties” retells us allegory wisdom with the help of various thematic motives and signs of unrealistic world. This work discusses the examples connecting this topic.

ПРИНЦИПЫ ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНОГРАФИИ 70-80- Х ГОДОВ XX ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ШВЕЛИДЗЕ

Сценография театра им. Шота Руставели 70-80-х годов имеет высокий авторитет не только в Грузии, но и за рубежом. Она выросла на народной основе, впитала традиции и достижения предшествующих десятилетий. Состояние сценографии характеризуется большим числом художников с ярко выраженной индивидуальной творческой манерой.

Каждый грузинский художник театра им. Шота Руставели – прежде всего живописец.

При всей самобытности, при своеобразии мироощущения, каждый художник понимает театр, как единое целое, в создании которого все равны. Художник свободен в эскизе, макете, раскован и в лексике, полагая, что режиссер воплотит предлагаемое им решение спектакля на сцене.

Одни художники пытаются материализовать главную идею, драматический конфликт. Они создают достаточно жесткие концепции, не позволяющие сделать ни шага в сторону. Другие – используют пьесу как возможность разрешать волнующие сейчас пластические проблемы. Третьи – интерпретируют запавшие им в память жизненные впечатления, и тогда в спектакле могут произойти удивительные соединения и совпадения с текстом пьесы, которые заставят говорить естественно, о глубине ее прочтения. Четвертые – уходят в фантастический мир, не связанный определенными законами, подчиняющийся не бытовой логике, а лишь той теме, которая звучит в художнике.

У одних – декорация – способ лирического изъяснения, у других – желание спрятаться за маской, хотя сам выбор маски обнаруживает состояние личности художника.

Диапазон широк. От точно прочерченной, жестко сформулированной, очищенной от всего случайного и произвольной концепции до смутного, томящего нерасшифрованностью, таящего множество нюансов настроения. Все это имеет отношение к выявлению художественной личности в искусстве.

В данном случае мы предложим анализ живописно–пластического мастерства художника индивидуального почерка Швелидзе Мириана. Поначалу его эскизы и макеты к спектаклям производят странное впечатление своей усложненностью, зашифрованностью, нагромождением разнородных предметов и фактур. Образная идея в них раскрывается постепенно, развиваясь во времени, требуя от зрителя активного ассоциативного мышления.

М. Швелидзе чаще других художников работает в макете. Метод макета и его наиболее удобный поначалу масштаб – 1:5 (2см в метре) – очень практичен. В этом крошечном макете, который возникает непосредственно после первых определяющих облик спектакля карандашных набросков, могут быть решены и пространство, и техника спектакля, и даже цвет. В каждом новом спектакле Швелидзе не боится иначе трансформировать и использовать пространство.

Фронтальное построение несет в „Монолиске” А. Ливийса (1977) на себе существенную нагрузку сюжета, объясняет ситуацию, в которой речь пойдет о жизни, запертой в ящик, заколоченной, задыхающейся за закрытыми ставнями, а внешне веселенькой и непринужденной, не замечающей даже, что на площади, вместо гордого всадника на коне, высится безголовый монстр. То же фронтальное решение композиции отличает „Монолиск” Ш. Шеклашвили и Т. Нинуа.

В спектакле „Ноша женщины” М. Джавахишвили Швелидзе М. уже по иным законам использовал пространство сцены: заполнил его воздухом, отсветом сине – голубого горизонта. Во времени теряется, мерцая в нем, женский силуэт – шляпка, белая кружевная блузка, темная строгая юбка.

Швелидзе точно чувствует, как макет будет реализован в пространстве сцены. Например, макет „Ричарда III” внешне был очень блеклым, неярким и даже каким-то связанным. Но на сцене под светом все пространственные идеи, заложенные в макете, неожиданно развились. Он приобрел свою истинную многозначительность и невероятный объем. Появилась фактура, дерево, жесть, полуистлевшая ткань, словно смоченная в бурой крови (фактура для Швелидзе всегда очень важна) „заиграли” актерские костюмы и аксессуары.

Особенно высокого мастерства достигает Швелидзе М. в умении найти некий модуль объема. Он находит гармонию объемов. Все объемы соподчинены друг другу. Например в „Ричарда III” в кубе-бункере главного, в течении спектакля не изменяющегося объема, в центре его возведен трон. Трон-пьедестал, он как стол на тонких ножках, просвечивающийся. Размеры этого шаткого сооружения в два человеческих роста определены объемом куба и занимает промежуточное положение между размерами куба и массой стульев на сцене. Мы хотим подчеркнуть не случайность размеров трона, а их подчиненность геометрии сцены. Интересен и живописный прием „вписывания” предметов в пространство, отмеченный у Месхишвили Г.

Фактурные находки Швелидзе М. проявляют себя и в костюмах. Рядом соседствуют очень конструктивные, резкие линии, четкие абрисы, современные формы и размытые отвороты вплоть до натуральных волос актера. У брата короля Ричарда Эдварда IV обнажены волосатая грудь и живот, и загорелая красная шея. Примечательно, что сама разнообразная фактура костюмов соподчинена всей сценической фактуре, всей сценической массе. Это очень большое мастерство, когда деталь не выпадает из целого. Если вещь едина и цельна, то форма и содержание _ неразделимы. Значит любой фрагмент предмета несет в себе его образ, т.е. по фрагменту можно почувствовать весь предмет. Этим можно объяснить одну положительную

особенность декорации Швелидзе М. в постановке „Ричарда III“. Заключается она в том, что, как нам кажется, спектакль можно играть на любой сцене и даже без задников. Следует лишь хорошо чувствовать то сценическое пространство, которое сосредоточено вокруг трона и перед оркестровой ямой. Часть целого. Швелидзе М. очень хорошо понимает, что если образ целого сконцентрирован в части, то эта часть может заменить собою целое. В „Короле Лире“ художник изображает на сцене не весь театр, а его часть, какой-то фрагмент-обломок, что, кстати, подчеркнуто кирпичной разломанной стенкой и т. д. Однако возникает ощущение совершенно реальной сцены, реального действия. Умение в части сосредоточить весь предмет – отличительная черта художника Швелидзе М. „Он – „вещь в себе“ – как-то сказал режиссер Р. Стуруа о Мириане. Часто трудно понять из чего Швелидзе М. конструирует свой мир – все элементы так просты и ничего обобщенного в них нет, а вот все вместе, объединившись в макете или эскизе, они рожают очень активные ассоциации и ощущения, буквально гипнотизируют своей достоверностью, не будучи при этом натуралистической копией, но пытаясь себя выдать за подлинную реальность.

Литература:

- 1.Березкин В.И. – Искусство оформления спектакля. Советское искусство.Тб.1986.№1.
- 2.Васильев А. Богданов П. – Новая реальность пространства. Заметки режиссера и комментарии критика. „Советские художники театра и кино“, №5 М. 1983.
- 3.Гурабанидзе Н. – Режиссер Р. Стуруа. Тб. 1997.
4. Гурабанидзе Н. – Импровизации Мириана Швелидзе. Искусство. Тб..1992 №3-4.

5.Казмина Н. – Теймураз Нинуа и Мириан Швелидзе. Театр.1980.

6.Кашия М. – Запись – интервью у режиссера государственного академического театра им. Шота Руставели Р. Стуруа 2009.

7.Кухианидзе Ц. _ Школа грузинской сценографии. „Советское искусство”. №10. Тбилиси.1984.

8.Луцкая Е. Театральные художники Грузии. „Искусство” №5 М. 1973

M. Kashia (Georgia)

THE PRINCIPLES OF GEORGIAN SCENOGRAPHY IN THE M. SHVELIDZE’S WORKS

The work deals with the characterization of the scenography according to M. Shvelidze’s works of the Rustaveli Theatre in 70-80s of the XX century on the basis of the publication of famous researchers, reviews, with the artist.

This gifted painter played significant role in the development of Georgian scenography. He is distinguished by high individual skills, artistic attitude towards each new stage production, creative perception of Georgian theatrical heritage, careful observation of the scenography of other nations, exact and deep understanding of dramatic material.

On the basis of summarizing these individual characteristics of the leading painter it becomes possible to discuss and review the whole scenography of Georgian theatre, its tendencies and characteristics features.

Манучар Лория (Грузия)

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

Визуальная антропология, предмет которой - создание и анализ этнографических фильмов, занимает важное место в системе гуманитарного знания. Визуальная антропология логически отталкивается от простой идеи, что культура проявляется через видимые символы, содержащиеся в жестах, церемониях, ритуалах, и артефактах, рассмотренных как в искусственной, так и естественной среде. Культуру, считает Д.Руби, можно понимать как то, что проявляет себя в текстах с сюжетами, в которые вовлечены люди со своими характерами, костюмами, позициями и окружением. Культура — это сумма сценариев, в которых люди участвуют. Если любой может видеть культуру, то и исследователи могут это делать. Используя аудиовизуальные технологии они могут записывать эти данные, подвергать их затем анализу и репрезентации (Ruby, 1996:1345).

Курс Визуальной антропологии читают в многих престижных вузах и он представляет собой важную составную часть комплексного обучения, он методологически связан с другими дисциплинами гуманитарного цикла (теорией и историей культуры, этнологией, методологией исследования культуры...). Цель такого курса - ознакомить студентов с визуальной антропологией как научным направлением культурной и социальной антропологии, с ее историей и теорией; представить методы исследования, характерные для этой дисциплины, дать сведения о направлениях и научных школах в визуальной антропологии. В задачи курса входит – продемонстрировать различные виды визуальной информации этнографического и культурологического характера; представить некоторые мировые достижения в визуальной антро-

пологии; дать визуальную картину этнокультурного многообразия мира, познакомить студентов с обычаями, материальной и духовной культурой разных народов. В основном встречаются такие тематические разделы:

Первый вариант (краткое пояснительная записка).

1. История визуальной антропологии

О понятиях "визуальная антропология" и "экранная культура". Место визуальной антропологии в системе научного знания. Этнографический фильм и его отличия от научной литературы и от документального кино.

Первые опыты в области визуальной антропологии - Р.Флаэрти.

Становление визуальной антропологии как науки. Работа Г.Бейтсона и М.Мид на о. Бали.

Зарубежные школы этнографического кино. Гарвардская школа (Дж. Маршалл, Р. Гарднер, Т. Эш). Французская школа (Ж. Руш). Калифорнийская школа. Канадский проект. Австралийская школа.

Совместная (контактная) антропология и "бидокументальное" кино. Проект С.Уорта и Дж. Адэра с индейцами навахо (1960-е гг.). Казымский и болгарский проекты А.Баликси (1990-е гг.).

Современная ситуация в визуальной антропологии. Документация исчезающих культур. Городская антропология. Проблемы и перспективы создания фильмов и формирования видеоархивов.

2. Этнографический фильм

Создание фильма. Съемка: Искажения и их природа. Эффект вторжения и влияния камеры. Присутствие этнографа. Постановочные съемки. Монтаж: реальное /экранное время, звук, музыка, комментарий. Содержание фильма.

Характеристики фильма Семиотика кино. Стандарты этнографического фильма.

Авторы фильма. Этнолог; режиссер-документалист; сотрудничество профессионалов.

Разновидности аудиовизуальной продукции: немонтированный исследовательский (полевой) материал, научный, научно-популярный, публицистический фильм (см. Христофорова, Программа курса...).

Второй вариант (краткое пояснительная записка).

1. Основы киномастерства

- Технологические периоды в аудиовизуальном исследовании.
- Замысел и его реализация.
- Драматургия фильма, сценарии "малых" форм.
- Введение в видеосъемку.
- Звуковая составляющая аудиовизуального исследования.
- Интервью в аудиовизуальном исследовании: функции, возможности, технология.
- Репортаж, очерк, исследование.
- Монтаж как процесс. Классификация видов монтажа.

2. Визуальная антропология и документальное кино

- Введение в культурную антропологию, визуальная антропология и экспериментальная этнография.
- Проблема документальности: режиссура, сценарий и монтаж в документальном, этнографическом и экспериментальном кино.
- Репрезентация Другой культуры в документальном и этнографическом кино.
- Историческая документальность экспериментального кино. Сравнительный анализ «Человек с киноаппаратом», авангардное кино, немые фильмы конца 19 века.

- Репрезентация истории и персональной биографии. История и память.
- Способы репрезентации повседневности и био-документальное кино. (см. Визуальная антропология и документальный кинематограф, [www. ehu. lt...](http://www.ehu.lt...)).

Один из важнейших вопросов визуальной антропологии эта антропологическая интерпретация фильма.

О кино пишут многие – журналисты, филологи, просто образованные люди, любящие кино. В общем и целом, это называется «кинокритика». Тем не менее, многие из тех, кто включает работу с фильмом в круг своих исследовательских интересов, интуитивно ощущают, что кинокритика – слишком описательна, зачастую поверхностна, носит субъективный и импрессионистский характер и это не плохо. напротив, совершенно необходимо, чтобы она существовала, чтобы и рядовой зритель, прочитав толковую, литературно, остроумно, и в то же время доступно написанную рецензию на фильм, мог составить себе определенное мнение о том или ином фильме. Проблема состоит в другом: важно, чтобы социолог, историк или любой другой гуманитарий, ставящий перед собой цель использования кинематографа в качестве объекта или источника своего исследования, не страдал от того, что написанное им о кино будет все время походить на любительские заметки, не соответствующие представлениям о «научности», или, точнее, академичности той дисциплины, с которой они связаны (Усманова, 2007:183).

Надо отметить что не существует универсального метода для анализа любых фильмов, анализ всегда конкретен, индивидуален.

Какие качества делают фильмы более или менее этнографическими?" и "Насколько этот фильм является этнографическим?" Смысл заключается не в определении статичной этнографической категории, а в выявлении тех качеств, которыми определяется этнографичность фильма.

Существует два основных положения:

(1) Насколько точно кино может соответствовать самым высоким стандартам и задачам этнографии?

(2) Каким образом в фильмах может быть представлена информация, которую этнографические монографии представить не могут?

Чтобы разрешить очевидный парадокс, заключающийся в этих положениях, следует свести их к одному: Каким образом кино с его визуальными возможностями дополняет этнографию с ее лексическими возможностями (см. Heider, 1976.)

Из всего вышесказанного следует, что внедрение методов визуальной антропологии и применение на практике в Грузинской университетской жизни и процессе исследований является требованием времени.

Литература:

Heider K.G. Ethnographic Film, 1976.

Ruby, Jay. Visual Anthropology. In Encyclopedia of Cultural Anthropology, David Levinson and Melvin Ember, editors. New York: Henry Holt and Company, vol. 4, 1996: 4/1345.

Визуальная антропология и документальный кинематограф: от теории к практике. [http:// www. ehu. lt/ studies/ master/catalogue/cultural_studies/0004387/](http://www.ehu.lt/studies/master/catalogue/cultural_studies/0004387/)

Усманова А. Научение видению: к вопросу о методологии анализа фильма. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность, 2007

Христофорова О.Б. Программа курса "Визуальная антропология" (для учащихся по специальности "Культурология", РГГУ). [http:// www. ruthenia. ru/ folklore/ hristoforova1.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova1.htm)

M. LORIA (GEORGIA)

**VISUAL ANTHROPOLOGY AND DOCUMENTAL
CINEMATOGRAPHY**

Visual anthropology deals with the importance of creation and analysis of ethnographic films and it plays the essential role in the leading universities all over the world.

The presented research paper deals with aspects of teaching visual anthropology and documental cinematography. Based on the novelty of the topic the given paper underlines the importance of establishment of methodology of visual anthropology in the the field of Georgian higher educational system and the process of investigation.

История

Изоolda Белтадзе (Грузия)

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА ВО ФРАНКСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Еврейский народ жестоко преследовался в средневековой Европе. Евреев не обошли стороной клевета, изгнание из государства, конфискация имущества, костер инквизиции, погромы и всяческие ущемления прав. Но еврейский народ выжил, сохранил свой язык и самобытность.

В данной работе мы рассмотрели жизнь евреев во Франкском государстве. И правда, трудный путь пришлось пройти этому народу. Еще в темную эпоху средневековья несправедливые унижения слышались в адрес евреев. Их олицетворяли с сатаной, с рогами и хвостом, обвиняли в связях с темными силами, с предательством и с изменами. Считали, что еврею дороже золото, чем бог (Кауфман 1980:232).

Во Франции во время правления Меровингов (464-714) евреи были особенно притеснены. В данную эпоху расселение евреев на территории Франкского государства было незначительным. Как видно из источников, в Галлии они поселились с конца IV века. По словам русского ученого А. Тюменева до 629 года евреи проживали только в двух городах: в Бурже и севернее в Нарбоне. В Бурже евреев насильственно крестили, а из Нарбоны их выселили в правление короля Вамба (Тюменев 1922:239).

Из уникального источника франкской истории IV века «История франков» Григория Турского мы видим, что евреи проживали и в других городах Франкского государства, в частности, Клермоне и Марселе. Но этот факт не подтверждает того, что евреи проживали на всей территории государства. Их

массовое поселение на данной территории произошло позже, о чем будет сказано дальше.

В параграфе 23 главы VII «Истории франков» видно, что в это время евреи были бесправными. Вот, что читаем: «Граф и его подчиненный взяли долг у одного еврея по имени Арментара. Они не только не вернули этот долг, но и вероломно убили его, пригласив на ужин и отравив. Труп же выбросили в реку». (Турский 1987:203). Как становится явным, убийство совершил по приказу графа его подчиненный, который из кармана мертвеца забрал деньги и документ, подтверждающий выдачу ссуды. Родственники убитого еврея даже не попытались обратиться в суд, так как знали, что король (Хилдеберт) не накажет убийцу и не оправдает еврея.

Из источника видно, какими беззащитными были евреи. Еврей не мог даже громко выразить свое недовольство. Страх быть униженным и изгнанным преследовал его.

В «Истории франков» Григория Турского приведен еще один факт, из которого видно, как евреев насильственно вынуждали принимать христианство. Король Хилперик (561-584) издал указ в 582 году о крещении иудеев. Некоторые евреи были вынуждены насильственно признать христианство, но вскоре они возвращались к своей религии. Были и такие случаи, когда евреи отказывались принимать христианство. Так, один из евреев по имени Приск не крестился. Разгневанный король приказал посадить его в тюрьму. Приск заплатил за свое освобождение до времени, пока его сын не женится на еврейке в Марселе, а затем обещал подчиниться воле короля. В последствии, между не крещенным Приском и крещеным евреем Патиромом произошел конфликт (наверное, из-за того, что Приск не крестился – прим. авт.). Когда Приск шел в молельню, на него вероломно напал и убил Патиром. Сам же сбежал с места трагедии и укрылся в церкви св. Юлиана.

Был издан указ короля о наказании евреев смертью. Патиром (крещеный - прим. авт.) получил разрешение вернуться

в Бургундское королевство. Но его вскоре убили родственники Приска (Турский 1987:170). Как видно, Патирому не простили убийство соплеменника и измену своей вере.

Таким образом, трагичной была судьба евреев, насильно принявших христианство, так как основная часть народа не прощала предательства, о чем говорит, приведенный выше факт. Но трагичной была судьба и тех евреев, которые отказывались принять новую религию. Они постоянно преследовались и предавались смертной казни. В обоих случаях евреи были сильно притеснены.

Но из источника также видно, что некоторая часть евреев по собственному желанию приняла христианство и отказалась от иудаизма. Но те, которые не приняли новую религию, вынуждены были покинуть Марсель.

Григорий Турский интересно рассказывает о том, как епископ Авит в 576 году призывает евреев обратиться в христианство. Вот как это происходило: «Епископ Авит все время молился о спасении душ евреев. Однажды, во время молитвы, во время великого праздника Пасхи, к нему подошел еврей и попросил крестить его. Когда же, облаченный в белое одеяние, еврей со своими сторонниками отправился в город, на него напал одержимый и облил кипяченым маслом. Потрясенные этим фактом евреи, решили его убить, епископ Авит попытался остановить разъяренную толпу, но безуспешно. В день великого праздника Пасхи, когда епископ Авит направлялся в монастырь св. Мартина, эти люди с землей сравнивали еврейский молельный дом. Епископ Авит призвал их к себе и посоветовал принять единственно праведную религию (христианство - прим. авт.). В противном же случае, они вынуждены будут покинуть места своего проживания. Евреи согласились принять новую религию: «Мы верим отцу богу и Христу. Поэтому просим крестить нас». Воодушевленный Авит направился к ним, окропил святой водой и крестил. Вся церковь была заполнена зажженными свечами, большая радость была в

Иерусалиме (т. е. в христианском мире - прим. авт.). Более пятисот евреев были крещены в тот день. Кто же не принял христианство, вынужден был покинуть город (Турский 1987:122-123).

Трудно сказать под каким предлогом приняло такое большое количество евреев христианство. Было ли это собственное желание или страх перед епископом Авитом, который приказал – или креститесь, или покиньте город.

Приведенный выше случай еще раз подтверждает то, что положение евреев в данную эпоху было очень тяжелым. Под страхом физического уничтожения, изгнания с мест проживания, они вынуждены были принимать христианство. По нашему мнению, принятие христианства евреями было насильственным.

Позже, в первой половине VII века во Франкском государстве прошли два церковных собора - Парижский (614 г.) и Рейнский (624 г.), в постановлениях которых упоминались евреи. Эти постановления были подтверждены Хлотарем II (584-629) в эдикте (Тюменев 1922:242).

Как выясняется, евреи имели хорошие отношения с местным населением. Во время правления короля Дагоберта (629-639) не было случаев изгнания евреев из Франции, но и расселение их на данной территории не было массовым. Папа Стефан III в своем письме архиепископу Нарбоны Ариберту, проявляет недовольство по случаю того, что евреи хорошо живут и находятся в не плохих отношениях с местным населением (Тюменев 1922:243).

Получается, что евреи должны были жить на территории Франкского государства в униженном положении и у них не должны были быть хорошие отношения с местным населением (прим. авт.).

Сравнительно не плохо чувствовали себя евреи во Франкском государстве во времена правления Карла Великого (768-814). В это время в государстве сложились благоприятные

политические и экономические условия для поселения евреев на этой территории. Более того, Карл Великий пользовался еврейской дипломатической миссией для установления отношений с восточным ханством. Среди послов, отправленных Карлом к халифу Багдада Харуму аль-Рашиду, был один еврей по имени Исаак. По возвращении его из Багдада, Карл празднично принял еврея в Аахенском дворце. Исаак передал королю подарок от халифа (797-802). Этот еврей хорошо знал арабский язык и с его помощью Карл вел переговоры с арабскими послами (Дубнов 2003:77).

Во времена правления Карла Великого социальная и духовная жизнь еврейского народа стала возрождаться. В 787 году король переселил семью ученого Коломна в Майнц, для того чтобы тот просветил неграмотных евреев. Карл максимально оберегал евреев от притеснений духовных лиц. Его личным врачом так же был еврей. Ученый еврей Макар совместно с Коломной основали академию (Батошвили 1991:209).

Покровительствовал евреям и Людовик Благочестивый (814-840). У его сына Карла Лысого (840-879), врачом был еврей Зедик, а советником – Иуда, которого Карл назвал «преданным» (Батошвили 1991:210).

В последствии католическая церковь во Франции возобновила гонения на евреев. Этот народ преследовался здесь в 1171, 1182, 1290, 1320-1321, 1348-1349, 1394, 1615 годах. После чего еврейское население на данной территории существенно сократилось. Так, количество евреев в XVIII веке в городе Бордо составляло 1500-2000 человек (Синельников 2005: 204).

Таким образом, изучение истории еврейского народа в разных странах: во Франции, Германии, Италии, Испании, Польши, России показывает, что судьба этого народа была тяжелой, но нужно отметить, что евреи никогда не преследовались в Грузии.

Известный еврейский ученый Герцел Давидович Баазов в 1913 году на сионистском международном собрании, которое проходило во Франкфурте на Майне сказал: «Братья, я из той страны, где евреи проживают свыше 2500 лет и мы никогда не испытывали враждебное отношение к нам. Грузия никогда не проявляла по отношению к нам унижений, запретов, дискриминацию» (Абуладзе 2005:64).

Поэт Нодар Джалагония проявил величайшее уважение к этому многострадальному народу: «Не знаю как в другом месте, но в Грузии ты жил не как гость... Уходя ты не украл золото, не забрал красоту моей родины... Забираешь как реликвию лишь грузинский язык и любовь к Грузии...»Лучше оценку этому многострадальному народу нельзя дать по-другому.

Проживая на территории средневековой Европы, евреи, как последователи иной религии, были обделены всех человеческих прав. Они постоянно преследовались католической церковью. Евреи своей простотой, ценой большой терпимости сохранили свою веру и самобытность. Именно это и есть та сила, которая спасла этот народ от полного физического истребления.

Литература:

1. И. Кауфман, Л. Финкелштайн, Ш. Эттингер. Еврейская история и религия. Библиотека – Алия, 1980, Printed in Izrail.
2. А. Тюменев. Еврей в древности и средние века. Пет., 1922.
3. Гр. Турский. История франков. Издание подготовила В.Д. Савукова. М., 1987.
4. С.П. Дубнов. История евреев в Европе, т. I. М., 2003.
5. А. Синельников. Средневековая история евреев. М., 2005.

6.К. Абуладзе. Правовое и религиозное положение евреев в Грузии. Тб., 2005 (на груз.).

7.А. Батошвили. Из истории еврейского народа. Тб., 1991 (на груз.)

Beltadze Izo (Georgia)

The history of Jewish people in the Kingdom of Franks. RESUME

IV century resource about the history of Franks by Gr. Tureli gives us very interesting information concerning the deprivation of rights of Jewish people, their persecution, oppression and baptizing by force.

They were persecuted in France in late period too (XIII-XIV c) also in England, Italy, Germany, Spain, Poland, Russia but never in Georgia.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Глобальный мир и глобализация это не утопия, это реальность. В условиях современной коммуникации и технологии весь мир является целостью взаимосвязанных и обусловленных проблем и событий. Сегодня уже не существует «локальная» проблема, теперь существуют всемирно глобальные проблемы. Глобализация современного мира - одна из основных характеризующих качеств.

Правда глобализация, интеграции международных отношений обессилела государственный суверенитет. Но все-таки государство, как политический институт, продолжает свое существование.

Глобальность мировой политики заставляет изменить курс внутренней и внешней политики современных стран, хотя необходимо отметить и то, что между ними нарушены классические соотношения, что является результатом интеграции политики.

На сегодняшней день на арене глобальной политики действуют множество международных правительственных или неправительственных организаций, которые активно подключены в протекающие процессы мира и меняют вид международным отношениям. Если мировая политика к 1998 году насчитывала существование свыше 6 000 организаций, то сегодня в глобальной политике по значимости выделяются такие организации как: ООН, ОБСЕ, Валютный Фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация.

В глобализации современной политики играют значимую роль региональные блоки: Евросоюз, ЕвроСовет, ООН, ОБСЕ.

Например: ЕвроСовет был создан в 1949 году и сегодня принял до 200 общих европейских конвенций, охрана которых необходима для государств. В 1973 году была создана ОБСЕ,

цель которой регулирование конфликтов в государствах. Также принятый в 1975 году «Хельсинкский акт» и в 1990 году «Парижская хартия для Новой Европы» являются значимыми документами.

Евросоюз - на международной арене представляет собой силу, с которой считаются. Особенно известным является его помощь в отношении бывших социалистических странах.

Таким образом, современная политическая система состоит не только из государств, но и из глобальных и региональных институтов.

Глобализация – исторический процесс и мощная трансформационная сила, которая изменяет жизнь людей, заставляет страны и общества думать о будущем и найти место в глобальном мире.

На рубеже 80-90 годов XX века, проходящие важнейшие изменения в мире внесли изменения в закономерность международных отношений. Падение берлинской стены стало символом окончания «Холодной войны». Несмотря на оптимистические и идеалистические прогнозы сближения между Западом и Востоком не произошло на основании универсальных ценностей. Современный мир сопровождают неорганизованные события такие как: этнические конфликты, сепаратизм, терроризм, которые приняли крайний масштабный характер.

Международные отношения, это та же всемирная политика, к которой подключены: мультинациональные компании, международные организации, частные структуры, фонды, террористические группировки.

Глобализация в современном мире достигает политической трансформации.

Литература:

1. Гегучадзе К., Беридзе Б. Глобализация. Батуми, 2003.
2. Панарин А. Агенты глобализма., 2000.
3. Held D., Global Transformations, NY., 2000.

B. Beridze (Georgia)

G L O B A L I Z A T I O N

R E S U M E

Global changes in international politics, difficulty of farseeing, have made the possibility of two conclusions:

First: Characterization and regulatory of international relations have its own specificity. It is multiform. That's why it is very unreliable to make unerring and correct prognosis. United theory in international relations is incorrect.

Second: different theoretical traditions, paradigms, (example, patterns), conceptions, their inter criticism does not cause their destruction and disappearance. On the contrary we should reevaluate accumulated knowledge. During analysis, we can't avoid discussion of contradictory theoretical positions.

**ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНО-ТУРЕЦКИХ
ОТНОШЕНИЙ В 1917-1918 ГГ.**

После восстановления независимости Грузии одним из приоритетов руководства страны стало установление дружественных отношений с соседними странами, что с учетом международных правовых принципов должно было обеспечить упорядочение территориальных вопросов. Правительство демократической Грузии старалось сохранить территориальную целостность страны в исторических границах, хотя в тогдашних внутренних и внешних сложных условиях достичь этого было крайне трудно. Руководство Грузии стремилось сохранить реалии пограничного режима, существующие между Российской и Османской империями до первой мировой войны, чему категорически противилась Османская Империя, опирающаяся при этом на различные международные правовые аспекты. Главным из них был Брестский мирный договор, оформленный в сложных и крайне неблагоприятных условиях для Грузии.

Курс на выход России из первой мировой войны начал реализовываться сразу же после прихода большевиков к власти.

21 ноября 1917 г. нарком по иностранным делам Л. Троцкий направил послам стран Антанты дипломатические ноты с предложением о прекращении боевых действий на всех фронтах и начале мирных переговоров. Немецкое правительство 27 ноября 1917 г. согласилось начать мирные переговоры. Заключение мира в первую очередь было на руку России и Германии оно устраивало и обессиленную Османскую империю. В начале декабря в Брест-Литовске начались мирные переговоры между большевистской Россией и Германией.

А каково было положение в Закавказье? Ситуация была следующей: после свержения Временного правительства

Чрезвычайный Комиссариат Закавказья потерял свои функции, практически оказавшись не у дел.

Оценив ситуацию, миссии Антанты начали подготовку по созданию в Закавказье независимого от большевистской России правительства, что подтверждается телеграммой консула США Смита, посланной государственному секретарю Лансингу (ЦГИАГ, фонд 1818, опись 2, дело 116:12). Тогдашние политические деятели и ведущие партии Закавказья видимо не слишком восторгались Лениным и его большевистской властью. Надо принять во внимание и то обстоятельство, что политические силы Закавказья, не входящие в альянс с большевиками, не сели бы с ними за стол переговоров.

3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске, где размещалась Ставка верховного командования немецкими войсками на Восточном фронте (место переговоров было предложено Германией) начались переговоры. 9 декабря открылось первое заседание официальной мирной конференции, (История дипломатии, под редакцией академика В. Потёмкина, т. II, 1945: 321) завершившееся 15 декабря подписанием договора о перемирии на 28 дней, а 18 декабря в городе Эрзинджане был подписан договор о перемирии между русскими и турецкими армиями, в связи с чем были приостановлены военные действия на Кавказском фронте (Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, 1919: 18-23).

Надо принять во внимание и то, что союзник Германии - Турция также имела свои определённые цели в Закавказье и она должна была попытаться решить их здесь, на этой конференции. Было очевидно, что Грузия стояла перед опасностью потери значительной части своих территорий.

1 (14) января 1918 года генерал-лейтенант И. Одишелидзе получил от главнокомандующего турецкой армией Ферика Вехиб-Мехмеда письмо, в котором говорилось, что исполняющий обязанности главнокомандующего турецкой армией Энвер – паша хочет узнать, «каким путём будет

возможно восстановить отношения с независимым кавказским правительством, какие предложения имеет кавказское независимое правительство в целях восстановления мирных отношений между обеими сторонами...» С этой целью Энвер – паша был готов послать делегацию в столицу независимого Кавказского Правительства - Тбилиси, чтобы добиться «скорейшего восстановления взаимно желаемого справедливого мира»(Документы и материалы..., Док. №15: 24-25). (Хотя в этой телеграмме подчёркнуто упоминается (4 раза - Н. 3.) статус независимого кавказского правительства (в лице Закавказского комиссариата), с их стороны это не было чистосердечным заявлением. То, что османская сторона на этом этапе не считала фактическое правительство Закавказья законным и не признавала его «de-iure», ясно проявилось на первом же заседании Трабзонской мирной конференции).

В ответ Закавказский комиссариат уведомлял турецкую сторону, что закавказское правительство весьма заинтересовано в скорейшем окончании войны и установлении мира, однако, в то же время оно считало «нужным довести до вашего сведения, что мы, являясь составной частью российской республики, можем приступить к переговорам о мире лишь по получении соответствующего полномочия от только что собранного Учредительного собрания» (Документы и материалы.... Док. №16:25-26). Мы разделяем мнение доктора исторических наук, профессора Михаила Сванидзе о том, что если закавказское правительство не признавало большевистскую власть, оно должно было активнее зафиксировать свою позицию и официально объявить независимость Закавказья. Однако Ное Жордания и его единомышленники всё ещё надеялись, что в России большевики недолго сохранят власть, поэтому они считали, что для объявления независимости Закавказья ещё не было соответствующих условий. Исходя из этого, они даже к Брест-Литовскому договору не проявили надлежащего внимания (Сванидзе 2003:288-289).

23 февраля в 10.30 утра Германия, наконец, представила свои мирные условия, потребовав дать ответ на них не позднее чем через 48 часов Русская сторона приняла ультиматум немцев, состоящий из десяти пунктов, по нему она обязывалась вернуть Турции провинции Анатолии(История дипломатии, под редакцией академика В. Потёмкина: 242).

После окончательного прочтения текста ультиматума выяснилось, что немцы внесли в него определённые изменения в пользу турок. Выше было отмечено, что вначале немцы требовали, чтобы Россия вернула Турции провинции Анатолии. Однако, после явного проявления слабости с русской стороны, у турок возрос аппетит и требования. Турция решила воспользоваться создавшимся положением и предъявить претензии и на другие территории. Таким образом, к вышеупомянутым провинциям Анатолии добавился и вопрос о передаче Турции Карской, Ардаганской и Батумской областей (Мирные переговоры в Брест-Литовске 1920:215).

3 марта 1918 года в Брест-Литовске окончились мирные переговоры. Большевистская Россия, Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария подписали мирный договор, который состоял из 13 статей.

В соответствии с пунктом 4 этого договора большевистская Россия должна была выполнить всё, что требовалось от неё по данному договору. Договор, как уже было отмечено, многого, и даже очень, требовал от России. Она должна была обеспечить быструю очистку восточных провинций Анатолии и такое же быстрое возвращение их бывшему владельцу.«Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно будут очищены от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению их устанавливать новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией»(Документы внешней политики СССР, т I:121).

Всё это означало, что впредь Россия никоим образом не могла вмешиваться в государственно-правовые и международно-правовые взаимоотношения этих областей, она должна была дать здешнему населению полное право создать на своих территориях новую власть, которая была бы приемлема для соседних государств (особенно, конечно, Турции - Н.З.).

В тот же день оформили русско-турецкое дополнительное соглашение, по которому большевистская Россия обязывалась незамедлительно вывести свои войска из оккупированных ею территорий. На всей территории Закавказья Россия могла иметь лишь одну дивизию, не больше (Документы внешней политики СССР, т I:199-200). Это соглашение подразумевало и то, что русско-турецкие границы должны были быть восстановлены в том виде, в каком они существовали ещё до русско - турецкой войны 1877 - 1878 гг (Документы внешней политики СССР, т I:201). По 2-му пункту договора «Договаривающиеся стороны в течение 3 месяцев после ратификации настоящего договора образуют две смешанные русско-турецкие комиссии. Задачей первой комиссии является восстановление пограничной линии, разделяющей Россию и Турцию, начиная от места, где все три границы – русская, турецкая и персидская сходятся до места, где пограничная линия доходит до границ 3-х санджаков: Карса, Ардагана и Батума. На этом протяжении комиссия будет руководствоваться пограничной линией, существовавшей до войны.... Вторая комиссия установит русскую границу и границу трех санджаков, подлежащих эвакуации Российской республикой в соответствии со вторым абзацем статьи 4-ой коллективного мирного договора. Граница там будет восстановлена в том виде, в каком она существовала до русско-турецкой войны 1877-1878 годов» (Документы внешней политики СССР, т I:200-201).

На мирной конференции лишь частично проявились чаяния турков, далеко идущий геополитический замысел

которых начал осуществляться после оккупации Батумской области.

Вот как оценил заместитель народного комиссара по иностранным делам Российской Федерации Г. В. Чичерин положения Брест-Литовского договора относительно Закавказья. „.....Территории, на которые условия мира распространяются, разделяются на пять категории.... Другая категория - это есть Карс, Ардаган и Батум. Относительно этих областей договор не высказывает ясно, что эти области от России отходят, – эти области очищаются от русских войск, Россия не будет вмешиваться в их новую организацию. Новый строй будет установлен в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией. В данном случае аннексия имеет несколько более прикрытый вид, чем в первом случае, но сущность ее разумеется остается в том же»(Документы внешней политики СССР, т I:667). (В первой категории в докладе подразумевается те территории, которые окончательно отходили от Российского государства – Н.З.). Чтобы правильно оценить этот договор, надо отдать должное словам Чичерина – «Вот содержание договора, который нас заставили подписать, приставив ко лбу пистолет»(Документы внешней политики СССР, т I:672-673).

Определённая тяжесть этого соглашения непосредственно коснулась и нашей родины – Грузии, поскольку она теряла свои исторические территории – Ардаганскую и Батумскую области.

Как видно из предлагаемых документов, большевистская Россия не так ясно и четко сформулировала свои взаимоотношения с вопросами, которые затрагивали жизненные интересы Закавказья и в частности, Грузии.

В итоге можно сказать, что эта конференция была реальным выражением существующего в тогдашней Российской империи хаоса. Брестский договор – пример того, что можно навязать пораженному, изолированному государству.

Турецкое правительство старалось ускорить ход событий. 25 февраля, ночью, Закавказское правительство получило

телеграмму, отправленную на имя главнокомандующего Российскими войсками в Закавказье генерала Лебединского. В нем сообщалось, что „Российская республика, согласившись на эвакуацию областей Батума, Карса и Ардагана, только что подписала мирный договор касательно этого. ... просим вас выполнить в широкую эвакуацию указанных областей” (Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, д. № 49: 86).

Закавказский Сейм 16 февраля 1918 г. утвердил состав делегации для мирных переговоров с турками. Главой делегации был избран И. Чхенкели. Там же была принята программа действий. Посланники должны были добиться пересмотра границы, с тем чтобы между Закавказьем и Турцией сохранить русско-турецкую границу 1914 г.

23 февраля 1918 года делегация находилась в Трабзоне. При встрече вали города подчеркнул, что османы являются хозяевами, а делегаты Закавказья – гостями. Этим они дали понять, что являются здесь полными хозяевами (хотя в Трабзоне все еще находилось определенное количество русских солдат.)

Первое официальное заседание мирных переговоров состоялось 14 марта 1918 года. Со стороны османцев в нем участвовали: глава делегации Рауф бей, Мемед Нусрет бей, доктор Тевпик Салим бей, профессор Стамбульского университета Измаил Гами бей и др. В Закавказскую делегацию входили: А. Чхенкели, Г. Абашидзе, Мемед Гасан Гаджинский, Р. Качазнун и Г. Ласхишвили и др. (ЦГИАГ, фонд 1819, опись 1, дело 17: 13).

Турки поставили вопрос, чтобы делегация разъяснила форму политического и административного устройства закавказской республики с тем, удовлетворяет ли эта форма условиям, предусмотренным международными правовыми нормами возникновения государства (там же, фонд 1819, опись 1, дело 17: 16).

На втором заседании мирной конференции А.И.Чхенкели охарактеризовал форму политического правления закавказской республики. Он сказал, что закавказская республика имеет избранный демократическим путем Сейм как высший орган власти. Поскольку Брестская мирная конференция коснулась закавказских республик (без их непосредственного участия) и, вместе с тем, заключенный большевиками договор был неприемлем для этих республик, посему мирные условия, касающиеся Закавказья, согласно нормам международного права, сами по себе теряли значение. Закавказье непосредственно решит свои проблемы с соседним государством, и это должно быть лейтмотивом нашей встречи, заявил А.Чхенкели (там же, фонд 1819, опись 1, дело 17: 19).

Это соображение А.Чхенкели скорее было выражением доброй воли, нежели твердой политической аргументацией. Закавказье еще не объявило независимости, а на Брестской конференции большевики выступали от имени всей России. На наш взгляд, антипатия к большевикам не могла быть пригодной для игнорирования Брестского договора. Ввиду этих обстоятельств, делегация в Трабзоне столкнулась с трудностями при защите своих позиций. Турецкая сторона явно дала понять делегатам, что если они не признавали большевистскую власть, надо было принять участие в Брест-Литовской мирной конференции, как это сделала Украинская Рада (там же, фонд 1819, опись 1, дело 17: 21).

В этом же случае непризнание большевиками Брестского договора являлось лишь капризом и только. Допущенные ранее ошибки, ныне дамочловым мечом нависшие над делегацией Закавказья, давали туркам возможность направить конференцию по нужному им руслу. В процессе переговоров постепенно выявлялись их истинные намерения. По словам Рауф бея, их сторона прибыла сюда не для рассмотрения Брестского договора, а для участия в новых переговорах и не имела другой цели, кроме того, чтобы были подготовлены основы

экономических и коммерческих взаимоотношений, определены практические и технические детали этих взаимоотношений, оставшиеся без внимания в Брест-Литовском договоре (Там же, фонд 1819, опись 1, дело 17, л.25).

Трабзонские переговоры оказались в тупике. Основой предстоящего соглашения турки считали Брестский договор. По их мнению, вопрос Карской, Ардаганской и Батумской областей вообще не подлежит обсуждению, поскольку Оттоманская империя имеет право на их присоединение (там же, фонд 1819, опись 1, дело 17:28).

Ясно, что Закавказье не могло положительно решить вопрос абсолютного сохранения своих территорий. Был разработан вариант передачи определенной части этих территорий, по которому Османская империя получала из Карской области Кагизманский район, а из Ардаганской – Олтисский. Такой комбинацией Грузия сохраняла в Ардаганской области Поцхов-Эрушети, что было равным территории Карской области, оставленной Арменией (Там же, фонд 1818, опись. 2, дело 179:10-14).

23 марта закавказская делегация представила османам меморандум, согласно которому Османской империи передавались: Олтиси - южная часть Ардаганской области, Кагизман - юго-западная часть Карской области (Нозадзе 1989:33, Зосидзе 1998: 87-103).

Турецкая сторона пошла на новый маневр – меморандум для ознакомления послала в Стамбул правительству империи. Этим были завершены официальные заседания.

По утверждению турецкой историографии основной целью османской делегации в Трабзоне было сохранение мира и стабильности между Турцией и кавказскими соседями. Однако стоит подчеркнуть, что право делегатов османской стороны были в определённой мере ограничены. Глава делегации Рауф Бей обратился к своему правительству с просьбой о расширении своих полномочий, которое не было удовлетворено. По этим и

другим причинам переговоры зашли в тупик, после чего делегация была вынуждена вернуться в Стамбул (Şahin 2002: 443).

Исходя из этого, Трабзонская мирная конференция содержала лишь признаки политического фарса, и ничего больше (Зосидзе 1995: 27).

15 апреля 1918 г. Турецкая сторона согласилась продолжать мирные переговоры. На сей раз местом для переговоров стал город Батуми, уже оккупированный турецкими войсками.

Батумская конференция затрагивала все проблемы, связанные с урегулированием территориальных вопросов в отношениях с Турцией, в частности, отказ от Карса, Батуми и Ардагана. Это действие должно было остановить турецкую экспансию. Нужно отметить, что работа Трабзонской и Батумской конференций проходила на фоне влияния турецкой стороны и военной экспансии, что усугубляло и так уже трудное положение в Закавказье. В таких условиях стремились частичными уступками приостановить турецкую агрессию. По мнению закавказской делегации основой переговоров должен был быть Брестский мир, (это тот Брестский мир, которому в свое время, объявили бойкот закавказские республики, не приняв участия в переговорах), но такая постановка вопроса не устраивала Турцию.

Турецкая сторона представила на конференции проект договора, который носил аннексионный характер (ЦГИАГ, ф. 1836, ор. 2, д 73: 4-5). По этому проекту Грузия теряла все те территории, которые были возвращены в результате русско-турецких войн на протяжении всего XIX века. Это были территории Ардаганского и Батумского округов, а так же территории Ахалкалаки и Ахалцихе. Таким образом, было бы нарушено политическое и экономическое положение Грузии (Зосидзе 1995: 43-45). Турецкая сторона представляла данный проект как конечное соглашение.

25 мая 1918 года закавказская делегация приняла от Халилбея ультиматум, по которому в течение 72 часов они должны были выполнить все условия, самым важным из которых было изменение границ в пользу Турции (Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, док. № 159: 309-310).

26 мая 1918 года Грузия объявила о независимости. В роли независимого государства, 28 мая Грузия подписала первый договор с Германией, в котором были обозначены приоритеты отношений и действий. Германия де-факто признала Грузию. Появились надежды и кое-какие гарантии территориальной целостности государства, но тут же надо отметить, что грузино-германские отношения определялись условиями Брестского мира, который признавали обе стороны (История Грузинской дипломатии, 2004: 473-474). Именно после этого, 4 июня 1918 года был подписан Батумский договор и дружественное соглашение между Грузией и Турцией, на основании которого новая территория от реки Чолоки до Абастумани (границы после русско-турецкой войны 1877 года), теперь доходили до Ахалкалакского и Ахалцихского округов, перейдя в состав Турции (Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, 1919: 343-349). Таким образом, Османская империя вновь возвращала себе, так называемый, «большой вилайет Гурджистана» (Зосидзе 1995: 51). Таким образом, данное соглашение представляло для Грузии политическое и дипломатическое поражение.

После оккупации Батуми, правительство Турции попыталось использовать условия Брестского мира в свою пользу, в частности, потребовало от местного населения определить свой будущий статус и с этой целью проводил референдум, для того, чтобы придать оккупации юридическую основу.

С проведенным референдумом не была согласна Германия (было много нарушений) и это не было неожиданностью, так как турецкая закавказская политика уже не учитывала условий Брестского мира. Вместе с тем, Германия не желала потери

своего авторитета в глазах грузинского правительства. В посланной в Стамбул ноте, было подчеркнуто, что нарушены условия Брестского мира (Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, 1919: 377-378). Позже на этот документ отозвалось правительство Советской России. В посланной 20 сентября 1918 года протестной ноте оно подчеркивало, что местное население не использовало условия, оговоренные в Брестском соглашении, для установления новых порядков на этих территориях. В частности, в ноте говорится: «...Считая такое насилие над населением отторгнутых от России округов существенным нарушением статьи 4 договора, Советское правительство настоящим заявляет, что оно не может согласиться с результатом так называемого волеизъявления населения округов Карсса, Ардагана и Батума и считает право этого населения установить новый строй областей неиспользованным и вопрос о новом строе указанных округов открытым.

.....Оттоманское Правительство этим показало, что Брест-Литовский договор между Россией и Турцией уже не существует....» (Документы внешней политики СССР, 1957: 490-492).

Параллельно с этими явлениями в политических кругах Стамбула сформировалось три версии урегулирования отношений с Грузией, что со своей стороны коснулось приграничного режима двух государств. По первому варианту будущие отношения должны были выстраиваться с учетом условий Брестского мира. Второй вариант предполагал конфискацию у политических единиц Закавказья других территорий. Третий вариант признавал полное присоединение Закавказья к Турции (Зосидзе 1995: 50).

Осенью 1918 года позиции Османской Турции в Юго-западной Грузии серьезно пошатнулись. Побежденная в мировой войне Турция попыталась урегулировать отношения с соседней Грузинской республикой. В конце октября 1918 года

Тбилиси был официально информирован о выводе турецких войск из Батуми. Это шаг Турции был продиктован сложившейся на данный момент политической ситуацией. Потерпев поражение в боях с Антантой, 30 октября 1918 года Турция подписала временный договор с Англией в порту Мудрос, по которому она должна была покинуть все оккупированные территории.

Таковыми были грузино-турецкие отношения в 1918 году, тесно связанные с сложнейшей международной политикой.

Литература:

1. Архив президента Грузии, фонд 13, опись 10, дело 55
2. ЦГИАГ(Центральный Государственный Исторический Архив Грузии). фонд 1818, опись 2, дело 116
3. ЦГИАГ, Фонд 1819, опись 1, дело 17
4. ЦГИАГ, фонд 1818, опись. 2, дело 179
5. ЦГИАГ, фонд 1836, опись. 2, дело 73
6. ЦГИАГ. Гарвардский фонд. №386; №387.
7. Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Arşivi, ВЕО 346469
8. Борьба за победу Советской власти в Аджарии. Документы и материалы (1917-1921 гг.), Батуми, 1961.
9. Документы внешней политики СССР. Т. I, М., 1957
10. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, Тб., 1919
11. Трабзонская конференция, сборник документов, под редакцией Н. Зосидзе, Бат., 1998
12. Жордания Н. Мое прошлое. Тбилиси, 1990.
13. Завриев Д. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947.
14. Зосидзе Н. Политическая ситуация и национально-освободительное движение в Аджарии в 1918-1920 гг. Бат. 1995
15. История дипломатии, под редакцией академика В. Потёмкина, т. II. М., 1945.

16. История Грузинской дипломатии, Тбилиси, 2004
17. Мирные переговоры в Брест-Литовске, М., 1920
18. Нозадзе В. За восстановление Грузии, Борьба из-за Месхети. Тб., 1989
19. Сванидзе М. Брестский Мир. Целидцлеули грузинской дипломатии, т. III, Тб., 1996
20. Сванидзе М. Дипломатическая борьба для Батуми и Батумской области 1918-1921 года // Грузинская дипломатия. Т.Х. Тбилиси, 2003.
21. Şahin E. Trabzon ve Batum Konferansları ve Antlaşmaları (1917-1918). Ankara 2002

N. Zosidze (Georgia)

FROM HISTORY OF GEORGIA-TURKEY RELATIONSHIP IN 1917-1918

Summary

After the restoration of independence of Georgia one of the priorities of the country's leadership was to establish friendly relations with neighboring countries, with international legal principles was to ensure the streamlining of territorial issues.

March 3, 1918 in Brest-Litovsk ended the peace talks. Bolshevik Russia, Germany, Austria-Hungary, Turkey and Bulgaria signed a peace treaty, which consisted of 13 articles. In accordance with paragraph 4 of this contract, it was supposed to ensure quick clearance of the eastern provinces of Anatolia and the same rapid return to their former owners. Districts of Ardahan, Kars, and Batum also immediately be cleared of Russian troops. Russia will not interfere in the new organization of state-legal and international legal relations of these districts, and the populations they install a new system in harmony with its neighbors, especially Turkey.

The Turkish government tried to accelerate the course of events. February 25, at night, the Transcaucasian government received a telegram, it ciauaae that Russia republic, agreeing to evacuate areas of Batum, Kars and Ardahan, has just signed a peace treaty with respect to this. Transcaucasian Sejm 16 February 1918 approved the composition of the delegation for peace talks with the Turks. Head of the delegation was elected. Chkhenkeli II. It also adopted a program of action. The envoys were to seek a review of the border, so that between the South Caucasus and Turkey to keep the Russian-Turkish border in 1914

Trabzon peace conference was limited to signs of political farce, and nothing more. At Trabzon peace conference only partially evident aspirations of the Ottomans, far-reaching geopolitical vision which was launched after the occupation of the Batumi region.

Шота Мамуладзе (Грузия)

ГОНИО-АПСАРОС В ПОЗДНЕАНТИЧНУЮ ЭПОХУ



Гонио-Апсарос находится в юго-западной Грузии, на левом берегу реки Чорохи, в 12 километрах от Батуми. Крепость стоит около моря, на стратегически важном месте. Гонийская долина окружена горами; единственная сухопутная дорога

при необходимости легко контролировалась гарнизоном крепости. Гонио-Апсарос защищал проходы в долинах рек Чорохи и Аджарисцкали, связывающие районы юго-западной Грузии с побережьем. Именно благодаря этому и превратилась крепость в один из опорных пунктов Рима, затем Византии, собственно Грузии и, наконец, Османской империи восточного Причерноморья.

По плану Гонио-Апсарос представляет собой прямоугольник. Его длина 222 м, ширина - 195 м, высота стен - 5 м, а в углах, где высятся башни - 7 м. В настоящее время в крепости осталось 18 башен (вначале их было 22). В углах крепости расположены главные башни с каменной лестницей внутри. Раньше у крепости было четыре входа, а ныне три из них, кроме западного, замурованы. Расположенные друг против друга входы указывали на существование двух

взаимопересекающихся улиц (Кардо, Де Куланум), характерных для римских кастелюмов. Фасад крепости можно определить по расположению главной улицы и башен - он направлен к западу, т.е. в сторону моря. Черное море надежно защищало крепость, так как в случае опасности оно могло служить средством получения запасов пищи, а также путем отступления. С востока крепость была защищена горами, с севера - рекой, с юга - почти ничем, поэтому с этой стороны стены были надежнее укреплены. В конце II в. до н.э. Колхидой и, конечно, Апсаросом завладело Понтийское царство. В 65 г. до н.э. римский полководец Помпей уничтожил это царство, и в Колхиде стали господствовать римляне. В 65-47 гг. Колхида представляла собой отдельную административную единицу, управляемую Аристархом. Трапезундский округ (южная Колхида) входил во владения царя Дейетара, и Апсарос, видимо, находился на границе между ними. В 47 г. до н.э. сын Босфорского царя Митридата Эвпаторского, Фарнак, воспользовавшись гражданской войной, вспыхнувшей в 49 г. между Помпеем и Юлием Цезарем, занял часть южного побережья Понта (конечно, включая Апсарос). В том же году у Зеле Цезарь одержал победу над Фарнаком и его владения передал союзнику римлян царю Митридату Пергамскому. Именно Колхида должна была стать главной ареной сражений между ним и новым правителем Босфора Асандром. После Аристарха Колхида уже не являлась цельной единицей, к тому же, с приходом горных племен обстановка здесь крайне осложнилась. Именно поэтому на рубеже старого и нового летоисчислений она входила в состав Понта Полемонов, подчиненного римлянам.

Новое тысячелетие началось возникновением христианства. Этот процесс коснулся как целиком западной Грузии, так и конкретно Апсароса. Церковный деятель второй половины VIII века Эпифан Константинопольский сохранил следующее сведение: епископ Кипра Эпифаний говорит, что, согласно

преданию, Андрей Первозванный обратил в христианство скифов, согдийцев и морсиан. В Большом Севастополисе, где находится крепость Апсарос и река Фазис, проживают иберы, сесы, фустины и аланы... Там же Эпифан отмечает, что после Пантекоста Андрей Первозванный, Семен Кананский, Матфей и Тадеоз отправились дальше с целью обратить в христианство северных язычников. Среди них были и «дикие» колхи. О прибытии в Колхиду первых апостолов возвещает и включенное в «Житие Картли» сведение, по которому Андрей Первозванный вместе с Семеном Кананским сперва посетили Трабзонский край, а затем страну, именуемую «Дидаджара». Это наименование, по мнению академика Д. Мухелишвили, должно обозначать целиком Аджарисцкальское ущелье,² т.к. первой формой объединений было «Хевеби» (ущелья). На основе слияния отдельных мелких «ущелий» позже возникло «Аджарское ущелье».³ По его же мнению, если ущелье реки Аджарисцкали называется «Дидаджара» (Большая Аджария), должна была существовать и «Мцире Аджара» («Малая Аджария»), в которую входила приморская низменность.⁴

По сведениям Эпифана Константинопольского, апостол Семен Кананский похоронен в Никопсии. По Эпифану Кипрскому же (IV в.н.э.) в Грузии похоронен апостол Матфий или Матафий⁵, избранный апостолом вместо Иуды Искариота. «Он проповедовал Евангелие во второй Эфиопии (Колхети), где находится крепость Апсара и порт Хвисо... Скончался там же и покоится по сей день». Аналогичные сведения передают Дорофей Твирский (III в.), Сафрон (IV в.) и др.

² Мухелишвили Д., Археологические материалы из поселения Ховле. Тб., 1978, с. 194.

³ Мухелишвили Д., там же, с. 182.

⁴ Мухелишвили Д., там же, 162.

⁵ Воронов Ю., Гунба М. Новые памятники Колхидской культуры в Абхазии, СА, 2, 1978. с. 226.

В 63 г. н.э. по приказу императора Нерона (54-68 гг.) было упразднено царство Полемонов и Понт вместе с Колхидой вошли в состав провинции Галатии. Примечательно, что до того римляне в этом регионе не имели собственного военного флота. Однако после упразднения Понтийского царства они завладели довольно мощными военно-морскими силами. Поэтому возникла необходимость построения укрепленных портов для кораблей. Кроме того, при императоре Веспасиане (69 -79 гг.) в Понте вспыхнуло известное восстание Аникета (69 г), которое, хотя и было подавлено римлянами, еще раз убедило захватчиков в необходимости создания здесь серьезных опорных пунктов, благо ко всему этому добавлялась и активизация горских племен. Они интенсивно осваивали Причерноморье. На севере от них, между устьями рек Чорохи и Архавсу, вблизи Гонио-Апсароса проживало племя дзидритов, находящееся в подчинении иберийского царя Парсмана (II век н.э.) и представляющее угрозу римским владениям. На Черноморском побережье центральной Колхиды активизируются лазы. Они постепенно создают новые раннеклассовые образования, что становится серьезной опасностью для интересов Римской империи на восточном и южном Причерноморье. За всем этим последовало создание мощных военных баз (Трабзон, Апсарос, Фазис, Диоскурия и Питуунт). У Иосифа Флавия сохранилось высказывание иудейского царя Ирода Агриппы (29-93 гг.). Что можно сказать о гениохах и колхах, таврах и босфорилах, о племенах, проживающих вокруг Понта и Меотида, которые раньше не признавали собственного господина, а ныне покорены рукой трех тысяч гоплитов, и сорок длинных кораблей защищают мир на ледяном море, которое раньше не было судоходным”. В научной литературе признано, что римляне первоначально (I-III вв.) Колхиде, как и в других частях

империи, строили военные лагеря временного пользования.⁶ Хотя первоначально (I-II вв.) римляне на Колхидском побережье строили деревянные военные лагеря временного пользования (по описанию Ариана таким был и первоначальный Фазис), во II веке н.э. здесь уже строились каменные ограды. Это подтверждается сведениями как Ариана, так и Прокопия Кесарийского, согласно которым Апсарос предстает довольно мощным оборонительным пунктом (рис.2). В конце I - начале II вв. влияние римлян в Колхиде заметно ослабло. При Траяне (89-117 гг.) в римских источниках она упоминается наряду с Иберией (т.е. как союзница). Эвтропий говорил, что в период войны с Парфией (113-117 гг) Траян принял под свое подданство царей Иберии, Савромата, Босфора, Аравии, Осдрона и Колхиды. Однако с 30-х годов II века, когда иберийский царь Парсман II Благодетель усилил экспансию к черноморскому побережью восточного грузинского государства (именно в этот период произошло подчинение проживающих на юге Чорохи дзидритов), лазы были вынуждены установить более тесные отношения с римлянами, что повлекло за собой умножение гарнизонов последних.

В 134 году по заданию императора Адриана (117-138 гг.) кападокийский правитель Флавий Ариан путешествовал в восточном Причерноморье и в своем «Периплусе» описал существующее там положение дел.⁷ С 72 года до правления Домициана (81-96 гг.) Колхида, как считают, входила в «Кападокийский комплекс», объединяющий провинции Кападокии и Галатии, а позже она предстает сформировавшей частью кападокийской провинции. Ариан пишет о пяти

⁶ Хачатрян Т. Материальная культура Армении, Ереван, 1963. с. 242; Лордкипанидзе Г. Городище Бичвинта, Тб., 1991. с. 82; Callender M.H. Roman Amphorae with index of stamps (London), 1965. p. 30; Delaporte L. Les hittites, Paris, 1936. p. 23.

⁷ Флавий Ариан. Путешествие вокруг Чорного моря. Перевод, исследование и комментарий Кечекмадзе Н., Тб., 1961.

когортах, стоящих в Апсаросе. Видимо, такое положение объясняется экспансией Иберии. С юга Апсарос был окружен верными Парсману дзидритами, а с севера - «союзниками римлян», хотя и не очень им преданными лазами. Примечательно игнорирование племен, проживающих к югу от Апсароса, когда у лазов, апсилов, абазгов и санигов были назначенные римлянами цари, в обязанность которых как раз входила приостановка кочевников. О римском гарнизоне Апсароса сведения дают и другие источники. Например, в Италии, близ Нолы, в Абеле обнаружена запись, по которой Марк Преторий Келлер, награжденный Траяном за участие в войне с Парфией (113-117 гг.) ранее исполнял должность начальника римских прибрежных войск, расположенных в Апсаросе. Важен также обнаруженный в Египте, в Фаюме и датированный II веком фрагмент папируса, написанный ветераном, ранее служившим в Апсаросе. В данном фрагменте упоминается Марциал, ветеран II когорты имени Клавдиуса, стоящей в Апсаросе.⁸ Этот факт подтверждается и вещественной находкой: в 1995-1998 гг. при археологических раскопках в Гонио-Апсаросе, там, где предполагается нахождение Принципии, оказались два фрагмента кирпича с клеймом. На первом можно вычитать СОН и число II, на втором - (С) ОН и число II, что, на наш взгляд, должно быть укороченным вариантом *Cohors II Clavdiana*.⁹ Для установления характера расположенных в Апсаросе гарнизонов интересен еще один фрагмент кирпича, на котором, наоборот, читается SAGI, что обозначает когорту лучников (*Sagittarius-Sagittariorum*). Это был вспомогательный отряд со специфическим вооружением. Здесь же найден канделябр с латинской надписью - C.SON AVR

⁸ Шпайдель М. Границы Кавказа. Гарнизоны II века в Апсаросе, Петра и Фазисе. - Вестник, серия истории №1, Тб., 1985. с. 136.

⁹ Мамуладзе Ш., Халваши М., Асланишвили Д. Римские гарнизоны Апсара. - Кавкасиис мацне, №2, Тб., 2000. с. 91-95.

C.R. Целиком надпись читается как C.COHN (ors) AVR (elius) C(irrigium), т.е. в Апсаросе стояла укомплектованная из римских граждан I вспомогательная когорта имени Марка Аврелия.¹⁰ Такие же когорты стояли и в придунайских провинциях.¹¹

Существующие данные дают твердую основу для утверждения, что стоящие в Апсаросе пять когорт, названных в «Periplus»-е Ариана, являются вспомогательными, а не легионными когортами.¹² У географа IV века Кастория, пользующегося источниками I-II вв., Апсарос на карте, в отличие от других современных кастелюмов восточного Причерноморья, выражен в схематически, что указывает на его особый статус. К этому нужно добавить еще одно сведение писателя Прокопия Кесарийского, как видно, отражающее положения того же периода (т.е. II век), согласно которому этот город в старину был многочисленным, его окружало множество стен, украшали театр, ипподром и многое другое, что обычно говорит о величине города (BG, VIII,2). Данные эпитафических памятников, археологических раскопок и других материалов, датированных второй половиной I века, наводят на мысль, что фундаментальное строительство крепости началось на рубеже I-II вв. и в течение последующего века она стала культурным, экономическим и военным центром римлян на восточном Причерноморье.¹³ Среди зданий и построек этого периода, следует в первую очередь отметить остатки римских термов. В первой, меньшей бане находятся лишь котельная и горячее отделение, вторая же представляет тип кастелюмов и делится на

¹⁰ Мамуладзе Ш., Халваши М., Асланишвили Л. Римские гарнизоны Апсара. - ВДИ, №1, М., 2002.

¹¹ Василевский В. Хождение Апостола Андрея в страну мермидонян, Труды, 1909. с.181-182.

¹² Мамуладзе Ш., Халваши М., Асланишвили Л. Римские гарнизоны Апсара. - Кавказиис мацне, №2, 2000. с. 91-95.

¹³ Mamuladze Sh., Kakhidze E., Khalvashi M. Romer in sud West Georgia. - Georgica, Searbruken, 2001,

несколько секций (caldarium, feridarium, trigidarium, apoditerium, ptefurnium). У южного преддверия Гонийской крепости были обнаружены остатки достаточно большого здания (казармы) римского периода (II-III вв.). Фундамент возведен из обработанных камней большого размера (длина некоторых - 1,6 м). Стены возведены на глиняном растворе. По восточной и северной стене тянется галерея трехметровой ширины. Ведущим строительным материалом казармы и вообще крепости является дерево. Здесь же были обнаружены системы канализации и водоснабжения, колодец, цистерна, соединенная с водопроводом каменным распределителем.¹⁴ На юго-западе крепости расположен хозяйственно-ремесленный участок, где найдено около двадцати каменных ручных мельниц, остатки горна для обжига амфор. Особый интерес представляют остатки преториума и архитектурные детали разных видов, находящиеся в центральной части крепости. Обнаружено большое количество разнообразного материала. Самую многочисленную группу составляют амфоры.¹⁵ У второй башни и на территории городища были обнаружены интересные остатки зданий и археологические материалы римской эпохи.¹⁶

Примерно 80% выявленного раскопками материала составляет керамическая тара. Она является ценнейшим вещественным источником для изучения взаимоотношений с римско-византийским миром. Обнаруженные в Апсаросе амфоры хронологически объединяются в две группы. Первая датируется

¹⁴ Кахидзе А., Мамуладзе Ш. Основные итоги научных исследований, проводимых в 1995-1999 гг на территории южных ворот. - Гонио-Апсар IV, Батуми, 2004.

¹⁵ Khalvashi M. Arbeiten im Zentralbereich der Festung. - Gonio-Apsaros III, Tbilisi, 2002.

¹⁶ Lortkipanidze G., Noneshvili A. Arbeiten im Turm 2. - Gonio-Apsaros III, Tbilisi, 2002; Plontke Luning A., Fellmuth N., Geyer A. Arbeiten in der Nordwestecke der Festung, nordlich der Festung und im Bereich des modernen friedhofs. - Gonio-Apsaros III, 2002.

I-II вв. Выделяются амфоры около двадцати видов этого периода: местного производства - с тонкой стенкой, изготовленные из коричневой глины,¹⁷ с граненой шейкой; амфоры, изготовленные на острове Кос и в Италии - со специфическими ушками; амфоры родосского и бифинского производства с лейкоподобным горлышком, с поднятыми выше горлышка ручками, с узкими горлышками¹⁸ и ушками на плечиках, места изготовления которых находятся на южном Причерноморье (Гераклея, Синоп). В большом количестве встречаются изделия значительнейшего торгово-ремесленного и транзитного центра южного Причерноморья - Синопа. В Апсаросе они представлены амфорами приблизительно восьми типов.¹⁹

По обнаруженным в Апсаросе амфорам римского периода видно, что расположенные здесь римские гарнизоны на первом этапе (конец I - начала II вв.) в основном снабжались из восточного Средиземноморья и западных частей Римской империи. Со второй четверти II в. положение существенно меняется: ведущей на южном Причерноморье становится керамическая тара. Объясняется это тем, что в снабжении римских войск, расположенных в Закавказье и северных районах Малой Азии, главную роль уже играло южное Причерноморье, в частности, Синоп, Амисо, Гераклея и Трапезунд. Соответственно, в слоях I-II вв. уменьшается керамика южного производства, увеличивается наплыв местной продукции, что подтверждается обнаруженным в юго-западном углу крепости горномастерской по изготовлению амфор из

17 Халваши М. Вопросы генезиса и хронологии коричневоглиняных амфор позднеантичной и раннесредневековой эпохи. - Труды Батумского археологического музея I, Батуми, 2000. с. 49-52.

18 Халваши М. Узкогорлые амфоры Гонио-Апсароса. - Изыскания №7, Тб., 2001.

19 его же, 2001.

коричневой глины, функционирующей в первой половине II-III вв. По устройству и режиму работы этот горн аналогичен горнам, изученным в северном Причерноморье (Фанагория, Херсонес) и в западных провинциях Римской империи. Аналогичная картина наблюдается и по обнаруженной в Гонио-Апсаросе краснолаковой керамике (Эбралидзе 2000),²⁰ светильникам, лютериям. Они найдены в основном в культурных слоях I-III вв.²¹ и связаны с Пергамом, Самосом, с другими торгово-ремесленными центрами Средиземноморья.²² То же самое можно сказать о нумизматических материалах. В конце I-начале II вв. в Апсаросе в обороте большей частью была чеканенная в Антиохии монета.²³ В Гонио-Апсаросе обнаружена достаточно многочисленная стеклянная посуда, изготовленная в различных производственных центрах.²⁴ Ранняя часть ее преимущественно связана с западным Средиземноморьем, более поздняя - с восточным. Особо надо отметить клад, относящийся к I-II вв. обнаруженный при дорожных работах на склоне горы близ Гонийской крепости. В кладе представлены прекраснейшие образцы ювелирной работы: статуя голого юноши; канелюрованная чаша; браслеты с массивными гранями; медальон с изображением Гелиоса; широкий ремень с изображением борьбы животных; пряжки со стилизованными

²⁰ Эбралидзе Т. Красноглиняная керамика из махвилаури. - Вопросы истории и теории культуры VIII, Тб., 2000.

²¹ там же

²² там же.

²³ Варшаломидзе И. Гонио-Апсарос по данным нумизматических материалов. – Лит. Аджария, №7, Батуми, 1999. с. 128-130; его же, Македонские «Иудейские монеты из Гонио-Апсара». – Лит. Аджария, №2, Батуми, 1999. с. 88-100; его же, Македонские «Иудейские монеты из Гонио-Апсара». – Лит. Аджария, №2, Батуми, 1999. с. 81-87.

²⁴ Шаликадзе Т. Позднеантичные и раннесредневековые стеклянные изделия из Причерноморья юго-западной Грузии. – Гонио-Апсар V, Батуми, 2004.

картинами всадников, птиц и животных; украшенные треугольниками бусы на цепочке; сплетенные ожерелья, орнаментированные диски и т.д.²⁵ В истории Апсароса III век можно считать эрой поворота. Параллельно с ослаблением восточной политики Рима заметен и упадок военной мощи империи. Особенно интенсивно этот процесс протекает в перифериях. На северном Причерноморье, вследствие активизации готов в 40-е годы III в. римляне оставляют Босфорское царство. Вскоре «варвары» овладели военным флотом и стали громить понтийское побережье.²⁶ В период правления Диоклетиана уже сарматы вторглись на землю лазов и достигли реки Галис - современной Кизил-Ирмак (Const. Porplys, De Admin, с.53). Логично, что правительство приняло адекватные меры. Особо укрепили пункты, расположенные на окраине, которые должны были остановить кочевников. Как раз в III. веке стала заметной традиция превращения Апсароса в пограничный лагерь.²⁷ В начале IV века именно в этом лагере скончались два мученика за христианство, военнотружущий Ориентиос (Acta Sanctorum, IV, 809-811, unius). Хотя источники ничего не сообщают о каких-либо значительных военных операциях в Апсаросе, наблюдение над стратиграфией городища показывает, что на рубеже III-IV вв. крепость временно прекратила функционирование. В культурных слоях этого периода заметен след разрухи.

С конца III в. центр империи постепенно перемещается к Востоку. В годы правления Константина было восстановлено

²⁵ Лордкипанидзе О., Хахутаишвили Д., Микеладзе Е. Гонийский клад, Тб., 1980.

²⁶ Frederik O.Waage. The Roman and Byzantine Pottery-Hesperia. Journal of the American school of classical studies at Athens (Jascsa). Volume II, part 1, 1933. Harvard university press. Cambridge. Massachusetts, 1933. p. 31-33.

²⁷ Мамуладзе Ш., Халваши М., Асланишвили Л. Римские гарнизоны Апсара. – ВДИ, №1, 2002. с. 26-32.

господство римлян на восточном Причерноморье,²⁸ и как видно над интересующим нас пунктом. Правда, это соображение пока не подтверждается археологическими данными, но по некоторым письменным источникам можно судить о том, что Апсарос даже в этот период функционировал в качестве опорного пункта римлян в восточном Причерноморье.

Надо думать, что после смерти Константина положение должно было радикально измениться. Во-первых, окрепло местное государство - Лазика, во-вторых, в восточной части империи начались кровопролитные бои. Исходя из сведений Аммиана Марцелина (*Res Gestae*, XXI, 7,10; XVII, 11,12), Дрепаниа (*Panegyricus* XIV), Менандра (*Historiei* 1871, 28-29), мы можем заключить, что южногрузинское государство фактически перестало подчиняться Риму и его обязанностью стала лишь защита северных границ империи (*Proc*, BP, II, 15). Как видно, в этот период Апсарос, который должен был попасть в пределы или Лазики (*Amm. Marc.*, *Bes Gestae*, XXVII, 12,11, *Proc*, Va, VII, 2, *Agthias*, *Hist*, V, 1), или грузинского государства, вновь склонившегося в сторону запада,²⁹ освободился от господства чужестранцев. Выход из непосредственного господства со стороны Рима еще не означал вывода его войск из страны, хотя по отношению к Апсаросу мы можем сказать, что со второй половины IV в. римский гарнизон здесь уже не стоял и списке восточно-причерноморских кастелюмов его уже нигде нет (*Amm. marc*, *Res Gestae*, XXII 8,24, *Notitia dignitatum*, Or,38). Более того, анонимный автор V в. (псевдо Ариан) называет Апсарос деревней (*PPE*, 41). На основе археологических данных мы можем указать, что до 30-х годов IV века в Апсаросе военные части чужеземцев не стояли. С сохранившимися

²⁸ Kluge R. Versuch einer Systematischen Darstellum der, be chronologie technigue, men. de I Acad. des 1918. p. 33.

²⁹ «Картлис Цховреба», т. I, Тб., 1955. с. 137; Гогитидзе С. Изыскания из истории периода Вахтанга Горгасали, Батуми, 1998. с. 48-51.

письменными источниками перекликаются и археологические данные. Почти ни один экземпляр краснолаковых изделий, представленных в Апсаросе, не украшен рельефным декором, тогда как в IV в. и особенно в V в. такие изделия богато орнаментированы рельефными, геометрическими или растительными мотивами. Здесь не встречается ни один фрагмент т.н. стекла с изображенными на нем синими крапинками, которое появляется со второй половины IV и существует до начала V века. В добытом здесь богатом нумизматическом материале³⁰ ни одна монета не датируется IV-V вв. Дело не только в том, что в V в. Лазика окончательно вышла из политического влияния Рима (Византии) и в 60-70 гг. ее границы зафиксированы ниже Апсароса, у современной Хопы,³¹ а в том, что с последней четверти века здесь могло господствовать восточно-грузинское государство. Интересен и тот момент, что возвратившиеся в восточный Понт византийцы нашли Апсарос совсем опустошенным (St. Вуг., S.V.A., Proc., B.G., VIII, 2). Как известно, правящие круги Лазики (тем более Картли), мало интересовались морскими коммуникациями. Именно этим объясняется на первый взгляд тот странный факт, что стратегически значительная крепость со второй половины IV в. включая вторую половину VI в. просто-напросто была брошена на произвол судьбы. Последующее оживление города-крепости Апсароса начинается со второй половины VI века, что связано с активизацией византийцев в восточном Причерноморье.

³⁰ Варшаломидзе И. Гонио-Апсарос по данным нумизматических материалов. – Лит. Аджария, №7, Батуми, 1999; его же, Серебрянные монеты Римской эпохи из Гонио-Апсара. – Изыскания, №5, Тб., 2000.

³¹ Кекелидзе К. Историко-агиографические отрывки. Христианский восток, т. 2, 1913. с. 188.

Gonio-Apsaros in late antique period

Resume

According to inscriptions and archeological evidences Gonio-Apsarus seemed to be promoted in late antique era. Fort was built by Romans in the second part of the first century A D. Romans stood here in I – III centuries, in this period it became one of the strong point in the East of the Black sea littoral. As a result of excavation remains of the different ruins and local and imported evidences were discovered like: ceramic ware, glass ware, red glaze pottery and so on. disappeared. The function of the fort was restored by settlement of Byzantine in Lazika. (VI century-30 years). According to excavation and ancient evidences the territory of Apsarus is intensively assimilated in early Byzantine era. The layers dating to the VI-VII centuries were confirmed almost in all quarters. Confirmed by archeological evidences, artisan and trade centers of the Mediterranean Sea were the leading place for interrelation to Gonio, mainly Asia Minor and north Syria (Antioquia, Selevckia). Local manufacture was promoted as well.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПРИЧИН ВОЙНЫ

Вторая половина XX века была отмечена ранее невиданным глобальным противостоянием двух кардинально различающихся социальных систем. Хотя это противостояние и не переросло в очередную мировую войну, явление, известное как «холодная война», в некоторых научных кругах нередко оценивается как своего рода третья мировая война.

В чем состояла сущность «холодной войны»? Каковы причины ее возникновения? Кто был ее инициатором? В разные времена на эти вопросы давали разные ответы и это естественно, потому что «холодная война» на протяжении длительного времени олицетворяла напряженные отношения противостоящих сторон.

Авторы Советского энциклопедического словаря (1984 г.) пишут, что «холодная война - это термин, означающий враждебный политический курс, который правительства западных держав стали проводить в отношении СССР и других социалистических государств по окончании второй мировой войны» (Советский энциклопедический словарь 1984:1450). В Оксфордском словаре (1996 г.) политических терминов сказано, что после окончания второй мировой войны «холодная война» была периодом интенсивного противостояния между США и СССР (The Concise Oxford Dictionary of Politics 1996:79). В словаре-справочнике социальных и политических терминов, вышедшем на грузинском языке (2004 г.), написано: под термином «холодная война» подразумевалось острое политическое и идеологическое противостояние между США и другими ведущими западными государствами, с одной стороны, и Советским Союзом и его сателлитами, с другой (Справочник социальных и политических терминов 2004:333).

Представляется, что «холодная война» было следствием кардинальных военно-политических изменений, вызванных второй мировой войной. Она, со своей стороны, подразумевала сосуществование двух радикально различающихся социальных систем в условиях конфронтации. В отличие от обычной войны, предполагающей вооруженное противостояние сторон, «холодная война» получила свое выражение в военно-политической, в экономической, дипломатической, военно-технической, культурной, информационной и других сферах. По своим последствиям: людские потери, ущерб, причиненный окружающей среде? и влияние вообще на развитие человечества, ее вполне можно сравнить с первой и второй мировыми войнами. Более того, рецидивы «холодной войны» и сегодня влияют на развитие международных отношений, а в ряде случаев даже играют решающую роль.

В отношении причин развязывания «холодной войны» и ее хронологических рамок существуют различные взгляды. Так, часть исследователей считает, что она началась сразу же после того, как в результате октябрьских событий 1917 года на международной арене возникла Советская Россия. Появление на месте царской России государства совершенно нового типа было отрицательно встречено традиционной Европой, тогда как реакция американской элиты на известные февральские явления того же года в России была позитивной. По мнению О. Вестада, свержение царя в России американцами было воспринято как свержение одного из самых реакционных режимов Европы; не исключалась и возможность того, что события в России могли пойти в той же последовательности, в какой пошли в Америке после известной революции (Westad 2006:17). Но тоталитарный режим большевиков, коллективизация и угроза экспорта революции за пределы России очень скоро резко изменили отношение американцев к Советской России. Их особенно раздражало то, что советская власть предлагала остальному миру на первый взгляд как будто более новую и более

прогрессивную модель развития, чем американская. Соответственно, два государства автоматически оказались в противоположных лагерях, непосредственным итогом чего было участие США в военной интервенции против Советской России. Недружественные отношения продолжались до тех пор, пока в 1933 году США не признали СССР (хотя следует отметить, что реальное потепление в советско-американских отношениях не имело места еще в течение ряда лет).

Другая часть исследователей считает, что датой начала «холодной войны» можно считать Мюнхенский сговор 1938 года (сентябрь), когда более или менее ясные очертания получила позиция западных демократий по отношению, с одной стороны, к фашистской Германии, а с другой, к Советскому Союзу: удовлетворив претензии первой по поводу судетских немцев, и ясно дав понять СССР, что они против его любого вмешательства в дела европейских государств, даже если бы изменения, вызванные решениями конференции, поставили бы под угрозу безопасность советского государства (на его западной границе).

Большая же часть исследователей считает, что начало «холодной войны» связано с завершением второй мировой войны и первыми годами послевоенного периода. Более того, сторонники этого взгляда ведут отсчет с известного выступления У. Черчилля в марте 1946 года в городе Фултоне. В этой речи бывший премьер Великобритании открыто зафиксировал свое отношение к Советскому Союзу (Churchill W.)

Если исходить из особенностей «холодной войны», то одной из причин ее развязывания можно считать ядерный фактор с учетом того, что атомная бомба представляла в послевоенный период совершенно новое, как его часто называют, революционное оружие. Очевидно, что на протяжении ряда лет на ход «холодной войны» большое

влияние оказывала гонка вооружения, которую вели обе великие державы.

При анализе причин холодной войны особое внимание обращают и на такие явления, как берлинский кризис, корейская война; не забывают и победу СССР во второй мировой войне и создание системы социалистических стран; роль отдельных политиков (Рузвельт, Сталин, Черчилль, Трумэн) и т.д.

Но очевидно, что причины, вызвавшие начало холодной войны, возникли не в одночасье, они формировались постепенно. Поэтому желательно комплексное исследование всех вышеуказанных факторов, что позволит создать более или менее полную картину развязывания «холодной войны».

Несомненно, что решающее влияние на послевоенное устройство мира могли оказать лишь государства, победившие во второй мировой войне. Если согласиться с этим утверждением, то ответственность за явление, известное как «холодная война», должна быть возложена на США, СССР и Великобританию. Каков был вклад каждого из этих государств в «это дело»? Данная проблема сама является предметом дискуссии и требует особого внимания при формулировании соответствующих выводов.

Внешнеполитический курс каждого великого государства в период после завершения второй мировой войны определяли ее последствия для каждого из них: урон Советского Союза был огромен как с точки зрения людских, так и материальных потерь; тогда как США понесли гораздо меньшие потери как с человеческой (на одного погибшего американца приходилось 85-90 советских граждан), так и материальной (США резко усилили свою экономику, нарастили промышленные мощности и заработали огромные деньги) точек зрения (Williams, Piotrowski 2005: 24).

Тот факт, что США в августе 1945 года, когда Япония практически уже проиграла войну, использовали атомное оружие в Хиросиме и Нагасаки (стоившее жизни в тот момент

не менее, чем 210 тысяч человек), означал лишь одно: американцы продемонстрировали оружие беспрецедентной уничтожающей силы (McWilliams W. C. Piotrowski H. 2005: 15). Фактически это было начало эпохи ядерного оружия, в которой сложилось новое соотношение сил и шла борьба за перераспределение сфер влияния в мире. Возникает вопрос: насколько велика была роль этого оружия в обострении отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции и не стало ли оно причиной возникновения новой эпохи в послевоенных международных отношениях?

Как известно, в США работа над созданием атомного оружия началась еще при президенте Франклин Рузвельте. При нем же было решено использовать против Японии это оружие нового типа, как только оно будет готово. Президент Рузвельт скончался 12 апреля 1945 года и окончательное решение по данному вопросу пришлось принимать его преемнику Гарри Трумэну (любопытно, что будущий президент США, тогда вице-президент страны, не был в то время даже информирован о работе над атомным оружием). Было решено, что атомные бомбы без всякого предварительного предупреждения будут использованы одновременно против двух целей, что по мнению В. Маквилямса и Х. Пиотровского усилило бы шок, вызванный использованием этого оружия (Williams, Piotrowski 2005: 16).

Необходимость использования атомного оружия против Японии в период, когда она практически уже проиграла войну, неоднократно подвергалась сомнению. Позиции по этому вопросу совершенно различны. Согласно традиционному взгляду, основной целью применения атомного оружия было стремление как можно быстрее закончить войну с Японией и избежать возможные потери (Кальвокоресси 2000:36).

С другой точки зрения, США использовали атомное оружие против почти проигравшей войну Японии с целью задержать советскую экспансию (в Европе, Азии и т.д.). Этим можно объяснить и поспешное решение Трумэна использовать

атомные бомбы 6 и 9 августа, как и то, что президент США не посчитал нужным официально сообщить своему союзнику о решении, принятом по вопросу об использовании атомного оружия ни до, ни после случившегося (Williams, Piotrowski 2005: 22).

В советской историографии применение атомного оружия американцами оценивается в основном как попытка запугать СССР, позиции которого в мире резко усилились в результате победы во второй мировой войне, а также огромных жертв, которые она понесла при разгроме врага (История России 2009:567-568). В современной российской историографии господствует точка зрения, согласно которой правящие круги США, применяя атомное оружие, преследовали цель продемонстрировать миру «страшную силу новых средств массового уничтожения», поскольку бомбардировки не имели какого-либо военно-стратегического смысла (История России 2009:565).

Конечно, подобная политика США, опирающаяся на резко возросшую экономическую, финансовую, материальную и военно-техническую мощь страны, на наличие атомного оружия, имеющая своей целью достижение ведущего положения в мире, не могла не привести к ухудшению отношений с СССР, руководство которого, в свою очередь, прекрасно понимало усилившуюся роль своей страны в мировых делах и не собиралось идти на какие-либо уступки за счет интересов советского народа.

Все это и привело мир к тому, что уже 1947 году явственно выявились коренные различия во внешней политике США и СССР. США откровенно стремились к гегемонии в мире, СССР же не собирался терять завоеванное во второй мировой войне, стоившее ему десятков миллионов жертв. Именно это и предопределило развязывание «холодной войны» в указанный период.

1. Справочник социальных и политических терминов 2004: Тбилиси (на груз.яз.).
2. История России, XX - начала XXI века. Под редакцией Л. В. Милова. Москва «Эксмо» 2009.
3. Кальвокоресси П. 2000: Мировая политика после 1945 года. В двух книгах. Книга 1. Москва «Международные отношения».
4. Советский энциклопедический словарь 1984: Москва. «Советская энциклопедия».
5. McWilliams W. C. Piotrowski H. 2005: The World Since 1945: A history of International Relations. The USA. «Lynne Rienner Publishers».
6. The Concise Oxford Dictionary of Politics 1996: New York. «Oxford University Press».
7. Westad O.A. 2006: the Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. New York. «Cambridge University Press».
8. Churchill W. Sinews of Peace (Iron Curtain). [http:// www.winstonchurchill.org/i4/pages/index.cfm](http://www.winstonchurchill.org/i4/pages/index.cfm)

**COLD WAR – THE PROBLEMS OF
CHRONOLOGY AND REASONS**

Summary

The Cold War was the conflict between the socialist nations led by the USSR and the democratic nations led by the USA. It was fought by all means – propaganda, economic war, diplomatic haggling, and occasional military clashes. It was fought in all places – in neutral states, in newly independent nations in Africa, Asia and so on.

The historians have so far not reached any agreement on the time in which the Cold War began. It is however quite safe to say that since December of 1945 when President Truman first declared about the necessity of pursuing strict policy toward the USSR the confrontation between these two nations actually begun.

What about the reasons which caused it, it may be said that there were deep-rooted ideological, military, economic and political differences between the USA and the SSSR before the Second World War and these differences were intensified as a result of their mutual suspicious immediately after the WWII.

Педагогика и методика преподавания

Дареджан Геладзе (Грузия)

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

С развитием науки, технологий развивается интеллект, растёт энерговооружённость, повышается уровень информационного обмена между людьми.

Цивилизация и есть информация. Большинство факторов, характеризующих цивилизацию, — этика и законы технологии, философия и религия, литература и искусство суть не что иное, как формы информации.

педагог должен понять и осознать процесс, поставить задачу, описать алгоритм её решения, составить программы на естественном и формальном (алгоритмическом) языках, т. е. решить задачу-проблему учебно-воспитательного процесса. *Задача — это модель проблемы.* В современных условиях в большинстве случаев задача сводится к разработке и исследованию информационных моделей развития науки и решения проблем самой науки, общества, природы..

Понимание информационной картины мира, разумный анализ и использование информационных потоков, прямых и обратных информационных связей (с целью адаптации к окружающему миру и влияния на него) выступают необходимым компонентом современной не только информационной культуры, но и культуры вообще как коллективной памяти человечества: свода правил поведения человека в информационном обществе, критерия уровня понимания и восприятия мира, адекватного определению человеком своего места в нём.

Информационная культура непрерывно развивалась на протяжении всей истории человечества, а за последние несколько тысячелетий прошла в своем развитии несколько

периодов, связанных со способом распространения информации (наскальный, рукописный, полиграфический и электронный).

Информационная культура директора и учителя связана с овладением ими электронно-коммуникативными системами, средствами и технологиями образования населения (ЭКСС и ТОН), обучения школьников (ЭКССТО), поиска информации. Она может быть рассмотрена на трех уровнях. На **информологически-методологическом уровне** предполагается знание научных основ инфоноосферной эдукологии и информационной педагогики, а также педагогической информатики; понимание роли социально-экономических, научно-технических, психолого-педагогических и физиолого-медицинских факторов использования ЭКССТО; сравнительный анализ научно обоснованных моделей информатизации школы в стране и за рубежом. На **теоретическом уровне** требуется знание дидактических принципов компьютерно-информационного обучения, закономерностей функционирования информационной среды учения, вопросов логического построения курсов основ информационного моделирования, основ теленетики. На **прикладном уровне** требуется формирование понятий, знаний, умений и навыков в области ЭКССТО; освоение конкретных новых информационных технологий обучения.

Трудно ожидать в обозримом будущем, что школы смогут оборудовать компьютерами каждое рабочее место учащихся. Это не реально еще и потому, что ни учителя, ни производители образовательных программ сегодня не в состоянии предложить учащимся постоянную содержательную работу за компьютером хотя бы по некоторым учебным предметам, кроме основ информатики. Это относится не ко всем школам, но к значительному большинству из них. Задача информатизации учебного процесса должна решаться следующие методологические моделями использования информационных технологий в компьютерных приложениях другими способами.

Модель изучения (1). Эта модель предназначена для изучения, освоения компьютера, пользовательского интерфейса, программы. Происходит освоение инструмента, орудия труда. Модель характеризуется непосредственным общением с компьютером с целью последовательного выполнения действий и проверки правильности реакции программного обеспечения. Модель имеет вспомогательное значение как подготовительный этап, обеспечивающий возможность реализации других моделей использования компьютера.

Модель существования (2). В последние годы все большее практическое значение приобретают программные средства, реализующие некоторые искусственные среды методом моделирования (simulation) или созданием виртуальной реальности. Используются также средства мультимедиа. При этом пользователь такого программного средства (в нашем случае - учащийся) воспринимает эту искусственную среду как реальность, в которой он некоторое время существует. Назначение таких программных средств может быть различным. Наиболее часто эта модель реализуется в компьютерных играх, тренажерах. Другим примером использования может быть использование сети Интернет.

Модель управления собственной информацией (3). В простейшем варианте модель управления собственной информацией реализуется при создании учащимися собственных подкаталогов с результатами своей деятельности: текстов, графиков, таблиц и т.п.

Модель управления технологическим процессом (4). Что касается учебного процесса, то эта модель может использоваться при компьютеризованном управлении физическими или химическими опытами. Существуют наработки по управлению физическими параметрами в классной комнате, такими как температура, влажность, освещенность и другие. Они могут быть включены в учебный процесс при изучении таких дисциплин как физика, география, природоведение и другие.

Модель творчества (5). При достаточном овладении компьютером как инструментом (модель изучения) учащийся может быть поставлен в ситуацию творчества. Компьютер в значительной степени снижает трудоемкость написания сочинений, позволяет оформить создаваемые тексты с высоким полиграфическим качеством. Создание компьютерных рисунков и программирование также можно рассматривать как творчество.

Модель общения (6). Современные компьютерные сети реализуют функцию передачи сообщений между их пользователями. В компьютерных сетях наравне с простым общением на бытовом уровне могут быть реализованы образовательные проекты, содержащие наряду с материалами учебного назначения также и специфические для телекоммуникаций элементы мотивации учащихся.

Модель просмотра (browsing, surfing) (7). Учащийся, обычно начинает знакомство с другим экземпляром компьютера не с реализации поставленной перед ним задачи, а с того, чтобы узнать содержимое долговременной памяти компьютера. Он просматривает каталоги, запускает заинтересовавшие его программы и просматривает файлы, могущие представлять для него интерес.

Этот просмотр или поиск является зачаточным примером того поведения, которое в полной мере может быть реализовано в сети Интернет. Эта модель реализуется как ради удовлетворения собственного любопытства, так и как метод поиска информации.

Модель добывания информации (8). Эта модель выделена как самостоятельный способ взаимодействия с компьютером, поскольку для целенаправленного поиска информации используются другие программные средства, чем те, которыми реализуется модель просмотра. Модель может быть реализована при учебном использовании электронных энциклопедий и путеводителей на CD-ROMах, например, при подготовке рефератов и докладов.

Модель опосредованного взаимодействия (9). Среди образовательных проектов существуют такие, которые не требуют непосредственного общения с компьютером всех участников проекта, хотя информация, полученная с компьютера, и определяет в значительной степени учебную деятельность.

Все рассмотренные модели могут быть полезными при реализации учебной деятельности учащихся с применением компьютера. Однако способы организации работы учащихся должны соответствовать используемым моделям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова Р. О трех поколениях компьютерных технологий обучения в школе. // Информатика и образование. – 1994. №2.
2. Белавина И.Г. Восприятие ребенком компьютера и компьютерных игр. // Вопрос психологии. – 1993. -№3.
3. Видерхольд. Компьютер в начальной школе. // Информатика и образование. – 1993. №2.
4. Глушко А.И. Компьютерный класс в школе. // Информатика и образование. – 1994. -№4.
5. <http://teacher-inf.boom.ru/program.htm> Методологические модели использования информационных технологий в школах.

D.Geladze (Georgia)

INFORMATIZATION OF ACADEMIC PROCESS

Summary

In the article it is discussed modern stages of scientific-technical revolution: microelectronics and calculation technics variety, industry of informatics, modern technologies.

Author discusses the importance of science as the basic system and model of communication.

It is substantiated to instillate and use modern technologies by the teachers in studing process.

Аснат Ардзендзе (Грузия)

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В современный век, в век глобализации, международных контактов, в последние годы принимающих всё более выраженный межкультурный и межэтнический характер, сильно изменилось отношение к обучению иностранным языкам. Несмотря на всё нарастающее противоборство цивилизованных стран и возникновение проблемы международного терроризма, мы являемся свидетелями интернационализации жизни и ощутимого цивилизованного сдвига в сторону диалога культур. Иноязычное образование, направленное на формирование вторичной языковой личности, претерпевает существенные изменения и всё острее явственнее заявляет о себе новыми направлениями обучения. Новые направления в обучении иностранным языкам всё более сопрягаются с освоением иноязычной культуры, репрезентантом которой является соответствующий язык. Через язык и путём применения новых методических технологий достигается качественно новая цель - развитие индивидуальности в диалоге культур и формирование вторичной языковой личности. Такая личность есть совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур (Гальскова 2000:107).

«Рознь языков» ясна человечеству со времен Вавилонской башни. Языковой барьер труден, но очевиден. Чужой язык (жаргон, диалект), как Цербер, сторожит свое царство. Этого сторожа нельзя обойти, подкупить, обмануть, но с ним можно подружиться: его можно выучить. Не сразу, не так быстро, не «английский за три недели», но можно, и миллионы людей этот барьер преодолевают (Гер-Минасова 2008:49).

Обучение иностранному языку идентифицируется с процессом социализации обучаемых, который основывается на внутренних психологических механизмах самоидентификации личности в соприкосновении с определёнными инокультурными социальными категориями, установками, ценностями, стереотипами, образцами мышления и поведения. Социализация происходит в пространстве иноязычной культуры, следовательно, главная дидактическая задача состоит в определении содержания образования, которое должно быть ориентировано на приобщение студентов к концептуальной системе ценностей другого лингвосоциума.

Обучение иностранному языку приобретает этнологически ориентированный характер. Ориентация на освоение инокультурного пространства требует разработки соответствующей методики обучения. Новая цель - развитие личности в диалоге культур и необходимое вычленение вслед за этим более полной номенклатуры объектов овладения новой культуры приводит к необходимости разработки принципиально новых, «культуроносных» средств обучения.

Введение культурного компонента в учебный процесс представляется важным фактором обогащения социального опыта обучаемых в иной культурной плоскости, фактором познания иной «картины» соответствующей страны в многообразных проявлениях её национальной идентичности, основанной, в свою очередь, на некоторых иных/особых параметрах национального менталитета (Мишин 2002:115). Если принять положение, согласно которому «менталитет - это этнокультурная специфика социума» (Голованивская 1997: 27), то становится очевидным тот факт, что сам концепт «менталитет» должен явиться предметом научного изучения и предметом практического обучения в лингводидактических целях, а именно, применительно к теме нашей работы, как содержание обучения. К настоящему моменту нет недостатка в общенаучном толковании концепта «менталитет»; можно даже

утверждать, что это понятие стало ныне одним из наиболее частотных по употребительности в исследованиях философов, этнолингвистов, психологов, культурологов. Активно разрабатывается проблематика, связанная с менталитетом, и в работах зарубежных исследователей.

В статье попытаемся ввести понятие «менталитет» и языковые проявления национального менталитета в содержание обучения русскому языку на продвинутом этапе обучения.

Материал носит сравнительно-сопоставительный характер: в ней на уровне содержания обучения находят отражение самые репрезентативные с точки зрения менталитета концепты грузинской и русской культур, а с точки зрения их репрезентации в языке - языковые тождества и различия в проявлении соответствующих менталитетов, грузинского и русского. Языковая репрезентация разных менталитетов как содержание обучения ещё не была предметом специального рассмотрения в методике преподавания иностранных языков. Несмотря на несомненную важность и очевидность необходимости подобного рода исследований, к ним, насколько нам известно, только-только подступают лингводидакты.

Нам известно, что человеческие отношения напрягаются из-за трудно переносимой ментальной несовместимости. Менталитет - это те духовно-нравственные, культурные и мировоззренческие ценности, которые следует понимать и уважать.

Стало очевидным, что в лингвистике всё более явственно прослеживается пристальный интерес к проблеме взаимозависимости языка и культуры и взаимоотношений различных культур. Но культура явление очень объёмное, включающее в себя, в том числе, язык и мышление, восприятие и деятельность, оценку и отношение и т.д. Проблема национального менталитета, всё более активно разрабатываемая в последнее время, несколько структурирует набор различных понятий. В частности, психология рассматривает восприятие и деятельность, философия - оценку, культурология - отношения в социуме,

самооценку и оценку «другого» и т.д. Появилось большое количество определений менталитета, представляющихся верными, но рассматривающих лишь узкое понятийное поле каждого конкретного предмета сферы гуманитарных наук. Одновременно, все три аспекта психологии, философии, культурологии, в свою очередь, так или иначе, проявляются в языке, который является составляющим звеном национальной культуры. Через язык и путём применения новых методических средств и технологий достигается цель развития индивидуальности в диалоге культур. Из триады «Язык, мышление, культура» мы исследуем язык и менталитет потому, что менталитет представляется конкретным, культурно обусловленным проявлением национального мышления. Менталитет включает в себя и духовную сторону и тесно связанную с ней физическую деятельность (в том числе вербальную). Межкультурные контакты могут быть как положительными, то есть иметь, так и отрицательными, т.е. иметь характер конфликтный.

Мы, в нашем случае, пытаемся исследовать языковые проявления менталитета, его языковую репрезентацию, для того, чтобы, по возможности, избежать в будущем реальном общении конфликтного развития событий и научиться достигать комплиментарности.

Всё рельефнее обозначается новая парадигма в преподавании иностранных языков, внимание акцентируется на культуроконтекстном и культуротворческом содержании обучения. Иностраный язык как учебный предмет обогащается новым содержанием, а именно культурой страны изучаемого языка во всех её проявлениях. В силу огромного потенциала интегративности язык, при умелом методическом обеспечении, прокладывает себе дорогу от созерцательного (вещь в себе) к деятельностному (культуротворческому), к концептуальному, к проблемному, к социоментальному.

Конечно, не твердим, что, усвоив некоторое количество моделей, репрезентирующих менталитеты потенциальных

коммуникантов, можно полностью избежать конфликтов, но мы убеждены в том, что, усвоив такие модели, мы сможем иметь больше возможностей для их избежания. Речь идёт именно о ментальном сближении на основе общности универсальных, культурных ценностей, точнее, на основе отношения к ним, выраженного национальным языком. Таким образом, проблема выливается в знание языковых формул, репрезентирующих менталитет и умения применять их в различных ситуациях общения. В качестве объекта исследования следует рассматривать обучение русскому языку и культуре с учётом менталитета современных русских.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что если в процесс обучения языку ввести языковые модели, репрезентирующие национальный менталитет, то это будет способствовать формированию готовности и способности к социокультурному взаимодействию (общению) с носителями языка в различных ситуациях.

Литература:

1. Гальскова 2000: Гальскова Н.Д., Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2000.
2. Тер-Минасова 2008: Тер-Минасова С.Г., Война и мир языков и культур. М.
3. Мишин 2002: Мишин И.Ф., Языковая репрезентация менталитета французов.

Asmat Ardzenadze (Georgia)

**THE ROLE OF STUDYING MENTALITY IN
TEACHING FOREIGN LANGUAGE**

Summary

The article examines the relationship of conscious and subconscious psychological, philosophical and cultural aspects of mentality, as well as its relationship with the world and the national languages. This makes it possible to make methods of learning a foreign language and culture. This may be a basic part of learning a foreign language. The article also carried out the selection of language models with precedent nature.

Теория перевода

Мераб Ахвледиани (Грузия)

ГРУЗИНСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ

Одной из форм проникновения иноязычной лексики в язык художественного произведения является перевод. Перевод сам по себе феномен очень сложный, многоаспектный и противоречивый, создаёт благоприятные условия для целенаправленного или стихийного просачивания слов одного языка в другой. Эстетическая и стилистическая ценность такой лексики разнообразна. Неоднороден и статус слов одного языка в другом, что в конце концов приводит к осмыслению такого понятия, как заимствование лексики. Если подобных проникновений мало и они случайны, то они не имеют научного интереса. Если же иноязычная лексика вкрапливается в тексты на данном языке систематически, то в конце концов количество переходит в качество. Текст начинает окрашиваться в определённые тона, появляются новые интонации и начинают действовать определённые закономерности, которые становятся интересными и для лингвистической науки.

Именно к этой категории заимствования относится проникновение грузинской лексики в русский поэтический язык, которое имеет по меньшей мере двухвековую историю. На протяжении этого периода в контактах между русским и грузинским языками наблюдались спады и подъёмы. Однако сам процесс контактирования не прекращается по сей день. Менялись и сферы этих контактов, начиная от официальных исторических документов и кончая задушевной лирикой нашего времени.

Как известно, поэтическая речь характеризуется целым рядом особенностей, которые отсутствуют в употреблении слова в других областях языковой практики. Современные русские мастера поэтического слова охотно используют те стилистические и эстетические возможности, которые создаются целенаправленным вкраплением грузинской лексики в русские поэтические произведения – как в оригинальные, так и переводные.

О роли оригинального произведения говорят, исходя из его социальных и литературных достоинств. Переводы же как-то остаются на литературной периферии. А что касается их языка, то он вообще выпал из круга интересов исследователей, и вспоминают о нём разве что при наличии очень грубых, примитивных, порою анекдотических ошибок. Между тем пора уже признать, что переведённое произведение независимо от его литературных достоинств является принадлежностью данного языка вместе с его лексикой, синтаксисом, выразительными и изобразительными возможностями. А всё привнесённое из другого языка, то есть из языка оригинала, накладывается на языковую основу, каковой является язык перевода. Именно при таком подходе ярче и правильнее высвечивается то новое, что приносит с собой заимствованное слово.

Таким образом, грузинская лексика проникает в русскую поэтическую речь двумя каналами: через оригинальные поэтические произведения и через переводы. Эти два процесса принципиально отличаются друг от друга как по мотивам обращения к иноязычным словам, так и по функциональной роли таких слов в тексте. В первом случае поэт сам выбирает нужные ему иноязычные слова для выполнения своей художественной задачи, во втором случае иноязычная лексика подсказывается переводчику языковой фактурой оригинала и служит воспроизведению на другом языке уже выполненной автором в оригинале задачи. Характер и мотивы «прихода»

слова в другой язык, естественно, определяют и статус его «пробывания» в тексте и, стало быть, в языке в целом.

Проникновение в перевод слов из оригинала возможно по разным соображениям и причинам. Соображения могут быть чисто творческого характера, например: сохранение рифмы, национального колорита произведения или боязнь потерять какой-то нюанс грузинского слова, очень нужный для сохранения мысли и образности речи, например:

*В лике светлом твоём проступают
пророков и грешников лица,
ДЕДАМИЦА, -
о, как замирает перо,-
деда-мица.*

(Дж.Чарквиани. «По земному времени». Перевод Н.Соколовской)

Здесь грузинское слово «**дедамица**» легко рифмуется со словом «**лица**», создаёт яркий национальный колорит. К тому же переводить его нецелесообразно, так как может потеряться важный нюанс грузинского слова: «**дедамица**» не просто «**земной шар**», а в буквальном смысле – «**мать-земля**».

Причиной может быть и полное отсутствие в языке перевода эквивалента подлежащего переводу, например:

***Цутисопели** – мой родник,
Источник горести и муки,
И я к воде твоей приник,
Омыл лицо своё и руки.*

(Дж.Чарквиани. «Цутисопели». Перевод Н.Соколовской.)

Слово «**цутисопели**» (преходящий, бренный мир) можно перевести на русский язык лишь описательно. Очень трудно, а может быть, и невозможно подобрать полноценную замену этому слову в русском языке. Поэтому употребление в переводе данного иноязычного слова вполне оправдано, к тому же оно служит созданию яркого национального колорита.

Большое значение в поэтическом переводе имеют версификационные проблемы. Стремление переводчика сохранить рифму, ритм, количество стихов, музыкальность стиха и другие элементы нередко подталкивает его к употреблению в стихотворении того или иного иноязычного слова, которое в прозаическом тексте было бы переведено, причём без труда. Часто причиной употребления переводчиком иноязычного слова становится своеобразное поэтическое кокетство, форс, который, впрочем, нередко производит эффект, например:

*Привет, молодцы из долины,
Зарёй освещённые люди!
Примите и тост мой недлинный
И выпейте горное луди.*

(С.Чиковани. «По следам Важа Пшавела». Перевод П.Антокольского.)

Хотя грузинское «луди» легко переводится на русский язык словом «пиво», переводчик все же транслитерирует его.

Среди причин, вызывающих употребление иноязычного слова, нельзя исключить и субъективный фактор, вкус поэта, его личное отношение к слову, например:

*Убил в ущелье охотник рыжий
Прекраснорогую ниямори.
И было тихо – а стало тише.
Так слово смолкает в пустом соборе.*

(Г.Табидзе. «Убил в ущелье...» Перевод В.Леоновича.)

В данном примере вместо ожидаемого слова «косуля» (в оригинале стихотворения - ზღაღღი) в переводе употреблено другое грузинское слово «ниямори» (газель). Переводчику, видимо это слово понравилось как средство создания колорита и рифмы: **ниямори – в соборе**.

Часто перевод бывает весьма далёк от оригинала и связан с ним лишь отдалёнными ассоциациями, а переводчик чересчур

вольно трактует авторский текст, так как не находит в русском языке соответствующих слов или образов, например:

1. *Что там таилось и мерцало?*

Я всё сказал. О, шен, мерцало,

Судьбы огромной на краю

В ладонь замёрзшую мою

Ты бездыханная упала.

(Г. Табидзе. «Весна моя...» Перевод В. Леоновича)

В данном переводе использовано целое грузинское словосочетание «**о, шен, мерцало**» (о, ты, ласточка) в качестве обращения. Грузинское слово «**мерцало**» могло заинтересовать переводчика возможностью создания свежей и звучной рифмы: **мерцало – мерцало**.

В целом же перевод грешит многими неточностями – даже в понимании авторского употребления слова «мерцали» в качестве сравнения - «*mercxalivIT*» (как ласточка).

2. *Вы, батано, милый... Неужели?!*

Я заплакал и опять не смог ни о чём сказать...

Я сомневался: Это ли Георгий?

Видит бог, он, конечно, я не обознался!

В оригинале стихотворения Ш. Нишнианидзе «Мне приснился покойный Георгий Шатберашвили» отсутствует слово «батано». Зато есть образ «*xaris Tvalebi da xaris qedi*» (бычья глаза и бычья шея), которого в переводе нет. Замена лирического образа словом уважительного обращения «батано» понадобилось переводчику С. Куняеву, видимо, из-за различного восприятия в русском и грузинском языках сравнения сильного мужчины с быком: в грузинском – это поэтично, а в русском – грубо.

Заимствованная русским языком грузинская лексика играет роль своеобразного мерила как художественно-выразительных возможностей грузинского языка, так и ценнейшей культурно-эстетической информации об истории, интеллекте и нравственных критериях грузинского народа.

Переводы с грузинского на русский вводят в мир грузинской цивилизации не только русскоязычных читателей, но служат промежуточным звеном и своеобразным «вторым оригиналом», с которого выполняются переводы на другие языки. При этом замечено, что вторичные переводы с русского в основном повторяют приёмы русских переводчиков и в своих переводах зарубежные авторы оставляют грузинские слова как некие экзотизмы, снабжая их нужными комментариями.

Говорят, что перевод – визитная карточка гостя среди новых знакомых. Если это так, то следует всячески заботиться о качестве этой «визитной карточки», заботиться о том, что и как переводится с грузинского, какую роль играет в этих переводах собственно грузинский лексический материал, что удаётся, а что – нет. На основании этого анализа вывести обобщения, выводы и возможные рекомендации, чтобы пропаганда грузинской литературы и языка в иноязычном мире носила целенаправленный, систематический и позитивный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахвледиани М.Х. Грузинская нарицательная лексика в языке современной русской поэзии. Труды БГУ. Т. III, Батуми, 1999.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе./ Под ред. Россельса. М., 1980.
3. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., 1980.
4. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М., 2006.
5. Поэтика перевода. Сборник: Перевод с разных языков. М., 1988.
6. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. М., 2005.

M. Akhvlediani (Georgia)

**GEORGIAN LEXIS IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN
POETIC TRANSLATIONS**

Summary

Penetration of the words from Georgian translations into the Russian translation is possible for various reasons. One of the reasons might be the untranslatability of a Georgian word. But more often the reasons may be of pure creative nature, as for instance, preservation of a natural coloring of a work or the fear to lose some nuances of a Georgian word.

The problems of versification play a significant role in a poetic piece of work. The translator's desire to preserve the rhyme, rhythm and melody of a verse not infrequently prompts her/him to use a certain Georgian word in the poem that would easily be translated into Russian in a prosaic text.

Among the reasons causing the use of a Georgian word a subjective factor, the poet's taste and his personal attitude towards the word should not be excluded either.

Translations from Georgian into Russian lead into the world of the Georgian civilization not only the Russian-speaking readers but also serve as a transitional link from which the translations into other languages are often made. Therefore it is necessary to bear in mind what and how is being translated from Georgian and what is the role of the Georgian lexical material itself in these translations.

О РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВАЖА-ПШАВЕЛА „ГОРЫ ВЫСОКИЕ“

Предпосылки анализа: Термин «постколониальный» в научных кругах появился в 1989 году, когда в соавторстве Б.Эшкрофта, Г.Грифитса и Г.Тифина была издана книга «Империя в ответ пишет: теория и практика постколониальной литературы», в которой дается абсолютно новое толкование термина. Термины, утвердившиеся после издания книги, «третий мир» и «содружество», фактически не употреблялось по отношению к бывшим европейским империям. До Первой Мировой войны империалистические владения Европы составляли около 85%. Подобно другим колониальным режимам, Советский строй проявляет имманентные свойства колониализма во всех «братских» республиках в виде русификации. Профессор Кентского университета США, Д.Ч.Муур (Moore 2001: 111-128) классифицирует пять основных признаков колониализма:

- а. Местное правление меняется контролируемым марионетическим режимом, т.е. внешним правлением;
- б. Язык колонизаторов становится привилегированным;
- в. Согласно перспективам, выгодным империи, будут переписаны история колонизированной страны и переделаны исторические факты;
- г. Происходит гонение религиозных традиций, рушатся церкви;
- д. Развитие экономики испытывает детериорицию, она служит доминантным интересам, а не местным нуждам.

Литература отразила идеологический колониализм и тенденциозный перевод советской эпохи. На основе анализа русских переводов Важа-Пшавел, переводы данной эпохи мы называем постколониалистическими; надеемся, что данный

анализ хоть в минимальной мере восполнит дефицит, испытываемый грузинским переводоведением.

Методика анализа перевода: объект анализа - „Горы высокие“, Важа –Пшавела, перевод – Е.Гогоберидзе, год издания перевода - 1961. При сопоставительном анализе оригинала и перевода мы обратились к лингвистической методике переводоведения, а также к методике исследования литфилософии.

Идеологические грани перевода в анализируемом тексте: анализируя переводное произведение, мы обратили внимание на:

а) проявление неэквивалентности по отношению к формам обращения на уровне селекции, обусловленное идеологией создания феминизированного имиджа в колониальной стране;

б) проявление неэквивалентности, обусловленной религиозной идеологией на уровне семантически различных лексических единиц.

в) репродукция в переводе ожидания свободы или стремления к ней лингво-стилистическими средствами, или же нейтральная репродукция; неоправданный видоизменения голоса автора, качественных характеристик героя произведения; субъектная интерпретация проблемы, темы и идеи произведения. Все вышесказанное является гранями постколониального идеологического перевода.

Девальвация цензором авторского религиозного убеждения в переводе: результатом коммунистической идеологии будем считать факт, что лексическая единица в *ღვთაობა* в переводе отсутствует. Анализ показывает, что борьба цензуры с христианско-православной религией переносится на страницы; в данном рассказе Важа-Пшавела метафизирована поддержка Господа сыну Адама; авторская метафора заменена в переводе, в результате такой замены получаем не просто стилистически бедную русскую копию, но и потерю авторского осмысления и авторского видения Бога.

Роль грамматической категории числа в понимании концепта *сердце*: Важа-Пшавела пишет, что *у гор одно сердце, ожидание «морем» наполняет их сердца*. Одно *сердце* включает в себя интересные коннотации; в грузинском лексические единицы: *один* [er'Ti], *общий* [sa'er'To], *единство* [er'To'ba], *верность* [erT'gule'ba] - вбирают в себя возвышенность, благородность. Сравним пример с переводом:

а. *ძოღობი „უსზღვრო ზღვდა დგას იმათ გულში“:*

[molodini usaz'g'h'vro z'g'vada dgas imaT gul'Si]

б. *ожидание переполняет их сердца*.

Сравнение показывает нивелирование авторской прагматической интенции переводчиком, причиной которого мы, опять же, считаем влияние цензуры: как показывает теоретическая часть цензуры, если причиной лингвистической неэквивалентности на грамматическом уровне является отсутствие категории числа в переводном языке, то переводческая стратегия должна быть следующей: переводчик может опустить данную категорию или на лексическом уровне осуществить инкодирование информации. В русском же языке такой проблемы – проблемы категории времени нет

Во время анализа заслуживают внимание трансформации стилистических средств, повторов и метафор; Важа-Пшавела не просто великий «словесный живописец» природы, но и великий мастер аллегории, указывающей на судьбу родины, лишившейся и ожидавшей свободы.

Ожидание приобретает в рассказе Важа-Пшавела красный, кровавый цвет. Стилистический метод создает ассоциативную цепь и аллюзивную метафору, олицетворяющую автором с болью. Таким болезненным, в его представлении было сердце Родины, ожидающее свободы. Эта центральная проблема произведения в переводе решена просто: вместо одного *сердца* в русском тексте встречаем много *сердец*. А аллюзивная авторская метаформа заменена сравнением, нейтрализующим острую картину боли, испытываемой сердцем. И вместо

насыщенных красок оригинала в переводе имеем только выцветшую картину его: *Ожидание переполняет их сердца словно безбрежное море.*

Форма обращения в оригинале и переводе: в социолингвистических исследованиях классифицированы как общечеловеческие, так и характерные для отдельных культур параметральные маркеры на лексико-грамматических уровнях. С целью диверсификации типичных маркеров женской и мужской речи: „male speech vs. female speech”. С точки зрения маркированности, язык чувствителен к селекции форм обращения женщинами и мужчинами. Если в переводе их маркированность нарушена, возникает не только проблема неэквивалентности, но и происходит нарушение авторско-гоимиджа героя. *კარგებო [ka'рге'ბო] (хорошие)* – обращается автор к горам тепло. В переводе не слышно авторского тенора. Считаем неоправданным такую репродукцию формы *კარგებო [ka'рге'ბო] (хорошие)* субъективной стратегией, в результате которой получена форма *дорогие, любимые*. Реализация ни одного контекстуального значения *дорогие, любимые* не даст эффективного эквивалента из-за пресуппозитивного значения комбинации. Тональность коллокации *дорогие, любимые* служит созданию феминизированного имиджа мужчины. Заключение: в общем плане, в ТЛ тексте идеология и грани культурного перевода замещают ценность оригинала; по ориентации цензора, прагматическая интенция автора передана амбивалентно. Такой перевод можно считать также аккультурацией.

Литერატურა:

1. ვაჟა-ფშაველა 1961: თხზულებები. ტომი 2, მოთხრობები, პიესა, წერილები. საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“, თბილისი.

2. Moore D. C. 2001: Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique, in: *PMLA*, 116, 1, Special Topic: Globalizing Literary Studies, (Jan.), 111-128, published by: Modern Language Association Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/463645> (Retrieval date: May 28, 2008).
3. Pym, A. 1992: “Limits and Frustrations of Discourse Analysis in Translation Theory”, *Revista de Filología de la Universidad de La Laguna*, 11, 227-239.

Khatuna Beridze (Georgia)

On Russian Translation of Vazha-Pshavela’s Story “Mountains the High

The comparative study of the short story by the Georgian writer and poet Vazha-Pshavela, “Mtani Maghalni” (“Mountains, the High”) and its Russian translation, performed in 1961, era of Soviet Empire, clearly outline traces of the oppressive censorship. The TL text is assessed as an example of the postcolonial translation.

СТРУКТУРА АВТОРСКОГО МИРОВСПРИЯТИЯ

Открывая любую набоковскую страницу, нельзя совладать со странным чувством узнавания чего-то, что как бы всегда подозреваем, но только не даем себе труда и смелости вдруг осознать во весь рост. Сквозь весь сюжет воспринимаешь некое таинственное сообщение, к повествованию имеющее отношение лишь косвенное, как собранные в комнате предметы - к лучу солнца, их странно освещающему.

При чтении Набокова не оставляет чувство, будто он знал что-то, "из-за плеча его невидимое нам", и что "Лолита" его представляет собой некое линзовое стекло, или зеркало, помогающее взглянуть в область, недоступную прямому зору. Эта область "сквозит" почти везде и всюду, размывая, делая туманно расплывчатой материю его текстов, намекающих на присутствие как бы следующего измерения в нашем, хоть и реалистически-объемном, но не удовлетворяющем сокровенное чутье мире (Ерофеев 1990: 13). Тайна окружает и "Лолиту" Набокова.

В "Лолите" есть нечто странное, что делает ее столь завораживающем привлекательной, прелестной, прельщающей. В страницу Набокова соскальзываешь как с ледяной горки, - но если однажды отдать себе отчет в причинах такой занимательности Набокова, то становится ясно, что привлекает в ней не увлекательность сюжета и даже не "владение словом", с блеском мишурного эпитета, а какой-то посторонний элемент, которого как бы и не должно быть. Хотя конструкции набоковских романов нарочито открыты постороннему взгляду, мы со смущением замечаем, что с перспективой что-то неладно. Наш читательский зрачок при вчитывании в Набокова начинает импульсивно сокращаться, пытаясь уловить истинный и не сразу находимый ракурс настройки. В творчестве Набокова

ищешь какого-то ориентира, центра перспективы, который объяснил бы структуру авторского мировосприятия (Ерофеев 1990: 15).

Предметы и люди в пространстве набоковского текста выглядят необычно искаженными, как на снятой "глазом" фотографии, Без учета "внетекстовых обстоятельств", рассматривая лишь то, что мы видим на бумаге и что мы можем пощупать, как брейлеву букву, особая геометрия набоковской структуры останется для нас скопищем искривленных линий, собранием нравственных лиц, экстатических безумцев и эксцентрических женщин, непохожих сюжет и нереальных ситуаций.

Такая целеустремленность, телеологичность набоковского творчества внятна всем пишущим о Набокове, но обыкновенно объясняется упрощенно. набоковское мироощущение, по словам одного критика, вращается вокруг потерянного детства как символа утраченного рая. По мнению другого, писатель озабочен существованием литературных приемов. Третьи сердобольно трактуют его творчество как побег от диктаторских режимов, с сомнительными рецептами уничтожения тиранов сатирою и т.п., слепо веря, что слово всегда говорит только то, что обозначает его свинцовый оттиск. Существуют и другие попытки, все отличающиеся тем же рьяным, но близоруким стремлением раз и навсегда разобраться с Набоковым миром, найти прямо в тексте ответ на набоковскую загадку, не затрудняя себя думать и выводить какое-либо решение (Апресян 1995: 23).

Явно указующие на некое инобытие тексты Набокова оказываются одновременно совершенно герметическими, как только подступаешь к ним с лупой. Не вполне ясно, каким образом создается читательское ощущение разомкнутости набоковского текста: набоковский идеальный мир, просвечивающий в его произведениях, позволяет проследить себя лишь в виде бликов, недоговоренностей, приблизительных

намеков. " Вот с такого ощущения начинается мой мир: постепенно яснее дымчатый воздух, - и такая разлита в нем лучающаяся, дрожащая доброта, так расправляется моя душа в родимой области. - Но дальше, дальше? - да, вот черта, за которой теряю власть... Слово, извлеченное на воздух, лопаются, как лопаются в сетях те шарообразные рыбы, которые дышат и блистают только на темной, сдавленной глубине. Но я делаю последнее усилие, и вот, кажется, добыча есть, - о, лишь мгновенный облик добычи!, И еще я бы написал о постоянном трепете... и о том, что всегда часть моих мыслей теснится около невидимой пуповины, соединяющей мир с чем-то, - с чем, я еще не скажу "Жизнь довертелась до такого головокружения, что земля ушла из-под ног, и, поскользнувшись, упав, ослабев от тошноты и томности... сказать ли?.. очутившись как бы в другом измерении" (lib.ru/NAVOKOW/lolita.txt).

Вот, наверное, самая точная, самая определенная страница Набокова. В более детальном знании автор нам отказывает. Биографии Набоков словно бы не имел. Хронисту трудно найти сколь-нибудь значительные и яркие эпизоды в его жизни. Явна лишь та оболочка, которая образуется вокруг всякой (включая поддельную) жизни. Либерализм дворянской семьи, чтение слова "какао", Тенишевское училище (сквозь которое Набоков прошел, как сквозь туманность, разминувшись с Мандельштамом и не замеченный Олегом Волковым), затем бегство с семьей в Крым (только так появляется в набоковской жизни революция), учеба в Кембридже, двадцать лет непонятого сидения в Берлине, однажды, вместе с молодым Фондаминским, сценка боксирования на эмигрантском вечере, потом, каплей на раскаляющейся плите, переезды по Европе, затем бегство в Америку (фашизм тоже претендовал на строку в биографии - как и большевизм, безуспешно), затем фильм Кубрика, имеющий к роману Набокова то же отношение, что и сигареты "Lolita", затем Швейцария, 64-й номер в "Паласте", смерть. Что-то там еще было между прочим, какие-то бабочки, тихая

женитьба, преподавание разного сорта - но кроме этой скучной жизни, похожей в пересказе на серый кокон вылупившейся капустницы, больше ничего не отдано на откуп биографу (Носик 1995: 55). Говорить обо всем этом привычным, удобным, известном - в случае с Набоковым будет означать говорить о внешнем и даже постороннем. Та немногая "биография", которую мы имеем, в жизни Набокова играла лишь вспомогательную роль. Кроме того, мы знаем о Набокове поразительно мало. Отдельные, обыкновенно написанные весьма постфактум воспоминания о молодом Сирине, вскакивающем в трамвай и под загибающийся скрежет исчезающем в сторону теннисного корта. Набоков как бы пересидел нашу эпоху сквозной прозрачности незамеченным - сначала далеким от известности, затем скрытым за ореолом "сомнительной славы" (Носик 1995: 86).

Большая и лучшая половина из написанного Набоковым "автобиографична", т.е. берет себе основой впечатления, накопленные автором за предыдущую жизнь. Романы и рассказы Сириня уснащены деталями, образами и воспоминаниями отчетливо личного характера, повторяющимися из романа в роман достаточно часто и случайно, чтобы быть и правдивыми, и непреднамеренными. Такие же романы, как "Машенька", с ее протекавшей на усадебном фоне любовью, "Подвиг" с Кембриджем, "Дар" с берлинским пансионом, „Лолита“ - с Америкой - просто включают в себя целые блоки и периоды авторской жизни. "Другие берега" выглядят целиком принадлежащими мемуарному жанру. Однако, при внешнем совпадении с жанром воспоминаний, "Лолита" - не мемуары. Набоков желает "сохранить для потомства" некоторые события жизни, но добыть из жизни некий водяной знак, "подняв ее на свет искусства". Автор накладывает узоры фактов один на другой, "так, чтобы они совпали", - его интересует не само произошедшее, а его смысл, которого он пытается добиться через дедуктивное соединение с соседними или, напротив,

разнесенными во времени происшествиями и который возникает на линии напряжения между фактами - обусловленный ими, но ими не определяемый. Присяга на верность Мнемозине означает для Набокова готовность к творческому акту, а не консервацию, - воспоминание и вымысел действуют по одному закону, их неожиданно объединяющему, - закону творчества. Именно в такой подотчетности законам памяти, высшим, нежели простое хранительство однажды случившегося, и заключается точность Набокова, когда он вольно летит над полями прошлого. Именно она делает невозможным всерьез использовать материал набоковских романов в словарных статьях и биографических сносках (www.vavilon.metatext/2.ru). Можно сказать что Набоков смотрит на мир по-другому, чем это делает наше, новое поколение, и когда на дороге, "снабженной смоляной гладью саженой в пять шириной" ("Дар"), под кузовом тормозящего грузовика пульсируют карбункулы ("Лолита"), то это не красноречие, а взгляд человека, увидевшего асфальт и автомобиль впервые, - взгляд, может быть, Шекспира или Мольера. "На бензоколонке напоили наш Крайслер" ("Лолита"), "колеса лягались" ("Отчаяние") - что за постоянная анимистическая нота? Чуждость чувствуется всеми и, по существу, одинаково поверхностно преодолевается. Русская критика последовательно упрекала Сирина в холодности и равнодушии, американская, через четверть века, с пиететом усматривала в авторе "Лолиты" консерватора и сноба. Во всех этих независимых друг от друга мнениях есть общее: они заталкивают "странность" Набокова узкой нить эстетизма (Носик 1995: 112).

Однажды, в 60-е, когда находчивый журналист, отхлебнув из чашечки, задал автору "Лолиты" столь же остроумный, сколь тактичный вопрос: "Верите ли Вы в Бога?", - погрузневший Набоков отвечал с честностью и прямоотой, с той степенью откровенности, которая не может быть увеличена без ущерба для точности: "чтобы быть совсем откровенным - я скажу сейчас

кое-что, чего не произносил еще никогда, и надеюсь, что это вызовет благодатный озноб, - мне известно больше, чем я могу выразить в словах, и то небольшое, что я могу выразить, не могло бы быть высказанным, не будь мне известно большего “

(lib.ru/NABOKOW/lolita.txt).

Это "жесткое мнение" Набокова почти пугает решительностью своего выражения, стоит лишь прочувствовать в слепых, ватных, водолазных движениях фразы - настойчивость исследователя еще неведомых областей, не имеющих слова. Любопытно, однако, что страсть выражения никак не воспринимается критиками, видящими в размытости формулы лишь уклончивость автора, не желающего взять да и выдать нам яичко смысла. Даже лучшие ценители творчества Набокова говорят в связи с подобными заявлениями Набокова о его желании оставаться "в неизменной дали и непостижимости" (lib.ru/NABOKOW/lolita.txt).

В результате изучения конкретных жизненных взглядов и творчества Набокова можно сказать без сомнений, что жизнь и творчество писателя, и сам себе писатель так непохожий по внутренней структуре и качествам разумом что можно сказать он человек ни от нашего века но от века который так далеко от нас.

Литература:

1. *Апресян 1995 : Апресян Ю.Д. "Дар" в космосе Владимира Набокова. Москва.*
2. *Ерофеев 1990: Ерофеев В.В. Русская проза Владимира Набокова. Москва.*
3. *Набоков 2004: Набоков В. "Лолита". Москва.*
4. *Носик 1995: Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. Москва.*
5. *Nabokov 2002: Nabokov V. Lolita . Москва.*

6. www.lib.ru/NABOKOW/lolita.txt .

Tea Zoidze (Georgia)

STRUCTURE OF THE AUTHOR'S WORLDVISION

Summary

Nabokov's Worldvision, his writing is deep-thinking theme for critics and just for the readers, for some of them, he is just a simple writer who put his maniac ideas into his heroes and made them act in maniac ways, and for some of them he remains as a writer who does not pertain to our century, but to other- the coming century.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В РАМКАХ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Среди многообразия проблем, вытекающих из определения понятия “стереотип”, можно выделить ряд наиболее важных и одновременно спорных, представляющих несомненных интерес для исследователя, занимающегося этническими стереотипами.

Одна из центральных проблем – лакуны. Именно лакуны могут вызвать наибольшие проблемы в процессе межкультурной коммуникации, поскольку они, как правило, не воспринимаются носителями другой культуры.

Главной особенностью лакун является то, что они возникают в процессе общения, в ситуации контакта двух культур, обменивающихся текстами.

Если систематизировать культурологические лакуны в соответствии с моделью процесса межкультурного общения, то все известные разновидности лакун можно поделить на четыре группы:

- субъектные лакуны, отражающие национально-культурные особенности коммуникантов к различным лингвокультурным общностям;
- деятельно-коммуникативные лакуны, отражающие национально-культурную специфику различных видов деятельности в их коммуникативном аспекте;
- лакуны культурного пространства (ландшафта), если рассматривать процесс общения в широком смысле, или лакуны культурного интерьера, если рассматривать тот или иной конкретный коммуникативный акт;
- текстовые лакуны, возникающие в силу специфики текста как инструмента общения; специфику текста могут составлять содержание, форма фиксации и воспроизведения или

восприятия материала, ориентация на определенного реципиента, поэтика автора и т.д.

Особый интерес с точки зрения поставленной проблемы представляют лакуны субъектные и деятельно-коммуникативные лакуны, поскольку первые возникают в связи с особенностями национального характера различных народов, а вторые глубоко раскрывают специфику видов деятельности, характерных для той или иной нации, то есть, по сути, способствуют пониманию возникновения стереотипов в разных обществах.

Субъектные лакуны классифицируют как субъектные или же как национально-психологические лакуны. Эти лакуны возникают в результате несовпадения национально-психологических типов участников коммуникации. В соответствии с составляющими национальной психологии можно выделить несколько подгрупп субъектных лакун.

Существование “характерологических” лакун обусловлено специфическими особенностями национального характера носителей различных локальных культур. В результате межкультурного общения в одних культурах складываются определенные стереотипы в отношении других культур, в частности такие, которые фиксируют наиболее характерную для той или иной нации черту, слабее выраженную у других народов. Принято считать, например, что главное в английском национальном характере – уравновешенность, во французском – страстность, в американском – прагматичность, в немецком – пунктуальность. Пунктуальность можно рассматривать как относительную характерологическую лакуну для испанцев и латиноамериканцев в сравнении с носителями немецкой и голландской культур: пунктуальность высоко ценится у немцев и голландцев, но мало что значит для испанцев и еще меньше для латиноамериканцев (Кон 1971: 114, 125-126).

Необходимо отметить, что все характерологические лакуны относительны. Сами по себе черты характера являются общечеловеческими, в совокупности представляя собой некий

инвариант характера народа, в национальных же вариантах характера эти общечеловеческие признаки занимают разные места в системе ценностей соответствующей культуры, различаясь по степени распространенности. Подтверждает это положение анализ такого присущего всем народам признака национального характера, как трудолюбие: "...можно увидеть разницу между трудолюбием американцев и трудолюбием, например, немцев. Трудолюбие немца – это основательность, точность, шаблонность, добросовестность, дисциплинированность, предусмотрительность, но без размаха и риска. Трудолюбие американца – это размах, энергичная напористость, неиссякаемый деловой азарт, инициативность ...” (Феденко, Луганский 1965: 28, 38). Таким образом, для американцев содержание такого признака, как трудолюбие, во многом не совпадает с тем, как понимают его немцы: явно выраженные организаторские данные, способность мгновенно ориентироваться в ситуации, характерные для американцев, являются лакунизированными для немцев, уравнивающих между собой понятия трудолюбия и дисциплины.

Особо следует сказать о группе “саморефлективных” характерологических лакун, отражающих понимание и представление о себе носителей тех или иных культур. “Самопредставление” этноса (нации) представляет собой лакуну в том смысле, что оно отражает более глубокое проникновение в суть национального характера, чем то, на которое способны носители другой культуры. Иностранцу, например, трудно уловить смысл финского “сису”, определяющего основу финского национального характера. Словарь определяет это понятие как “запас жизненных сил, выносливость, выдержка, терпение, сила воли, мужество, смелость, смекалка” [цит. по Кучкина О. Зеленый цвет – цвет надежды. // Театр. – 1981 - № 4, с.140; 28]. В жизни “сису” проявляется, по словам самих финнов, как решимость перед лицом трудностей; финн обращается к “сису” как к резервуару энергии, когда все другие

ресурсы уже исчерпаны. Сами финны говорят, что иногда “сису” означает упрямство, нежелание уступить, изменить распоряжение, признать, что был не прав, ставящее в затруднительное положение там, где необходимо быстро переориентироваться.

Таким образом, характерологические лакуны могут быть по меньшей мере трех видов:

- лакуны, отражающие традиционное и в определенной мере стереотипное восприятие национального характера другого народа (например, “англичане уравновешенны”);

- лакуны, отражающие несовпадения в том, как проявляются у разных народов аналогичные качества (например, трудолюбие);

- саморефлективные лакуны, отражающие то, как носители той или иной культуры понимают свой национальный характер (например, финское “сису”).

Среди национально-психологических лакун следует выделить и такие, которые связаны с несовпадениями (национальными особенностями) “склада ума” носителей различных культур, - “силлогистические” лакуны. Исследователи отмечают более или менее значительные расхождения в этой области национальной психологии: немецкому мышлению присущи философская широта и глубина абстрагирования, мышлению англичан – стремление не прибегать к абстракциям; французам свойственна ярость и живость воображения, идеи для них предпочтительнее фактов; напротив, англичан отличает сдержанность воображения, они ориентируются на факты, числа, а не теории (Бромлей 1973: 28, 83-85).

Национально-специфические особенности мышления представителей различных культур могут стать причиной возникновения “ментальных лакун”, которые относятся ко второй группе – к деятельно-коммуникативным лакунам. Существование ментальных лакун выявляется при решении реципиентом мыслительных задач, характерных для чужой

лингвокультурной общности. Такого рода лакуны возникают, например, в тех случаях, когда носителям некоторой культуры предлагается отгадать загадку в переводе с другого языка. В этом случае реципиенты неспособны дать правильный ответ на загадку, отражающую специфику чужой культуры. В данном случае наличие лакун нарушает процесс межкультурного общения. Для того, чтобы это своеобразное межкультурное общение состоялось (то есть чтобы на загадки были даны правильные ответы), необходимо не только перевести тексты с одного языка на другой, но и построить их в привычной для носителя переводящего языка форме, в соответствии с особенностями склада его ума, ввести традиционные для переводящего языка культурно-этнографические образы и символы.

Литература:

1. Бромлей Ю.В 1973: Этнос и этнография. Москва.
2. Кон И.С 1971: К проблеме национального характера. // История и психология. Москва.
3. Кучкина О. 1981: Зеленый цвет – цвет надежды. // Театр. – 1981 - № 4.
4. Феденко Н. Ф., Луганский Н. И.: Некоторые национально-психологические особенности населения и личного состава армий империалистических государств. Москва.

Ketevan Svanidze (Georgia)

**Cultural Lacunas in Models of Intercultural
Communication**

Summary

One of the central problems of intercultural communication are lacunas. That lacunas can cause the greatest problems in the process of intercultural communication, since they are usually not perceived by speakers of other cultures. The main feature of the gaps is that they arise in the process of communication in situations of contact between two cultures, exchanging texts. It is this issue is devoted to this article.

ЭТИКЕТ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В поведении и общении с другими людьми неизбежно проявляется внутренний мир человека. Мимика и жесты играют большую роль в оценке окружающими уровня воспитанности. Знающему и соблюдающему правила этикета человеку гораздо легче живется в любом обществе.

Мимика и жесты играют большую роль в оценке окружающими уровня воспитанности того или иного человека (собеседника) (Кибанов 2008: 191). Например, некоторые люди не знают, что делать со своими руками. Незанятые руки держат спокойно. Если есть привычки теребить что-нибудь, стучать пальцами по столу или стулу, щелкать большими пальцами, чесать затылок или за ухом, массировать руками щеки или пальцем переносицу, демонстративно рассматривать свои ногти и т. д., то от них нужно отучиться. Неприлично указывать пальцем. Не отставляют мизинец во время еды, танца или курения.

Во время разговора рот рукой не прикрывают, не хлопают собеседника по плечу, не теребят пуговицу его пиджака, не толкают его локтем, не стряхивают с его или со своей одежды пылинки (чтобы снять нитку или волос с одежды собеседника, спрашивают у него разрешение). При разговоре жестикуляцию сводят до минимума. Только некоторые слова и фразы, такие как *«Садитесь, пожалуйста»*, *«Познакомьтесь, пожалуйста»*, *«Можно вам представить?»* и т.д. сопровождаются соответствующим жестом. Жесты должны быть скупые, неразмашистые, определенные: легкий кивок головы (утверждение), нерезкий взмах кисти (а не всей руки) в дополнение к сказанному, нерезкий поворот головы при обращении к кому-то или в ответ на обращение к вам (Кузнецов 2005: 65).

При посещении других стран особенно внимательно следят за своими жестами. Так, жест «все о'кей» (все хорошо), хорошо известный во всех англоязычных странах, а также в Европе и Азии, в других странах имеет совершенно другое происхождение и значение. Во Франции он означает «ноль» или «ничего», в Японии — «деньги». Поднятый вверх большой палец в Америке, Австралии, Англии и Новой Зеландии имеет два значения: попытка поймать попутную машину («останови») и «все в порядке». Если поднимают вместо большого средний палец, то это имеет оскорбительное значение. В Греции жест с поднятием большого пальца означает «заткнись». У итальянцев это обозначает цифру. Говоря о себе, европеец покажет рукой на грудь, а японец — на нос.

Когда француз или итальянец стучит себе по голове, это значит, что он считает какую-либо идею глупой. Если британец или испанец шлепнет себя ладонью по лбу, то тем самым он покажет окружающим, что доволен собой. Тем же самым жестом немец выражает свое крайнее возмущение по отношению к кому-либо. Голландец, стуча себе по лбу и при этом вытягивая указательный палец, сообщает, что идея ему понравилась, но он считает ее слегка сумасшедшей. Там же, в Голландии, поворот указательного пальца у виска означает, что кто-то сказал остроумную фразу.

Поднятые брови в Германии обозначают восхищение; в Англии — выражение скептицизма. Итальянец выражает недоверие, когда постукивает указательным пальцем по носу. Этот же жест в Голландии означает, что говорящий или о ком говорят находится в состоянии алкогольного опьянения. Когда француз чем-то восхищен, он соединяет кончики трех пальцев, подносит их к губам и, высоко подняв подбородок, посылает в воздух нежный поцелуй. Если он потирает указательным пальцем основание носа, то это означает, что он не доверяет тому, о ком говорят.

Движение пальца из стороны в сторону в США и Италии означает легкое осуждения или угрозу; в Голландии — отказ (Пиз 2006: 14-15).

В некоторых африканских странах смех означает изумление или замешательство. В Алжире или Египте арабский жест подзывания схож с российским жестом прощания. Многие жесты не фиксируются сознанием, но в полной мере передают настроение и мысли человека. Если есть желание прослыть внимательным и интересным собеседником, то нужно разбираться в жестах и мимике. Итак, если пальцы рук сцеплены. Возможно три варианта:

— скрещенные пальцы рук подняты на уровне лица, лежат на столе, лежат на коленях. Этот жест обозначает разочарование и желание собеседника скрыть свое отрицательное отношение;

— защита рта рукой. Данный жест обозначает, что слушающий чувствует, как вы лжете;

— почесывание и потирание уха. Этот жест говорит о том, что человек наслушался вдоволь и хочет высказаться;

— почесывание шеи. Данный жест говорит о сомнении и неуверенности человека;

— оттягивание воротничка. Этот жест используется тогда, когда человек разгневан или расстроен. Может использоваться и в том случае, когда человек солгал и заподозрил, что его обман раскрыт;

— пальцы во рту. Данный жест говорит о внутренней потребности в одобрении и поддержке;

— подпираание ладонью щеки. Жест говорит о том, что собеседнику стало скучно;

— указательный палец направлен вертикально к виску, а большой палец поддерживает подбородок. Жест указывает на то, что собеседник негативно или критически относится к тому, что слышит;

— собеседник потирает лоб, виски, подбородок, прикрывает лицо руками — это свидетельствует о том, что он не настроен разговаривать в данный момент с кем-либо;

— человек отводит глаза — это является самым ярким показателем того, что он что-то скрывает;

— скрещенные руки на груди собеседника сигнализируют о том, что лучше разговор закончить или перейти на другую тему. Если собеседник скрестил руки и сжал ладони в кулак, то это означает, что он настроен крайне враждебно. Необходимо как можно скорее закончить разговор. Если собеседник при скрещивании рук обхватывает плечи, то это означает, что он уже готов перейти в рукопашную;

— жест «пощипывание переносицы», поза «мыслителя», когда подпирают рукой щеку — это жесты размышления и оценки;

— почесывание указательным пальцем правой руки места под мочкой уха или боковой части шеи, потирание указательным пальцем носа — это жесты сомнения, которые свидетельствуют о том, что в разговоре собеседнику что-то неясно;

— обиженный человек чаще всего принимает следующую позу. Он приподнимает плечи и опускает голову. Если собеседник принял именно такую позу, то тему разговора следует поменять;

— человек, стремящийся закончить беседу, опускает веки. Если ваш собеседник носит очки, то он снимет очки и отложит их в сторону;

— если ваш собеседник покусывает дужки очков или постоянно снимает и надевает очки, это значит, что он затягивает время для принятия решения. В этом случае вам необходимо помочь вашему собеседнику и дать необходимое ему время на обдумывание;

— если ваш собеседник ходит по комнате, это значит, что разговор интересует его, но ему нужно подумать, прежде чем принять решение;

Человек самодовольный и высокомерный складывает кисти рук вместе.

Уверенного в себе человека, который хочет показать свое превосходство над другими, можно распознать по жестам «закладывание рук за спину с захватом запястья» и «закладывание рук за голову». С таким человеком общение затруднительно. Поэтому если хотят расположить его к себе, то наклоняются немного вперед с протянутыми ладонями и просят объяснить что-либо. Другой способ заключается в копировании жеста.

Если собеседник неожиданно начал собирать ворсинки с одежды, и при этом отвернулся от говорящего или смотрит в пол — это означает, что он не согласен со сказанным или не хочет высказывать свое мнение.

Человек, который во время разговора держится руками за боковые края стула или его руки лежат на коленях, хочет прекратить разговор. В таком случае беседу сразу прекращают.

По тому, как слушающий выпускает дым сигареты, можно определить его отношение к собеседнику и к разговору. Если он выпускает дым постоянно вверх, это означает, что он настроен положительно и разговор ему нравится. Если дым направлен вниз, то человек, наоборот, настроен негативно, причем чем быстрее он выпускает дым, тем больше разговор ему неприятен.

Походка также является важным определяющим фактором в сиюминутном состоянии человека. Если у человека руки находятся в карманах или он ими размахивает, если он смотрит под ноги, находится в угнетенном состоянии. Человек, у которого руки сцеплены за спиной, а голова опущена, чем-то озабочен.

Литература:

1. Кузнецов И.Н. 2005: Корпоративная культура делового общения. Москва.
2. Пиз А. 2006: Язык жестов. Увлекательное пособие для деловых людей. Москва.
3. Кибанов А.Я., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. 2008: Этика деловых отношений. Москва.

Tamar Diasamidze (Georgia)

ETIQUETTE IN NONVERBAL COMMUNICATION

Summary

In this article we have discussed the role of etiquette in nonverbal communication. We found out that that hand gestures are not similar to each country, they have different meaning and translation in different countries and On the basis of the analysis we came to the conclusion that before using the gestures we should know their meanings.

РЕЧЬ КАК НАИВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Речь наиважнейший фактор в жизни человека, потому что это средство коммуникации, посредник между человеком и обществом, который играет важную роль при общении людей.

В типичной речевой ситуации, включающей говорящего, слушающего и высказывание говорящего, с высказыванием связаны самые разнообразные виды актов. При высказывании говорящий приводит в движение речевой аппарат, произносит звуки. В то же время он совершает другие акты: информируя слушающих либо вызывает у них раздражение и скуку, либо доброжелательность и интерес (Серль 1986:151).

В широком смысле слова, речевой этикет характеризует практически любой успешный акт коммуникации. Поэтому речевой этикет связан с так называемыми постулатами речевого общения, которые делают возможными и успешными взаимодействие участников коммуникации. Это постулаты, сформулированные Г.П. Грайсом (1975), которые выводятся из лежащего в основе всякого общения принципа кооперации. К постулатам речевого общения относятся: постулаты качества (сообщение не должно быть ложным или не имеющим под собой должных оснований), количества (сообщение не должно быть ни слишком кратким, ни слишком пространным), отношения (сообщение должно быть релевантным для адресата) и способа (сообщение должно быть ясным, четким, не содержать непонятных для адресата слов и выражений и т.д.). нарушение одного или нескольких из этих постулатов в той или иной степени влечет за собой коммуникативную неудачу (Серль 1986:169).

Свойство речи исходит от свойств человека и его характера, так как человек с помощью речи создаёт микротексты и

воспринимает разные произведения, эти тексты отличаются друг от друга своими сложностями языковой структуры, глубиной реализма, точностью и целенаправленностью, где человек выражает свою связанность с миром. За каждым текстом и каждой фразой стоит личность с личным мировоззрением. Мировоззрение у человека формируется в результате взаимодействия систем ценностей, система ценностей личности представляет собой «картину мира», ее восприятие, жизненные цели, мотивацией поведения, которые в последующем формируются как тексты. Если человеческую речь, представленную в виде текста, будем рассматривать с помощью лингвистического анализа, то мы будем иметь общее мнение о мировоззрении личности и его смысла. Для этого достаточно всего лишь рассмотреть короткие формы речи, выраженные с помощью реплик в разных диалоговых ситуациях, или же несколько предложений в том или ином ракурсе дискуссии, но в этом случае главное длительность времени, сколько фраз будут использованы за промежуток времени. Например: *Здравствуй-те (здравствуй)* слово, которое употребляется при встрече как приветственная фраза в русском языке. Однако фактическое значение слова - пожелание здоровья, так же, как «*здравия желаю*» повелось с древних времен и считалось жестом уважения при приветствии. Выражение произошло от слова «*Здравствовать*» быть здоровым, благополучно существовать. В разговорной речи слово иногда сокращается до «*здасьте*» (Фолсом 1974:40) в «Книге о языке» рассказывает, что древние греки приветствовали друг друга: *Будь здоровым!* Арабы говорят: *Мир с тобой!* а индейцы навахо: *Все хорошо!*

Русские спрашивают: *Как здоровье?* А вот древние египтяне полагали, что при встрече накоротке, некогда, да и ни к чему делать анализ своего здоровья. Они спрашивали конкретно: «*Как вы потеете?*» Как видим, самые разнообразные стереотипы речевого этикета запечатлели особенности быта (Формановская 1989:35).

“Человек собой представляет реальную модель языковой личности, в которой фактически невозможно выявить единую систему, гармонию и единство, так как с одной стороны он кровно связан со своей эпохой, а в то же время многое заимствует из всевозможных источников прежних эпох. Но в то же время опыты и общий итог подводят к мысли о возможности языкового воздействия на формирование мировоззрения, языкового сопровождения процессов становления личности, о выработке принципов своеобразного ортолингвонеза, обеспечивающего языковую сторону воспитания и совершенствования человека.

Если рассматривать речь как социально – психологический характер личности, то придём к выводу, что человек в среднем проживает 25 тысяч дней. Большая часть из этих дней в зрелом возрасте строится довольно стандартно для данной личности. Исходя из этого, можно увидеть, как развивается языковая личность в историческом времени. Что подвержено наибольшему изменению на каждом из уровней, как взаимосвязаны изменяющиеся параметры, например, состав лексикона и жизненные идеалы, или иерархия ценностей в картине мира и моральные принципы и т. п. “ (Серль 1986: 169).

Речевое поведение человека – сложное явление, оно связано с особенностями его воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также и национальной общности особенностями. Речевое поведение стереотипно, привычно, поэтому оно выражается в стереотипных высказываниях, речевых клише, с одной стороны, и в каких-то сугубо индивидуальных речевых проявлениях данной личности – с другой. К этому надо добавить и неречевые (невербальные) средства коммуникации – жесты, мимику, тональные и фонационные особенности. Иначе говоря, в речевом поведении проявляется языковая личность, принадлежащая данному времени, данной стране, данному

региону, данной социальной (в том числе и профессиональной) группе. При коммуникационном взаимодействии важную роль играет внешность человека, так как слушатель не только слышит, но и видит его, следовательно, принимает от него множество сигналов в виде жестикуляции, мимики, в манере его уверенности, во всей культуре его поведения. Прежде всего, необходимо сохранять принятую в данной национальной и социальной культуре дистанцию между собой и партнёром. Например, латиноамериканцы любят меньшую для общения дистанцию, нежели англичане.

Исходя из выше сказанного, речевой этикет, его культура, языковые идеалы, основанные на национально-социальной и личностной «картине мира», дают нам возможность увидеть в человеке как частную, так и общественную речевую культуру, высоту его духовного уровня в социальной сфере.

Литература

1. Серль 1986: Серль Дж. Р. Что такое речевой акт (Новое в зарубежной лингвистике) Вып. 17. Москва.
2. Фолсом 1974: Фолсом Ф. Книга о языке. Москва.
3. Формановская 1989: Формановская Н. Речевой этикет и культура общения. Москва.

**SPEECH AS MOST IMPORTANT FACTOR OF
SOCIAL STATUS**

Summary

The development of society is conditioned by of speech, which is the most important factor of someone's life. Because it is facilities of communication between a person and the society. There is the social and the person's apprehension. Each of them apprehend the fact or text and express in speech, but we should not forget that verbal and nonverbal texts are sometimes non percept. We should foresee that intellectuality, social level, with his mentality how large is his thesaurus about common things and so on. So, all the aspects mentioned above lead as to necessity of linguocultural analysis of speech.

СЛОЖНОСТИ, ВЫЗВАННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ И ИСТОРИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ БИБЛИИ

Перевод Библии на разных языках и желание распространить ее в разных нациях и странах имеет большую историю. Известно, что после мученической смерти и воскресения Христос наставляет своих учеников: *"Дано мне власть над небом и землей, поэтому идите и обретите учеников"*. Интересно отметить тот факт, что после этого ученикам Иисуса было дано понимание многих языков, что в свою очередь дает основание предположить как разрешение Всевышнего на перевод Библии.

Тонкости и сложности отношения языка и религии представляет то, что язык, являющийся средством коммуникации, в то же время является формой, выражающей религиозное содержание.

Известный факт, что и по сей день богослужение в католической церкви исполняются на латинском языке, непонятным для многих прихожан, также как и в русской церкви - на старославянском языке. Эти и другие факты являются средством защиты христианской догматики. В таком случае ставиться второй вопрос:

Так почему же не гасло желание переводить Библию на собственный язык в людях разных национальностей

По мнению семиотики язык и религия это две самобытные системы знаков, у которых есть собственное содержание и собственные средства выражения этого содержания. Содержание языка и религии это два разных видения мира (две картины, две модели) (Мечковская 1998: 3). Язык содержит самую элемен-

тарную картину мира, а религия - самую сложную (Мечковская 1998: 4).

Известно разные формы общественного сознания: искусство, философия, мораль, право, наука и религия. Язык в этих формах выступает как их предусловие и универсальной формой; а религия универсальное содержание, исторический первоисточник.

В труде "Современное переводоведение" В. Комиссаров отмечает:

"Перевод - это лингвистический эксперимент в сопоставительном изучении языков" (Комиссаров 2002:27).

В последнее время в условиях развития культурных отношений между разными странами, особую роль занимает перевод с разных европейских языков и не только с европейских но и наоборот.

Для достижения адекватного перевода необходимо совершенное знание как оригинала так и переводческого языка с учетом существующей в нем специфики и умения их правильного использования.

Вспомним, в начале XIX века составленный четырех томный словарь, немецкий учеными И.А. Аделунгом и И.Фатером. С названием "Митридате или общая наука языка", в котором представлены фрагменты из Библии "Отче Наш" на пятистах языках.

Как видим, сопоставительный анализ языков и в том числе грузинского и английского языков имеют прецедент на примере священного писания.

В современном семиотике язык и религия рассматриваются как семиотические системы, которые имеют свое содержание и средство выражения. Каждый из них представляет особенную интерпретацию мира. Язык и религия отличается от других форм общественного сознания: искусство, философия, морали, права, науки и т. д.

Язык универсальное средство общения, техника, с помощью которых получили развитие все остальные содержания общественного сознания. Можно исходить из того, что язык является универсальным средством общения, техникой, а религия универсальным сакральным смыслом, самым важным для человека.

"Сакральный смысл Библии не разлучим с теми словами, при помощи которых он получил первоначальное выражение. Потому сакральные мысли первоначально же были зависимы от форм выражении" (Комиссаров 2002:4).

Драматизм и парадокс союза языка и религии состоит в том, что язык выступает не только в роли коммуникативного средства, но и как предусловие религиозного противостояния и форма, которые в конечном счете приводят к изменениям сакральных смыслов.

Отличительный (особенный) язык придавая сакральному тексту надежность, истинность, вечность.

Язык и религия - это две семиотики, два видения мира, две стихии в человеке глубоко идущими корнями в подсознании человека (Комиссаров 2002:36). "Для человека мир его родного языка являются той выразительной и мыслительной средой, которой живет его подсознание, и которая так необходимо для его существования" (Комиссаров 2002:36).

Вся тонкость и сложность отношений между языком и религией состоит в том, что язык, являющийся коммуникативным средством, также представляется нам формой, выражающей религиозные содержания.

Каждый язык уникален, и вместе с тем для языков характерен универсализм, который выражает единство соображений, и именно универсальность делает возможным перевод. Перевод является особенным видом трансформации межъязыковой системе, когда переводной язык синтаксического текста превращается в соответствующую структуру переводческого языка с учетом определенным правил (Комиссаров 2002:36).

Вышеуказанный процесс порождает множество лингвистических сложностей, и путей их решения изучает переводоведение. Сложности при переводе сакральных текстов, по нашему мнению достигает максимума, так как в священном писании посредством языка возникает новый мир - Духовный мир. Здесь, "Слово отказывается от своего прямого содержания, чтоб вместить в себе нечто больше и передать" (Комиссаров 2002:24).

В священном писании посредством языка создается священное духовное поле, и поэтому в этом случае слово оставляет себе беспредельность мысли.

При переводе обычного текста, по словам Комиссарова, главное внимание обращается тому, чтобы единицы переводного и переводческого языка полностью соответствовали содержанию.

В случае священного писания наряду с другими проблемами переводчику предстоит решить множество проблем, связанных с переводом. Он должен сохранить в переводе духовное пространство оригинала. Архимандрит Архимандрит требует, чтобы они смогли прочувствовать, пережить и оценить каждую фразу, каждое слово переводного текста и конечно же они должны быть участниками церкви

Литература

- 1.Аделунгом 1984: Аделунг И. А., Фатер И. Митридат или общая наука языка. Москва.
- 2.Комиссаров 2002: Комиссаров В. Современное переводоведение. Москва.
- 3.Мечковская 1998: Мечковская Н.Б. Язык и Религия. Москва.

Leila Gogitidze (Georgia)

**LINGUISTIC AND SEMANTIC DIFFICULTIES DURING
THE TRANSLATION OF THE BIBLE**

Summary

The given paper is deal with the difficulties during the translation of the Bible. The main difficult problem is to translate the text of the Bible as not to break the holly spiritual field but in spite of this difficultness people needed to have the Bible on their own language to feel the holly words deeply.

Светлана Родинадзе (Грузия)

ВЕРБАЛЬНАЯ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МОРСКОЙ СИСТЕМЕ

Роль коммуникации в современном обществе резко возросла, она приобретает все большее значение. Коммуникация в широком смысле представляет собой обмен информацией между индивидами с помощью общей системы символов. Коммуникация осуществляется как вербальными, так и невербальными средствами. Различают также механический и творческий подходы осуществления коммуникации. В первом случае коммуникация является однонаправленным процессом кодирования и передачи информации от источника информации до ее получателя. Коммуникация с творческим подходом представляет собой совместную деятельность участников коммуникации, при которой вырабатываются общие в определенной мере представления о предметах и действиях.

Внутри экипажа корабля информация с одного уровня на другой распространяется в рамках вертикальной коммуникации. Коммуникация между морскими офицерами и рядовыми может быть наиболее важным компонентом коммуникаций, существующих в морской сфере. Хотя, это является примером обмена информацией по вертикали.

Передача информации возможна и по нисходящему пути, т.е. с верхних уровней к низшим, с офицеров к рядовым морякам. Подобным способом подчиненным уровням сообщают об изменении курса, дают конкретные задания, процедурные рекомендации и т.д. Так, например, механик может дать распоряжение мотористу смазать насос и др.

Наряду с этим в морском флоте нужны и восходящие коммуникации. Передача информации с низших уровней к верхним имеет большое значение. Восходящие коммуникации выполняют также функцию сообщения верхним уровням

информации о положении, существующем на низших уровнях. Офицеры так получают информацию о работе механизмов или же об их неисправности. Обмен информацией по восходящему пути обычно происходит в виде рапортов, докладных. В морской сфере используются также горизонтальные коммуникации. Например, во многих случаях необходим обмен информацией между разными судами, а также связь с береговой линией. Для осуществления этого в морском флоте используются как вербальные, так и невербальные коммуникации. На судне коммуникация в основном осуществляется в виде приказов. Существуют стандартные фразы международной морской организации, являющиеся общими для всех судов. Например:

Switch on\off power and report! Включить// выключить электропитание и доложить

Power switched on\off Электропитание включено//выключено

Power supply not operational Источник электропитания не исправен

Close all watertight doors and report Закрыть водонепроницаемые двери и доложить!

Watertight doors closed Водонепроницаемые двери закрыты

Watertight doors not accessible\operational Водонепроницаемые двери не доступны/ не исправны.

Другими средствами морской коммуникации являются: радиокommunikация, коммуникация флажками, свистом, коммуникация светом, код Морзе и др.

Все современные суда имеют радиокommunikативное оборудование. Коммуникация с кораблями в основном осуществляется этим средством. Если суда находятся близко друг к другу, для общения они используют высокочастотный радиотелефон (VHF радио). Такие телефоны используются для получения информации о погоде, сигналов при бедствиях, а также для общей коммуникации. Новейшими методами ус-

тановления коммуникации является факсимиле и компьютер, с их помощью можно осуществить передачу и получение данных.

Поблизости с береговой линией суда могут использовать мобильные телефоны для осуществления коммуникации. Однако не все прибрежные населенные пункты оснащены этой системой.

Установление связи возможно и при помощи спутниковых коммуникаций. Существуют спутники разного типа. Они классифицируются по высоте своего размещения. Сообщение отправляется на спутник, оттуда его можно переслать на другой спутник, после чего оно вновь возвращается на Землю. Границы покрытия спутника охватывает всю планету. Специальная спутниковая система «GEO system called inmarsat» была создана странами, являющимися членами ИМО (международной морской организации). Отмеченная система обеспечивает всякую коммуникацию: звуковые сигналы, факсимиле, передает данные и сигнал бедствия по всей планете, кроме Северного и Южного полюсов.

Несмотря на то, что под водой радиотелефон работает не очень хорошо, люди связываются друг с другом подводными средствами для разговора и микрофонами, называемыми гидрофонами. Они используются для отправки и получения голосовых сообщений. С помощью этого метода ныряльщики могут говорить друг с другом под водой. Моряки также используют гидролокаторы для обнаружения подводных лодок и находящихся вблизи судов.

Код Морзе является еще одним средством для установления коммуникации. В военной сфере этот код весьма важен. Каждая точка и тире имеют разное значение и выражают разные цифры и буквы. На сегодняшний день код Морзе заменили другие, более современные средства, однако в ряде случаев до сих пор используют этот код.

Коммуникацию можно осуществить и с помощью судового гудка. Например, один гудок означает «меняю курс

вправо», два коротких гудка означает «меняю курс влево», три коротких гудка – «иду назад». Длинные гудки в каждые две минуты подаются тогда, когда судно плывет в тумане.

Флажки также являются средством коммуникации. Кроме флага того или иного государства, под которым плывет судно, оно имеет также разные флажки для каждой буквы алфавита. По-разному располагая флажки, сигнальщик сообщает нужную информацию. Приведем несколько примеров:

A	Alfa	Diver below, OR undergoing speed trial
C	Charlie	Affirmative\Yes
E	Echo	Altering course to starboard
h	Hotel	I have a pilot
O	Oscar	Man overboard
U	Uniform	You are coming into danger

Литература:

1. IMO STANDART MARINE COMMUNICATION PHRASES, СПб, 1997.

2. www.omniglot.com

3. www.srwflags.com

4. www.absoluteastronomy.com

Svetlana Rodinadze (Georgia)

Verbal and nonverbal communications in marine system

Summary

The role of communication is increasing considerably in the world nowadays. Communication is exchanging information among people with common system symbols. Communication may be held by verbal and nonverbal methods. They both verbal and nonverbal communications are used in marine fleet. On board ships vertical and horizontal communications are also used. On board communication is mostly held by orders. Other means of communication is radio communication, communication with flags, whistles, lights, Morse Code and others.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Суть взаимосвязи между языком и культурой с каждым днем вызывает все более острый интерес среди народов - носителей фоновых знаний. Во время языковых взаимоотношений между представителями различных лингвокультурологических сообществ проблему понимания создает не столько разница языков (значительно легче формируются навыки разговора и восприятия на слух, письма и чтения на иностранном языке), сколько «смысловая разница языков». Самобытность языкового содержания обусловлена отраженной в языке культурой и наделенной ею значением. Гуденаф дает такое объяснение культуре: «Культура общества подразумевает знание или веру человека в то, что он должен действовать в сообразной для представителей его круга манере» (Goodenough 1957:167). Это знание приобретено социально: обязательные нормы поведения выработаны, и они не передаются генетически. Соответственно, культура является тем «ноу-хау», которым человек должен владеть для решения каждодневных жизненных задач, что также подразумевает и знание музыки, литературы и культуры.

Тут же мы считаем уместным, разъяснить термин «аномалия»:

Аномалия – это явление или предмет, являющийся странным, необычным и уникальным по своей природе. Этот термин также используют в значении неповиновения или отклонения от узаконенных тенденций и правил (<http://en.wikipedia.org/wiki/Anomaly>).

За каждой альтернативной лексемой стоит индивидуальная концептуальная структура и если её не учитывать, то можно придти к парадоксальному заключению: значение слова, данное

в словарной статье, представлено неполно, узко, вырвано из когнитивической реальности и даже неадекватно (Омиадзе 2006: 60).

Из вышесказанного следует, что в рамках одного языка существует несоответствия между обозначением и значением, но это противоречие преодолевается на смысловом уровне. В противном случае коммуникация была бы невозможной.

Задачей перевода всегда являлось обозначение сути одного и того же с помощью различных значений. Так как именно обозначения должны оставаться неизменными в оригинале и переводном тексте. Но для того, чтобы обозначения оставались неизменными, они должны быть понятными.

Соответствие между двумя различными культурами, установление эквивалентов всегда строится на основе обозначений – значения является принадлежностью конкретного языка и в тексте служат средством передачи определенных обозначений. Ошибки и несоответствия в переводе могут возникнуть и при идентификации обозначений, и при подборе соответствующих значений, имеющихся в языке перевода. В обоих случаях, самым важным является подбор такого варианта, то есть такого обозначения, которое не подвергнется изменениям, несмотря на его конкретную реализацию. Это может быть традиционная для лингвистической семантики пресуппозиция, которая является компонентом мысли. От её правильности зависит, чтобы выражение воспринималось в соответствии с данным контекстом. Это также могут быть идея, концепт, в меньшей степени зависящие от языка. Для перевода художественного дискурса, по нашему мнению, все же самой оправданной будет ориентация на культурологический аспект. Понятие концепта соответствует представлению о тех образах и понятиях, на которые человек опирается в процессе мышления, и которые отражают опыт и сущность знаний человека, достигнутых им в результате своей деятельности и познания мира (Маслова 2004: 42, Хинтиikka 1980: 90-92).

Для того чтобы между представителями двух культур состоялась коммуникация, они должны обладать коммуникативной компетентностью. Тему коммуникативной компетентности ученые начали обсуждать довольно поздно, так как раньше в языкознании обсуждали лишь компетентность языковых понятий. Выяснилось, что знание языковой системы не подразумевает хорошее владение данным языком. Языковеды доказали, что для успешной коммуникации необходимы адекватные фоновые знания, что подразумевает коммуникативное участие, обуславливающее взаимопонимание во время беседы. В фоновую информацию входит знание индивидуальных особенностей интернациональных, национальных и этнических групп. Как пишет В.С.Виноградов, русские языковеды, Е. Верещагин В. Костомаров стали первыми в России, кто подробно рассмотрел в своей книге концепцию фоновых знаний, и хотя предложенная ими формулировка со временем претерпела изменения, суть осталась той же (Виноградов 2001:19).

Перевод может быть признан адекватным, если с эмоциональной точки зрения он воздействует на те же участки, что и оригинал. То есть для достижения цели переводчик должен одинаково хорошо быть осведомлен и в языковых, и разговорных и культурных аспектах.

К тому же, адекватное понимание взаимоотношений культур возможно лишь в условиях владения коммуникативной компетенцией в совершенстве. Для того чтобы предложение не было воспринято как семантически аномальное и неуместное в данном контексте, этот компонент должен быть правильным. Напр., *феминизм*, *женщина с изюминкой*, *une femme a du chien* - инвариантом сущности этих трех разноязычных высказываний является *эффектная*, установить который переводчикам с соответствующих языков или просто коммуникаторам будет сложно, если они будут концентрироваться лишь на значении слова. Выражение *феминизм*

или *ძ ა გ ლ ო ა ბ ო ჟ ა ლ ო* может не быть семантически аномальным, однако в данном контексте может оказаться неуместным, в то время как высказывание *соленая женщина* является и аномальным и неуместным. В первой фазе перевода, который должен исчерпать момент понимания текста (на семасиологическом уровне), ошибки, допущенные при интерпретации, непременно приведут к ошибкам в тексте перевода (на ономасиологическом уровне). Для неправильно выбранного обозначения переводчик подберет соответствующее значение в языке перевода и, в результате, получит искаженную мысль (Красных 2002:32).

Аномалиями также можно считать примеры, приведенные Цибахашвили: русское выражение - скрасить нашу серую жизнь – переводится на грузинский как *Sveni nacrisferi cxovrebis galamazeba*. *Серый* по-грузински иногда и соответствует значению *nacrisferi* (напр., когда речь идет об одежде), однако выражению «серая жизнь» будет соответствовать не *nacrisferi*, а *uferuli*, *uRimRamo*. Выражение «серый хлеб» настолько прижилось и не подвергается переводу, что и в грузинском употребляется как *seri puri*. Язык не принял выражения *ruxi puri*, а *nacrisferi* – тем более. Отношение слова *серый* к цвету хлеба оказалось настолько трудным, что в русско-грузинских словарях, изданных Академией Наук, этот пример опущен. Хотя, именно на таких случаях нужно заострять внимание, чтобы не создавать благодатную почву для использования варваризмов (*seri puri*) (Цибахашвили 2000: 44).

В изданном в 1973-1984 гг. переводе В. Татишвили произведения «Завтрак у Тиффани» зафиксированы такие формы стратификационного обращения, которые указывают на влияние советской цензуры и являются аномальными. Думаем, что под страхом советской имперской цензуры, насыщенной ложной морализацией, в данном переводе выражение *dyke* (лесбиянка) было передано как *старая дева*. Подобный перевод

неприемлем, так как может превратиться в курьезный набор слов:

В переводе В. Гатишвили мы читаем:

Кстати, - обратилась она ко мне - нет ли у вас знакомой старой девы? Мне нужна компаньонка. Я такая бесхозяйственная, что у меня нет денег на служанку. А эти старые девы – прекрасные домохозяйки. Они любят заниматься домашними делами, а ты, в свою очередь, спокоен, не нужно ни убирать, ни следить за холодильником, ни бегать в прачечную. У меня была одна компаньонка в Голливуде. Её снимали в ковбойских фильмах, все называли её бродячей старой девой, но в домашних делах ее никто не мог превзойти. А что прикажешь делать людям, они, наверное, думали, что и я немного старая дева, и, действительно, так оно и есть. Каждая женщина в душе немного старая дева: чуть-чуть. Эх, мужчины не опасаются этого, наоборот, это их возбуждает, а что касается моей старой девы, она дважды была замужем - вообще старые девы всего два раза выходят замуж - и то, для фамилии. Не все ли равно назовут тебя миссис та, или миссис эта? (Капоте 1958: 150).

Если верить переводу, можно дважды выйти замуж и оставаться при этом старой девой, а 18-летнюю девушку (именно столько лет по книге Хоули Гоулайтл) считать старой девой.

В переводе Х. Беридзе этого произведения, вышеупомянутая аномалия исправлена и адекватно переведена (Капоте 1958: 41).

Таким образом, в заключение мы можем сказать, что большинство случаев лингвокультурологических аномалий в языке обусловлено низкой коммуникативной компетенцией адресатов, соответственно, в обществе ещё раз встает вопрос социальной необходимости знания фоновой информации.

Литература:

1. Виноградов В.С. 2001: Введение в переводоведение. Москва.
2. Капоте Т. 1958: Завтрак у Тиффани. Перевод В. Татишвили. Тбилиси.
3. Капоте Т. 1958: Завтрак у Тиффани. Перевод Х. Беридзе. Батуми.
4. Красных В.В. 2002: Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Москва.
5. Маслова В.А. 1980: Введение в когнитивную лингвистику. Москва.
6. Омиадзе С. 2006: Структура, семантика и функционирование лингвокультурологических составляющих грузинского дискурса. Тбилиси.
7. Хинтиikka Я. 1980: Логико-эпистемологические исследования. Москва.
8. Цибахашвили Г. 2000: Вопросы теории и практики перевода. Тбилиси.
9. Goodenough W.H. 1957: Cultural Anthropology and Linguistics. Washington D.C: Georgetown University Press.
8. <http://en.wikipedia.org/wiki/Anomaly>

Shota Rodinadze (Georgia)

LINGUO - CULTURAL ANOMALIES FROM THE VIEWPOINT OF CULTURES

Summary

The present article deals with the essence of relationship between language and culture, which gains the interest of different background knowledge bearers day by day. Here are also given some examples of anomalistic translations from different sources, which prove that adequate awareness during cross-cultural relationship is available only in the conditions of complete communicative competence, consisting of lingual, speech and cultural competences.



Издательство “УНИВЕРСАЛ”

Тбилиси, 0179, пр. И.Чавчавадзе №19, ☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge